

С (ТЫВ)
У 48

УЛУГ-ХЕМ

№4

2012

ЖУРНАЛ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ТУВЫ

УЛУГ-ХЕМ

ЖУРНАЛ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ТУВЫ

Основан 25 августа 1946 года

Главный редактор Э.Б. Мижит

№4 (72) 148

Кызыл - 2012

С (Тув)
У-47

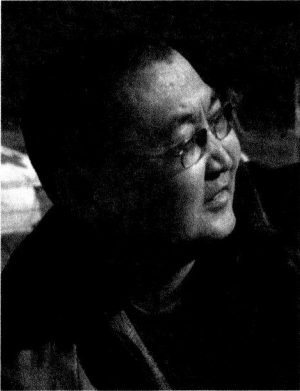
Главный редактор Эдуард Мижит.

Учредители: Министерство культуры РТ, коллектив государственного автономного учреждения РТ “Редакция журнала “Улуг-Хем”.

Журнал зарегистрирован в Тувинской Республиканской инспекции по защите свободы печати и массовой информации. Регистрационный номер ПИ №ТУ 17-00015.

М 4702580600 без объявл.
24-13-2004

© Редакция журнала “Улуг-Хем”, 2012 г.
© ООО “Кооператив «Журналист», 2012 г.

Роман ЛУДУП

ДОЛГИЙ ПУТЬ ОДНОЙ ТИШИНЫ

*(Продолжение. Начало в журнале
«Улуг-Хем» №2 2012 года.)*

ТУДА, ГДЕ МОРЕ УХОДИТ В НЕБЕСА

Ранним летним утром, когда заря чуть забрезжила, и ее лучи заалели в зыбких дымках высоких серебристых облаков, над головой молодого бойца революционной красной армии, стоявшего на часах, низко пролетала красная птица ангыр¹. Он сразу узнал ее. Что-то, ее-то он ни с кем не спутает. Пылающее как огонь ярко-рыжее оперение груди с любого расстояния делало эту птицу легкоузнаваемой. Она летит неторопливо, изредка взмахивая своими широкими крыльями, горделиво взирает с высоты своего полета на все то, что происходит там, внизу. Она видит узенькую горную речку, с двух сторон зажатую, словно в тиски, каменистыми горными грядами, заросшими густым многовековым лесом. И по пойме этой быстротечной, игриво петляющей речки на высокий горный перевал идет широкая дорога. Эта дорога, на пару с речкой, тоже петляет, рисуя на поверхности земли причудливые зигзаги узора-гиганта. Речка день и ночь звонко поет и легко бежит и бежит вниз, унося свои воды в дальние дали, а дорога медленно и упорно вот уже несколько лет идет и идет вверх, с трудом пробиваясь сквозь дикую бескрайнюю тайгу, и внезапно прерывается, упершись на небольшой холмик. И там же стоят, сооруженные на скорую руку, несколько больших барачков, а чуть поодаль десятка три палаток. Люди пока еще спят. Не спали лишь несколько часовых, среди них и тот молодой боец, одиноко стоявший на крайнем посту.

¹ Огарь

А, ведь тут испокон веков только и колыхалось и шумело на ветру бескрайнее море сине-зеленой тайги. Редкие охотники отваживались ступить в эти непроходимые и дикие места. И вот однажды, всего три года назад, почему-то люди вдруг решили проложить себе тут дорогу.

Они пришли... Запахло горьким дымом... Стали рубить деревья, копать землю, делать насыпи... А, разразившийся от этой людской суеты шум-гам: окрики людей, ржание лошадей, лай собак, режущие слух скрежет и лязг... нарушили вековые тишину и покой.

Некоторым птицам и зверям навсегда пришлось покинуть эти места. А пара красных птиц осталась тут и не покинула обжитое годами родное место гнездованья. Они не боялись людей, потому что в этих краях люди никогда не охотились на птиц, но все же, на всякий случай, держались от них на почтительном расстоянии. Свили они свое гнездо в расщелине обросшей мхом скалы, что недалеко от той звонкоголосой речки. Они облюбовали это место потому, что тут речка значительно замедляла свое течение, растекаясь вширь и превращаясь в тихую заводь. А неподалеку от того места, где они свили гнездо были два крохотных озера, образовавшиеся после весеннего паводка, и вода в них со временем приобретала так нужный им солоноватый вкус...

Точное место для гнездования выбирал самец. Он позаботился и о том, чтобы вылупившиеся птенцы смогли легко покинуть гнездо, не причинив себе никакого вреда. Каркас гнезда сделали из тонких прутьев, затем тщательно устлали его белым пухом и рыжими перышками...

Люди, куда-то прокладывающие себе дорогу, на этот раз очень близко подобрались к месту их гнездования. Но успокаивало их лишь то, что строительство дороги шло на другом, противоположном берегу...

...Заботливый отец, охранявший гнездо, очередной раз осторожно облетел скалу и, убедившись, что их гнезду ничто не грозит, крикнул успокаивающе: «ка-а-нг – ка-а-нг», а мать, согревающая своим теплом птенцов там, внизу в расщелине, нежно и трепетно ответила ему: «нга-а-к – нга-а-к». И вдруг, спавшие в утренней тишине горы, скалы, деревья и травинки, проснулись от птичьего говора и так же трепетно начали вторить этим славным птицам: «ка-а-нг – ка-а-нг, нга-а-к – нга-а-к»...

Молодой боец, продолжавший стоять на посту, наблюдая за полетом птицы и, слушая эхо трепетного говора двух птиц, вспомнил одну чудесную притчу, услышанную им когда-то из уст своего дяди монаха.

Это было в стародавние времена, когда, во имя блага всех живых существ, Великому Учению наставлял сам блаженный Будда, жила в наших краях одна большая семья охотника. Детей в семье было много и, чтобы прокормить их, отец семейства только и делал, что

занимался охотой. Каждый раз, перед тем, как отправиться на охоту, он разводил жертвенный огонь и, бросая туда ветки можжевельника, топленого масла и различные яства, молился, чтобы духи гор, рек, земли и воздуха проявили к нему милость и послали удачу. И ему действительно везло. Он знал, что добрые духи не отвергали его скромные подношения, и каждый раз снисходительно внимали его искренним молитвам.

Но однажды пришла долгая и лютая зима. Снегу навалила немарно и жгучей метелью завывала... И, как всегда, беда пришла не одна – черный мор не пожалел никого – ни зверя, ни скотину, ни людей...

Семья бедного охотника кое-как прозимовала, а к весне им совсем стало худо. Дети голодные стали плакать и надрываться, а наш охотник каждый раз возжигая на костре свои подношения и, помолвившись своим духам, отправлялся на охоту. Но ускользнула от него бывшая удача. То ли добрые духи не внимали его молитвам, то ли действительно не осталось ни одного зверя во всей округе – наш охотник каждый день возвращался в свою юрту ни с чем.

Вот однажды наш охотник брел и брел среди высоких ущелий в надежде подстрелить своим голодным детям хотя бы зайку белую, хотя бы и сурка серого... Но не встречал он ничего на тропе своей охотничьей. К вечеру он совсем пригорюнился, и руки свои в бессилии опустил. И было уже заплакал наш охотник, да начал приговаривать: «Как же прокормить мне своих деток маленьких, как же мне отвести от них голодную и холодную беду эту?..» Так он шел и лил слезы свои горькие и вдруг увидел олениху молодую. И воспрянул в нем дух охотничий, и пустил он свою меткую стрелу в грудь оленихи, и пала олениха с пронзенным сердцем на землю сырую. Ликуя и торжествуя, подбежал наш охотник к своей добыче и вдруг в ужасе так и застыл. Он увидел беспомощного, только что родившегося на свет божий крохотного олененка. Олененок с трудом поднялся на свои не окрепшие ножки и упал. Затем снова поднялся и, пошатываясь, подошел к своей уже мертвой матери. Олененок, тыча мордочкой в окровавленное тело оленихи, искал ее вымя, но никак не находил. А сладкое молочко пахло где-то совсем рядом, но его мать почему-то совсем не помогала своему олененку и не подставляла его мордочке налитые молоком свои вымя. Осиротевший олененок издал жалобный крик и из его широко открытых глаз полились слезы. Охотник, посмотрев в полные слез глаза олененка, узнал в них глаза своих маленьких голодных детей. Он хоть и охотник, но сердце его было не каменное. «Что я наделал?! Что я наделал?!» – виновато говорил наш охотник. «Такой тяжкий грех я свершил! Такому грешнику, как я, не жить на этом свете!» - говорил в отчаянии охотник. Его сердце наполнилось болью и состраданьем к осиротевшему олененку. Затем он сломал лук и стрелы, выбросил их, подбежал на край высокого утеса и прыгнул, чтобы умереть.

В это время блаженный Будда, находившийся за девятью горами, за девятью реками и за девятью морями, услышал слова раскаяния нашего охотника и узрел, что охотник от боли и отчаяния за содеянный им проступок прыгнул с высокого утеса, решив покончить с собой. Сердце Будды наполнилось милосердием и состраданием, и Всемогущий решил спасти ему жизнь ради его же детей. Блаженный сделал взмах своей волшебной рукой, и наш охотник, летевший вниз к своей гибели, вдруг воспарил как птица и, облетев свою юрту, тихо приземлился.

А из одной пещеры высоких отвесных скал на все происходящее в недоумении наблюдал один монах отшельник. Монах этот был искусным мастером йоги, блюстителем праведной жизни, живший много лет в уединении, чтобы постичь тайны бытия... Он лишь видел то, как один грешник, совершив кровопролитие, не получив за это никакого воздаяния, прыгает со скалы и, как птица, свободно парит и парит в небесах...

Затем, когда наш охотник благополучно приземлился у своей юрты, праведник, наблюдавший за ним, подумал: «Если вот такой грешник, обладает такими чудесными способностями, то я – человек, избравший святой путь, посвятивший почти всю свою жизнь молитвам и самоочищению, и, в конце концов, достигший высоких ступеней самореализации, чем же я хуже него? Я тоже смогу взлететь. Взлететь выше, чем он!» Подумав так, монах лишь сделал шаг и, с отвесной скалы камнем полетев вниз, разбился.

Беспомощный монах неподвижно лежал у подножия высокой скалы, но лишь его взор все еще был устремлен к небесам. Жизнь постепенно стала покидать его. Но в последний момент, когда огонек его жизни окончательно стал угасать, он понял свою ошибку – это *зависть* и *гордыня* ослепили его. Он не должен был поддаваться их искушениям. Теперь его душу ждал только Ад. Затем из его глаз словно коралловые бусинки выступили две кровавые слезинки. Это были слезы раскаяния. И лишь, благодаря этому искреннему раскаянию, произошло очередное чудо – сиявшие коралловыми бусинками его слезинки вдруг взмыли и, превратившись в двух изящных красных птиц, устремились в небеса. Так душа монаха, вместо падения в Преисподнюю, перевоплотилась в эти прекрасные создания.

Вот так вот в наших краях появились эти чудесные птицы, и до сих пор эта неразлучная пара красных птиц гордо парит в небесах, и люди их иногда называют лама куштар – птицы-ламы...

...После смены караула, наш молодой боец вернулся в казарму, и, как и все бойцы, сдавшие свои посты, в первую очередь занялся своей винтовкой. С улицы доносился чеканный голос комиссара. Он отдавал указания конвоирам. «Если кто-то сделает шаг влево или шаг вправо считайте это как попытку к бегству и открывайте огонь на поражение без предупреждения... С раскулаченными и другими кон-

треволюционными элементами в разговор не вступать и их просьбы не выполнять...» – надрылся комиссар. Эти указания бойцы знали уже наизусть, но все равно, комиссар каждое утро, нахмутив густые черные брови, буквально в упор, буравя всех своим надменным и холодным взглядом, выкрикивал, стоявшим в шеренгу и буквально замершими перед ним по стойке смирно бойцам, заученные им из боевой инструкции слова. Затем он, выборочно подходил к любому из бойцов, приказывал выйти из строя, и продолжая буравить его тем же своим холодным и колющим взглядом, требовал повторить его слова. Боец, сделав шаг вперед и, повторяя слово в слово указания комиссара, чеканил: «Если кто-то делает шаг влево, или шаг вправо считать как...» и так далее.

Многие бойцы знали, что отвечая на вопросы комиссара, лучше не смотреть в его глаза, так как не каждый мог вынести его тяжелый и темный взгляд с ледяным блеском. Убрав руки за спину, широко расставив ноги, плотно зажав свои тонкие и нервные губы, он своим гипнотическим взглядом буквально впивался в глаза бойца. От этого отвечающий впадал в какой-то непонятный ступор, язык у него окоченевал и начинал бормотать что-то нечленораздельное...

Наш боец, как и все его боевые товарищи, тоже знал эту инструкцию наизусть, знал и про взгляд комиссара, как знал свою винтовку системы Мосина образца 1891 года, несколько раз претерпевшую незначительные модернизации.

Когда он проходил курс молодого бойца, лейтенант, проводивший занятия, приказал всем новобранцам вызубрить характеристику винтовки так, чтобы, если даже ночью с глубокого сна внезапно их поднимут и спросят, они смогли ответить безо всякой запинки: «Винтовка системы Мосина, калибр 7, 62 мм, емкость магазина 5 патронов, начальная скорость пули 865 метров в секунду, прицельная скорострельность 10 выстрелов в минуту, прицельная дальность 2000 метров, вес со штыком 4,5 кг, длина со штыком 1660 мм...» и так далее.

Боец отомкнул штык, затем, прижав к груди винтовку, правой рукой быстро-быстро защелкал затвором и пять патронов один за другим вылетели из магазина и упали в предусмотрительно подставленную ладонь его левой руки. Затем, зажав их в кулаке и, почувствовав исходящий от них холод обещания неизбежной смерти, он, едва слышно и задумчиво, проговорил: «А тупоконечная пуля весит 13,7 граммов».

После чего он аккуратно снял затвор, вытащил шомпол, положил в патронник кусок войлока, смоченный в жидком ружейном масле, и кончиком шомпола осторожно отправил его в ствол по направлению к дульной части винтовки. Выпавший из дула кусок войлока он тщательно рассмотрел и, убедившись, что на нем нет следов от ржавчины и пороха, выбросил его. Затем данную процедуру он повторил несколько раз, но уже без войлока, а намотанным на кончик

шомпола куском ветоши, строго, как и учили, по естественному направлению пули – от казны к дулу...

После чистки и смазки винтовки, бойцы, вернувшиеся вместе с ним из караула, вышли из казармы, и пошли завтракать, а он остался. У него не было ни сил, ни аппетита. Ему хотелось только выспаться. Лежа на кровати и прищурившись, он наблюдал, как из проделанных вместо окон двух маленьких прямоугольных отверстий струились лучи утреннего солнца. Таких отверстий было всего четыре – по два на восточной и западной стенах и этого было явно недостаточно для полного освещения помещения. Он лежал на своей кровати, расположенной в дальнем темном углу и наблюдал, как парившие в воздухе, незаметные глазу маленькие частички пыли, попав под тихий обстрел солнечных лучей, начинали светиться и плавно клубиться, затем медленно-медленно подниматься вверх. Он вспоминал своих стариков – родителей, вспоминал и об одной девушке, чьи глаза напоминали двух глубоких озерец, на тихой глади которых, искрились солнечные блики и отражались небо и облака...

Прошло немного времени, веки бойца постепенно отяжелели и, его сознание, стало тихо-тихо погружаться в неосязаемые воды безбрежного океана – океана Тишины, а где-то там, на берегу той таежной речки, словно убаюкивая его, вновь завели свою нежную беседу птицы-ламы: «ка-а-нг – ка-а-нг» – заботливо протянул селезень, «нга-а-к – нга-а-к...» – трепетно ответила ему самка...

– При движении строй не нарушать! Шаг влево, шаг вправо считается попыткой к бегству, и открывается огонь на поражение без предупреждения! – под злобный лай, служебных собак, натасканных на запах заключенных, прокричал на этот раз сержант, обращаясь к серой и угрюмой толпе, выстроившейся перед ним под бдительным присмотром вооруженного конвоя. Четыре ряда изможденных узников, состоявших из мужчин и женщин, разделенных по половому признаку, в полном равнодушии выслушивали раскатистый голос сержанта.

– Слушай мою команду! – вновь прокричал сержант. – Нале-е-во! Впере-е-д, бего-о-м марш!

Рядом с сержантом, все также, убрав руки за спину, широко расставив ноги, слегка покачиваясь взад и вперед, стоял комиссар и тем же своим леденящим взглядом, надменно взирал, как огромная серая монотонная масса, сплошь состоявшая из ненавистных им врагов народа, сопровождаемая вооруженной до зубов охраной, хлынула вперед. Перед его взором замелькали, насквозь пропитанные запахами страдания, ненависти и смерти, жалкие сторбленные тени, облаченные в лохмотья, с опухшими от недосыпания глазами. Сначала промелькнули человек двести мужчин, затем человек пятьдесят женщин. Он знал, что со вчерашнего дня число женщин увеличилось, так как из центра по этапу в его распоряжение поступили 50 узниц.

Когда старшина конвоя, построил этапированных для передачи, он пришел в ярость – будь он на месте того конвоя, пристрелил бы их по дороге за попытку к бегству. «Зачем мне бабы?! Мне бы мужиков. Молодых и сильных» – сказал он старшине, не скрывая своего возмущения. Старшина лишь пожимал плечами, от этого и без слов было понятно, что он лишь выполняет приказ.

Среди вновь прибывших была и одна девушка лет двадцати. Увидев ее, комиссар с каким-то внезапным и вкрадчивым любопытством стал рассматривать ее с головы до ног, и его недовольство тут же куда-то испарилось. Он взял ее дело и глянул на обложку папки – статья, как и у всех, осуждена за шпионаж... Затем, открыв первую страницу и бегло прочитав ее данные, он задал ей несколько вопросов, а она, словно в рот воды набрала, с каким-то отчужденным и опустошенным взглядом, почему-то, в упор смотрела ему в глаза и молчала. Когда он, резко захлопнув толстую папку с ее именем на корке и, подойдя к ней, заорал во все горло: «Отвечай, сучка!» – она не опустила глаза, и лицо ее по-прежнему оставалось каменным. «Да, я тебя, сучка, сгною тут, если не подохнешь, я собственноручно пристрелю тебя как собаку!» – обещал он ей.

«А сегодня эта сучка в этой толпе, и скоро, как и многие, сгниет и подохнет» – уверенно подумал комиссар, провожая колонну и, продолжая раскачиваться с носков на пятки. Не молчание ее так взбесило его вчера, а взгляд. Несмотря на свою кажущуюся сломленность, ее глаза будто бы кричали на него, что для нее он просто никто... И он, даже сегодня, когда стоял и, сморщивая нос, смотрел на мелькавших перед ним узников, все еще чувствовал на себе ее не покорившийся взгляд.

Сержант, дождавшись конца колонн, тоже побежал вслед за всеми, крича: «Раз, два, раз, два...», тем самым, задавая ритм бегущей колонне.

Когда колонны, сопровождаемые конвоем, стали исчезать среди деревьев и густорастущих кустарников, комиссар резко перестал раскачиваться. Затем, разжав свои тонкие губы и, изображая на лице гримасу презрения, прошипел: «Ты подохнешь, но прежде...». Он не договорил. Лишь в его глазах зловещей загадкой выступили и сверкнули жгучей остротой змеиного яда капли ненависти. Затем он плюнул вслед исчезающим колоннам и, повернувшись в сторону штаба, удалился быстрыми шагами.

Задающий ритм толпе, голос сержанта, отдалялся и уже начал пропадать, поглощенный размеренным шумом тайги, а в летнем утреннем воздухе, смешанный смрадом, исходящим от проветриваемых барачных и казарм, все еще продолжали витать дух ненависти, страха и вездесущей смерти...

Солнце медленно поднималось и вместе с тем, уверенно усиливающаяся жара, становилась невыносимой и для каторжников, и для

конвоя. Отовсюду слышались звон и лязг кирок, ломов и лопат, с непрерывным упорством вгрызающихся в каменистую землю, впере­мешку со скрипом и скрежетом телег и тачек, а также подгоняю­щими окриками солдат и фырканием лошадей, из последних усилий тянувших за собой огромные телеги, нагруженные землей.

Разделенные на бригады каторжники работали без малейшей передышки. Часть узников, состоявших исключительно из мужчин, были отправлены еще дальше, для выруб­ки и расчистки многове­кового леса.

Каторжники работали по 12 часов в день, не считая времени на дорогу. Работа для них начиналась с семи утра. Часом позже под­ходили вольнонаемные и добровольцы, вызвавшиеся на строительство «Дороги в Светлое будущее». Они привлекались на менее трудные работы и имели в своем рабочем распорядке десятиминутные пере­куры и перерыв на обед, а рабочий день для них заканчивался в шесть вечера, и они, громко смеясь и хором распевая новые песни, в основном славящие «отца народа», уходили в свой отдельный лагерь.

Девушке, не дрогнувшей перед нечеловеческим взглядом комис­сара, всучили кирку и приказали копать землю вместе с женщина­ми и несколькими, окончательно изможденными, стариками. Среди стариков особо выделялся один монах лет семидесяти. То, что он монах выдавал его выцветший и грязный терлик² специального кро­я и без воротника. Он еле передвигал тощие ноги и, с трудом дыша, поднимал и опускал тяжелую кирку.

Когда девушке всучили орудие труда, она заметила, что остро­конечная часть кирки почему-то была запачкана каким-то темным веществом, покрытым слоем грязи. Поднеся кирку поближе к глазам и рассмотрев его, она поняла, что это кровь.

Пристроившись поближе к старику-монаху, девушка ударила о землю окровавленной частью кирки. С первого раза вонзить кирку в землю ей не удалось. Земля была настолько каменистой и твердой, что кирка, лишь сверкнув искрами, резкой болью отдаваясь в ее нежных и хрупких кистях, отскочила назад. Она, переборов боль, стала снова и снова вонзать кирку в твердую землю, но кровь из поверхности стали не отставала, а наоборот стала все ярче и ярче алеть, словно хотела обрести свои первоначальные цвет и свежесть. Тогда она подумала: «Что я делаю?! Быть может, это кровь самой Матушки Земли?». От этой мысли внезапно у нее ком к горлу под­ступил и этот неподвижный ком стал ее душить, но она почему-то не остановилась, а продолжала упорствовать и, тяжело дыша, все сильнее и сильнее ударяла киркой по одному и тому же месту. Постепенно земля поддалась, и кирка стала уходить в землю все глубже и глубже, пока заалевшая кровь окончательно не стерлась с поверхности равнодушной и холодной стали...

После полудня изнуряющая жара стала нестерпимой. Стоять под

² Терлик – летняя верхняя одежда с длинным подолом.

таким пеклом было непомерно трудно и конвою. Солдаты начали нервничать и выходить из себя, и, в конце концов, стали обрушиваться на каторжан все накопившееся раздражение.

– Ты что встал, урод! Давай, шевелись быстрее! – закричал один из солдат и прикладом винтовки ударил одного из стариков. Старик упал, а солдат поднял, выроненную стариком, лопату и ею же стал добивать его. Некоторые каторжники прекратили работы и лишь глянули в сторону солдата и бедного старика, но, тут же, будто только и ждали этого момента, удары прикладом нещадно обрушились и на них. Больше всех досталось старику-монаху. Солдат, который стоял недалеко от него, быстрыми шагами подошел к старику и тоже прикладом со всех сил обрушился на спину иссохшего его тела. Раздался хруст сломавшейся кости, и старик рухнул на землю. Солдат подошел к нему поближе и, не выпуская из рук винтовку, продолжил избивать его тяжелыми пинками. В отличие от других, старик-монах почему-то не уклонялся от ударов и совсем не защищал руками голову и лицо. Через некоторое время солдат прекратил избивание и заорал на старика: «Вставай, сволочь!» Старик не двинулся, а лишь посмотрев в его глаза, слабо улыбнулся истекающим кровью ртом, и вместе с улыбкой в глазах монаха сверкнул едва заметный огонек никому непонятной радости. Солдат впал в ярость и вновь принялся долбить старика, требуя от него, чтобы он встал и продолжил работу. К этому времени к солдату и старику подоспел сержант, который командовал колонной.

– Что случилось? – спросил сержант, остановив солдата, даже не глядя на неподвижно лежавшего старика.

Солдат козырнул и выпалил:

– Отказался выполнять работу, товарищ сержант.

Сержант подошел к старику-монаху и обратился к нему:

– Или ты встанешь и продолжишь работу, или я тебя прикончу за неподчинение.

Старик продолжал лежать, а рядом с ним валялась, оброненная им кирка с вороньим стальным клювом, словно терпеливо ожидая своего участия в происходящем. У старика на этот раз был разбит не только рот, но и все его лицо буквально горело кровавым пламенем. Он, посмотрев на сержанта, вновь улыбнулся, теперь уже во весь свой беззубый рот. Затем начал что-то бормотать.

Сержант повернулся к солдату, молча, взял у него винтовку и, немного отойдя от старика, совершенно спокойным голосом сказал:

– Что нам теперь, обратно его тащить что ли? Кому это надо. От него и так толку было мало. Взамен все равно пригонят новую рабсилу. Да пусть ты его в расход.

Солдат подошел к старику и посмотрел ему в лицо. Монах закашлялся, и из его рта вывалились сгустки запекшейся крови. Затем он снова стал бормотать, но постепенно, издаваемые им, лишённые всякого смысла нечленораздельные сгустки звуков, стали превращать-

ся в еле слышные слова, затем в целые предложения. «...Пусть все существа, без исключения, очистятся от неведения...» – послышалось из уст старика. Затем он опять закашлялся и, с трудом одолев, раздирающие его горло и грудь приступы кашля, продолжил: «... пусть, пожирающая сердца людей пламя зависти, гордыни, страсти и гнева, погаснет навсегда...». Он несколько раз прерывал свою предсмертную молитву, так как кровь, вырывающаяся наружу мощными толчками, быстро заполняла ему рот, затрудняя ему дыхание и вызывая все новые и новые приступы кашля.

– Что он там бормочет? – спросил сержант.

– Вроде как молитву читает – не оборачиваясь, равнодушно ответил солдат.

– Подожди – сказал сержант. Затем, обращаясь к каторжникам, своим раскатистым голосом, заорал во все горло:

– Внимание! Рабочий инвентарь и телеги с лошадьми оставить!

Затем, отмерив несколько шагов от того места, где лежал старик, вытянул руку в сторону и скомандовал – В четыре шеренги, ста-а-новись!

Угрюмая и серая масса людей, выстроившаяся в шеренги, под палящим солнцем, в ожидании очередной бесчеловечной сцены, застыла в оцепенении. Между выстроившимися каторжниками и бесстрашно ожидавшим своего часа стариком-монахом, стояли солдаты с винтовками, на которых холодно сверкали примкнутые штыки. Были там и несколько солдат, которые с трудом удерживали служебных собак, с бешеным лаем рвущихся на каторжан, готовых наброситься и растерзать тех, кто сделает хоть шаг в сторону.

Старик-монах, все еще бормоча свою молитву, медленно приподнялся и присел, затем, с помощью своих рук, видимо из последних своих усилий, подтянул свои неподвижные ноги и, скрестив их в позе лотоса, на удивление всем, горделиво выпрямил спину и опять улыбнулся, не переставая читать свою молитву. А в его смеющихся глазах с новой силой заискрились понятные только ему самому, живые огоньки.

Что дальше будет, знали все. Догадалась об этом и наша девушка. Она опустила глаза и, слегка наклонив голову, тихо-тихо прочла ту же молитву, которую бормотал монах.

А в этот момент, солдат получивший приказ от сержанта, поднял с земли кирку и медленно пошел к старику... Установилась тяжелая темная тишина, и лишь небо всюду сверкало лучами солнца там, наверху...

...Когда происходила казнь, глаза каторжан были опущены и ни один из них не захотел увидеть эту, лишённую всякого смысла, циничную расправу. Огонек жизни в глазах, уже казненного старика-монаха, медленно угасал, а его тихая улыбка и смеющиеся глаза так

и застыли на его окровавленном лице, устремленном в небо.

— Собрать тела и туда же — под насыпь! — коротко приказал сержант нескольким мужчинам, которых солдаты вывели из строя.

Услышав голос сержанта, девушка подняла глаза, и впервые за весь день мельком пробежав глазами по поверхности участка, где каторжане выполняли свою непосильную работу, увидела удручающую картину. Там и тут лежали тела тех, кого насмерть забил конвой, а также и тех, кто просто не выдержал этот адский труд, унижения и нечеловеческие условия.

Тут, гибли не только люди — под откосом возвышающейся над землей широкой дорожной насыпи, где там и сям виднелись брошенные орудия труда и три десятка, нагруженные доверху землей, повозки, в предсмертных судорогах корчилась и пара лошадей...

Молодой боец спал крепко без всяких сновидений. Когда он проснулся, лучи солнца все также тихо струились на пол из квадратных отверстий на западной стене казармы. «Должно быть, сейчас около трех часов» — подумал он. Боец прислушался и, вместо трепетного говора птиц-лам, услышал лишь щемящую тишину. Затем он повернулся на другой бок и, уставившись на прокоптившуюся темную стену, предался своим тихим воспоминаниям.

Его родители были самыми обычными кочевниками, и он был единственным ребенком в семье. В начале лета из своей весенней стоянки они перекочевывали на юг и ставили свою юрту на берегу большого озера, что недалеко от монгольской границы. Это было излюбленное место кочевников, так как вода в озере была пресной и вкусной. Поэтому многие араты, в том числе и монголы, из далеких точек бескрайней степи со всем своим многочисленным скотом перебирались сюда и, недалеко друг от друга, там и тут ставили свои белоснежные юрты.

Днем по тихой глади озера скользили птицы самых разных видов. Птиц было всегда много, и многие из них, сбиваясь в стаи, целый день плавали по озеру, то и дело, резко и шумно взлетая с тихой поверхности озера.

Каждое лето где-то недалеко от их юрты вили себе гнездо и пара красных птиц. Они жили несколько уединенно, но всегда держались вдвоем, оберегая своих птенцов. Люди, знавшие притчу об этих птицах, называли их птицами-ламами. Он несколько лет назад как-то попросил своего дядю-монаха рассказать эту притчу. Его дядя в то время занимался приготовлениями, чтобы отправиться в одну из пещер северных гор. Он готовился к тому, чтобы посвятить остаток своей монашеской жизни уединению и созерцанию. Дядя, отложив свои дела, неспешно и с большим чувством рассказал ему эту чудесную притчу.

Закончив свое повествование, его дядя, медленно перебирая санда-

ловые четки, вдумчиво промолвил: «Мы все свою жизнь посвящаем смерти. Так или иначе, рано или поздно, она неминуемо приходит к нам в конце нашей жизни. Нужно как следует подготовиться к ее приходу и, самое главное – нужно правильно умирать...»

Его дядя каждый день, утром и вечером, скрестив свои ноги и приняв позу лотоса, подолгу совершал свои молитвы. В конце молитвы он впадал в какой-то длительный транс, продолжавшийся 15-20 минут и в завершение он, резко выдыхал и одновременно произносил один короткий звук: «Хик!» – затем, вслед за этим тут же, слегка понизив голос, издавал протяжный звук «Ка-а-а». Насколько он помнит, его дядя никогда не забывал совершить этот свой странный ежедневный ритуал.

Позже он узнал, почему его дядя выкрикивал эти странные звуки. Его мать объяснила, что это практика из тайного тантрического учения. Человек, занимающийся такой практикой, сначала погружается в созерцание и начинает представлять, что его сознание, имеющее вид небольшого прозрачного шара, находится в области его солнечного сплетения и, когда он выкрикивает звук «хик», сознание-шар мгновенно устремляется к темени, а там оно достигнув невидимой буквы А, плашмя лежащей на темени, тут же с помощью звука «хик» возвращается на свое прежнее место и не успевает покинуть тело. В конце концов, если практик сочтет, что он уже реализовал себя как иогин, мысленно убирает из темени букву А, и уже в последний раз торжественно произносит звук «хик», тогда его сознание тут же переносится в рай.

– Мама, когда придет Ваше время, Вы сможете умереть правильно? – спросил он.

– Не знаю, сынок. Нам обычным мирянам, особенно женщинам, неведомы тонкости тайного учения. Думаю, нам, главное, нужно прожить достойную жизнь. Говорят еще, что для настоящего мужчины самая лучшая смерть – это смерть от пули на поле брани...

Ближе к осени, месяцем позже того дня, когда его дядя монах ушел в горы, на берегу того озера, он встретился с нею. К тому времени шесть или восемь птенцов птиц-лам уже оперились и могли, после недолгого разбега, взлетать и уверенно парить над водой. Кроме них над озером суетливо кружились большие стаи разных птиц. Перекрикивая друг друга, они громко шумели о чем-то на своих птичьих языках.

Он смотрел на птиц и думал о своем дяде. «Наверное, он не делает никаких ошибок, как тот монах из притчи, и не превратится в птицу, – переживал он, – Может быть, он уже в последний раз торжественно произнес тот свой волшебный звук, и сознание его давно перенеслось в далекий и сказочный рай...»

– Здравствуй – неожиданно и совсем рядышком прозвучал нежный голосок какой-то девочки, вклиниваясь в его мысли и переживания.

С удивлением он оглянулся и увидел ее – девочку примерно свое-

го возраста. А ему тогда было пятнадцать лет. Она прошла мимо и, набрав в деревянные ведра воды, подошла к нему и поставила ведра рядом с ним. Подол терлика девочки игриво теребил набежавший с озера шальной ветерок. Столь же игривой была и улыбка на лице так неожиданно появившейся девочки.

– Здравствуй – наконец-то, с трудом вымолвил он и вдруг почувствовал, как его лицо мгновенно обливается обжигающей краской мальчишеского смущения.

Девочка засмеялась, и он заметил, как в ее глазах только на миг, словно на тихой озерной глади, сверкнули веселые солнечные блики и отразились небо и облака.

– Птицы готовятся к перелету, – сказала девочка. Затем спросила – Ты знаешь, куда они улетают?

– Как не знаю – в теплые края, – ответил он, стараясь скрыть свое смущение.

– Ну, это, конечно, так, но, если сказать еще точнее – они улетают к теплым морям – сказала она

– А какое оно это море? – спросил он.

– Один купец из Китая объяснил моему отцу, что оно такое великое, как и наши степи, но только еще больше и уходит еще дальше, прямо в Небеса – ответила девочка.

– А птицы-ламы тоже улетают туда? – спросил он.

– И они тоже – сказала она, придерживая свой подол, игриво распахнутый тем же шальным ветерком.

– Ка-а-нг – ка-а-нг, нга-а-к – нга-а-к – словно подтверждая ее слова, неторопливо кружась над ними, вдруг заговорили красные птицы.

Они потом долго стояли на берегу и, наблюдая за полетом птичьих стай, тучами кружащихся над озером, говорили о всякой всячине. Много говорили и даже пытались представить какое оно настоящее море и каждый из них, тайком в душе, полюбил море и уже мечтал когда-нибудь увидеть его. Вот так вот состоялась их первая встреча, и она стала началом той крепкой дружбы, которая постепенно, день за днем, настолько сблизила их юные сердца, что через некоторое время в их душах вспыхнула пламя большой и чистой любви...

К великому сожалению наших влюбленных, их родители, как и все люди, жившие в этих краях, были кочевниками. Через год после их первой встречи, родители девушки откочевали в монгольские степи.

Птицы успели отлететь в теплые моря уже четыре раза, но на том месте, где стояла юрта родителей возлюбленной нашего юноши, вот уже четыре лета ставили свои юрты другие араты...

За это время наш юноша вырос и возмужал, а его сердце, мучимое воспоминаниями о той своей единственной, изнывало от тоски и печали, но от нее так и не было никаких вестей...

В семь часов вечера разводящий караульной службы, построив бойцов, зачитал приказ. Согласно приказу, наш боец, с семи тридцати вечера и до двух часов ночи, должен был охранять вход на территорию единственного небольшого барака для узниц, обнесенную по всему периметру, как и все бараки лагеря, высокими заграждениями из колючей проволоки. Отдельно, за забором стояли четыре барака, предназначенные для заключенных мужского пола, и они, своими размерами намного превосходили барак для женщин. А в четырех углах всей территории лагеря стояли вышки для часовых. Кроме этого были и невидимые изнутри лагеря две пулеметные вышки. Электричества еще не было, и в темное время суток охрану усиливали с помощью служебных собак. Цепи собак привязывали за металлические кольца, свободно скользящие по длинной прочной проволоке, протянутой вдоль ограждений с угла до угла. В отличие от часовых, собаки находились во внутренней стороне охраняемых объектов.

Солнце скрылось за горами и, прогретый за день воздух, стал медленно остывать от дыхания таежной прохлады, а по тихой зеркальной глади двух маленьких озер, образовавшихся после паводка, медленно скользили птицы-ламы и за ними следовали, уже оперившиеся, восемь птенцов. А с запада, медленно клубясь, подтягивались низкие и темные облака, и уже были слышны далекие раскаты грома, оповещавшие о надвигающейся грозе...

А по широкой дорожной насыпи, растянувшись на сотни метров, приближались к лагерю колонны каторжан, окруженные конвоем и служебными собаками. Измученные за день от непосильной работы, они шли, с трудом передвигая ноги. И по лицам солдат, потемневшим от палящего солнца и неумной злобы, можно было и без труда понять, что для них этот день тоже прошел, впрочем, как и всегда, нелегко...

Наш боец, стоявший на часах, достал ключ и открыл висевший на воротах замок. Затем осторожно отворив, обмотанные колючими проволоками, створки ворот и, отойдя немного в сторону, следуя боевой инструкции, примкнул штык и выставил винтовку вперед.

«Теперь начнется...» – с отвращением подумал он, наблюдая, как конвой начал разводить и отправлять колонны по баракам. На этом, завершающем этапе очередного дня своей службы, конвой, вдруг забыв про свою усталость, с новой силой начинал терзать узников ударами прикладов. Под лай служебных собак, несколько солдат, расположившись по двум сторонам входа и, проталкивая прикладами осужденных в ворота, начали орать: «Бегом, бегом, бегом!..» А остальные, подгоняя колонну сзади, тоже пустили в ход приклады. Каторжные, прикрывая головы руками, старались как можно быстрее проскочить этот коридор из орущего и взбесившегося конвоя – коридор унижения и устрашения и скорее попасть на территорию своего барака.

Пришел черед и женской колонне. Как всегда, часть конвоя выстроила у ворот живой коридор и приготовилась. В ожидании команды, на лицах узниц застыла гримаса очередного страха, а в воздухе повисла тяжелая своим равнодушием и безликостью тишина.

– Отставить! – вдруг послышался чеканный голос комиссара.

– Отделение, смирно! – скомандовал сержант.

Комиссар, обращаясь к сержанту и указывая рукой в сторону колонны узниц, сказал: «Построить их в шеренгу!»

Сержант подбежал к колонне и заорал:

– Колонна, напра-а-во!

На этот раз и осужденные, и солдаты были поражены поведением комиссара. Он подошел поближе к шеренге женщин, достал какой-то документ, пробежав глазами по его тексту, затем, почему-то так и не зачитав его, положил обратно в карман. Затем он сказал, что документ большой и, что если его читать полностью, потребуется много времени. Поэтому он изложит самую суть. Прежде чем сказать эту самую суть, он начал говорить о партии, об «отце народа», о том какие они заботливые, чуткие, справедливые и т.д.

Он не раскачивался и никого не сверлил холодом своего взгляда, а в его голосе временами даже слышались трепетные и трогательные нотки, особенно, когда он начинал говорить о чуткости и справедливости партии и «отца народа».

Многие солдаты, и даже узницы, забыв о своей изможденности и даже страхе, с неким любопытством и удивлением, уставились на комиссара. Внимание нашего бойца тоже было поглощено его речью, но...

Стоя по стойке смирно за спиной комиссара и слушая его, наш боец, вдруг начал на себе ощущать, что-то необъяснимое. Постепенно его внимание к речи комиссара начало совсем ослабевать, и он совершенно четко почувствовал, как по его коже, мелкой дрожью, пробежалась тихая волна, словно отголоски чьего-то далекого голоса, пытавшегося докричаться до него со дна какого-то безбрежного и холодного моря.

Он медленно повернул голову в сторону узниц и заметил, как глаза одной из женщин смотрели прямо на него. Она была моложе всех. Сердце бойца встревожено замерло, когда черты лица этой девушки показались ему знакомыми и, первым делом он подумал: «Не дай бог!» Он никому и никогда не желал такой участи, которую влачили здесь обитатели этой адской машины смерти, тем более кому-то из своих близких и знакомых.

Как и у всех женщин, волосы девушки были грязными и сильно растрепанными. Они беспорядочно свисали, закрывая ее, потемневшее от солнца, пыли и пота, лицо. А то, во что она была облачена, трудно было назвать одеждой. Всматриваясь в ее лицо, он лихорадочно начал думать, что же в этой женщине так привлекло его внимание и никак не отпускает? Девушка медленно подняла руку и убрала

свисающие волосы.

У него перехватило дыхание... Как?! Неужели?! Он, закрыв глаза, проговорил про себя: «Не может быть! Нет, это ошибка! Это не они!» Но это были именно они – те самые глаза, которые так часто снились ему и жили в его воспоминаниях, как глубокие и тихие озера, на зеркальной глади которых искрились солнечные блики... Только теперь в них не было ни искорок, ни облаков, ни неба...

Комиссар проговорил уже более чем достаточно, и он был готов наконец-то огласить ту самую суть, но перед этим он просто наслаждался тем, как все, без исключения, так чутко внимали его речам. Он сначала даже не поверил самому себе, что он и таким еще способом может властвовать над людьми ...

Он говорил, что сам «отец», несмотря на тяжесть совершенных врагами народа преступлений, постоянно проявляет свое милосердие по отношению к некоторой категории осужденных граждан и, что на этот раз он издал Указ об амнистировании женщин, которые отсидели более половины своего срока. После этих слов, в глазах женщин блеснули еле заметные искорки надежды, а некоторые даже переглянулись и тихо произнесли это слово «амнистия» – зыбкое слово обещания жизни, пусть даже такого далекого и туманного...

Молодой боец смотрел на девушку и продолжал отказываться верить, что это она. Но это была она. Только на этот раз в этих глазах не было ничего, абсолютно ничего...

Когда конвой, будто скот в кошару, начал загонять узниц на территорию барака, комиссар удалялся от них с лицом хищной птицы. Несмотря на свою изобретательность, он опять оказался пустым местом – девушка из вновь прибывших узниц и на этот раз проигнорировала его. Вдобавок, он заметил, что она пристально смотрит не на него, а на одного из бойцов – не просто смотрит, а с каким-то едва уловимым, как ему показалось, теплом и, боец этот отвечает ей тем же...

С дрожащими руками и тяжелым сердцем, повесив замок на ворота, боец никак не мог попасть ключом в замочную скважину. Его руки, словно чужие, отказывались слушаться – ключ то выскальзывал и падал, то не хотел попасть в скважину, то он сам зачем-то обратно вытаскивал его оттуда и опять ронял... И, когда он с трудом повернул ключ в замке, вместе с его щелчком, его сердце пронзила невыносимая боль, словно кто-то по самую рукоять, вонзив ему в душу большой и невидимый нож, медленно повернул его широкое стальное лезвие...

Он не помнил, как положил ключ на место, как ничего не видя перед собой, занял свое положенное место, как и не помнил, как долго он простоял в этой мертвой застывшей тишине... Он слегка пришел в себя только тогда, когда, разрывая небо на части, внезапно и зловеще, сверкнула молния, и грянул гром. Из огромных свинцовых туч, неисчислимыми темными пулями, устремились вниз

и разом обрушились на землю тяжелые и холодные капли дождя...

«Быть может, это просто сон. Вот возьму и проснусь и, разом исчезнут гром и молния, этот беспрерывно и нещадно льющийся холодный дождь, и я окажусь на своей солдатской койке», – в отчаянии думал боец, промокая до последней ниточки под ночной грозой. – «Если нет, тогда что же я такого свершил в этой и прошлой своих жизнях, как говорили когда-то мама, дядя и многие другие? За что мне это, за что меня так наказывает судьба?! А может этот кошмар снится и ей и мне одновременно. Может ли быть такое, что два человека спят в разных уголках земли и видят один и тот же сон. Если это так, то стоит только одному из нас проснуться и все это адское видение, должно быть, исчезнет как дым. Тогда, пусть она проснется первой и, увидев рядом с собой своих родных и близких, вздохнет облегченно и обрадуется первым лучам восходящего солнца...»

К сожалению, это был не сон, ни его, ни ее, и тем более это не было тем кошмаром, который мог бы присниться им обоим одновременно. Но он упорно отказывался верить этой суровой реальности и продолжал думать, что все-таки это самый плохой сон...

Он, томимый своими переживаниями, стоял, продолжая мокнуть под дождем, и под покровом темной ночи, неотрывно смотрел в сторону призрачно темнеющего барака. Когда в очередной раз сверкнула молния, он заметил, что в маленьком квадратном отверстии, сделанном вместо окошка, блеснуло что-то, словно чье-то маленькое личико. Он просто не успел толком разглядеть, что же это было, и, будучи не уверенным в своих догадках, стал упорно ждать очередной вспышки молнии.

Мир погрузился во тьму. Даже не было видно того призрачного силуэта женского барака. Он будто ослеп. Чувствовал лишь то, как по нему хлещет дождь, и беспрерывно бегут холодные струйки по его лицу, стекая под его шинель и там, пробираясь все дальше и дальше, прямо в его душу. Наконец-то, после долгой паузы, вновь сверкнула молния, и на миг он отчетливо увидел это лицо в той же окошке. Ошибки быть не могло – это она смотрела на него. «Если не сейчас, то когда же?» – одновременно с прогремевшим громом, промелькнула единственная мысль в его голове.

Он не знал – много ли времени осталось до его смены, но ему было уже все равно, и он окончательно решил сделать то, что должен был сделать сейчас, в данный момент. Быстро расстегивая пуговицы шинели, он повторял: «Будь что будет! Если не сейчас, то когда же?!»

Прислонив винтовку к ограждению, надев на штык свою шапку, он повесил шинель на ствол, затем подцепил плечи шинели за колючие проволоки, стараясь добиться большей видимости, что на посту кто-то еще стоит. Это все, что он смог придумать, так как за такое короткое время ему в голову ничего лучшего не пришло.

Слегка отворив одну из створок ворот, он стал ждать очередной вспышки. К счастью, она не заставила себя долго ждать. Ее лицо все также блеснуло в свете молнии и это еще раз его убедило в том, что она все еще ждет его. Мир опять погрузился в непроглядный, холодный и мокрый мрак. Стараясь не поскользнуться, он быстрыми неслышными шажками направился наугад в сторону барака. Собака молчала. Видимо гроза заставила ее забиться в конуру и потерять свою бдительность.

Чувствуя под ногами коварную скользкую слякоть небольших луж, он шел медленно и предельно осторожно. Когда ему казалось, что он преодолел более половины пути, вдруг, где-то там, в крошечной темноте, служебный пес, зловеще зазвенел своей стальной цепью. Он замер, но вместо злобного лая, он слышал лишь непрекращающийся шум дождя, будто совсем рядом беспрерывно шипела невообразимого размера змея, затаившаяся в промозглой и холодной темноте. В какое-то время ему даже показалось, что она своим мерзким и скользким телом медленно-медленно обвивает его. Он продолжал стоять как вкопанный. Затем сковавший его внезапный страх постепенно отступил. Переборов нахлынувший на него минутный страх и, убедившись в том, что собака спокойна, он двинулся дальше, стараясь идти более осторожно. Он молился, чтобы не было вспышки молнии, пока не доберется до барака. Вспомнив, что рядом с баракком стоят щит с противопожарным инвентарем и огромный ящик с песком, он решил направиться туда. Там он может спрятаться от глаз караула, стоявшего на вышках.

Наконец-то его руки наткнулись на стену барака. Он, не раздумывая, пошел вдоль нее и, протянув руку в темноту, стал искать щит. Сделав три или четыре шага, он без труда отыскал его. Как только он присел между стеной барака и ящиком с песком, тут же вспыхнула молния. И вновь все вокруг озарилось от холодного и ослепительного света, и опять лишь на миг он увидел ее лицо в том же окошке, но на этот раз совсем рядышком. Он успел заметить, что ее глаза тревожно бегали, словно пытались разглядеть что-то. Видимо она заметила или услышала, как он подкрадывается к бараку.

Мир вновь погрузился в непроглядный мрак. Он медленно встал и, тихо подойдя к окошку, как можно тише прошептал: «Пожалуйста, ничего не говори. Барак не закрывается. Выйди». Затем, протянув руку в темноту, кончиками пальцев осторожно прикоснулся к ее лицу. Она, молча, взяла его мокрую и холодную руку и крепко прижала ее к своей щеке, и тут же его ладонь и душу что-то горько, но и сладко обожгло...

«Выйди, пожалуйста» – с нетерпением тихо повторил он свою просьбу. Она выпустила из рук его пальцы и пропала в темноте барака, оставив после себя только немую пустоту, будто это теплое ее прикосновение было всего лишь коротким наваждением.

Он смотрел в сторону двери и стал прислушиваться. Вокруг

царила все та же тьма, а с неба все так же, не переставая, лилась и лилась вода. Он настолько был сосредоточен, что какое-то время просто перестал замечать этот дождь. Теперь, с нетерпением ожидая ее появления, он в душе даже благодарил эту грозу, так как именно она помогала им в данный момент.

Появилась она внезапно. Ему даже показалось, что огромная, непроглядная тьма вдруг едва заметно зашевелилась, будто ее небольшая часть обрела какое-то живое очертание и тепло. Он сделал ей шаг навстречу, и они, наконец-то, обнялись. Никому из них никогда не приходило в голову, что они встретятся тут, при таких неожиданных и суровых условиях. Она крепко прижималась к его промокшей и холодной гимнастерке. Он обнимал ее и чувствовал тепло ее нежного тела, и даже биение ее сердца. Когда в очередной раз вспыхнула молния, они уже были в своем нехитром укрытии.

– Ты? Это ты?.. Послушай. У нас мало времени. Поэтому хочу сказать главное – тебе нельзя быть здесь – сказал он тихо ей в ухо. – Я что-нибудь придумаю. Ты только потерпи немного...

– Не надо, и не думай... Не рискуй собой из-за меня. Я так рада хотя бы за то, что хоть перед смертью увидела тебя. Пусть даже тут – ответила она тихо. Услышав ее голос, его сердце больно сжалось.

– Пожалуйста, не перечь мне! Мы не должны терять надежды. Мы, ведь, сегодня встретились. И в другой раз тоже, я уверен, мне удастся пробраться сюда. Я что-нибудь придумаю. Вот увидишь!..

– Ты хочешь устроить побег?

– Да. Уйдем отсюда вместе.

– Куда? Моих родителей расстреляли, юрту сожгли. Никто даже не подумает оказать нам какую-либо помощь. Теперь все живут так – каждый за себя. Не можем же все время прятаться, – тихо всхлипывая и прижимаясь к нему, произнесла она.

– Мы убежим отсюда. Уйдем хотя бы в Монголию, затем еще куда-нибудь.

Она уткнулась лицом в его грудь, и лишь вздрагивания ее плеч говорили о том, что она ничему уже не верит.

– Помнишь, ты когда-то мне говорила, что птицы улетают туда, где море уходит в Небеса. Туда и пойдем... – продолжал шептать он ей в ухо, отстраняя ее от себя. – Но теперь мне пора идти. Времени очень мало. Ты только не теряй надежды и береги себя. Одно только знай, если в следующий раз меня увидишь у ворот, считай, что я приду...

... Он быстро закрыл за собой створку ворот и, повесив замок, замкнул его. Затем взял шинель и ощутил, что она стала очень тяжелой. С трудом застегивая пуговицы, он впервые за эти часы заметил, что весь дрожит – дрожали пальцы, руки, ноги... Но он знал, что это не от холода.

Едва он успел накинуть винтовку за плечо, как тут же вспыхнула молния, и на миг озарилось все вокруг, и в этом холодном ярком

свете он успел увидеть темные фигуры идущих к нему солдат, затем отчетливо услышал их приближающиеся тяжелые шаги...

После той короткой встречи с ней, он начал обдумывать и мысленно представлять план побега. Ее ни в коем случае нельзя было оставлять тут – это было понятно как ясный день. То, что напел комиссар женщинам про амнистию – было его очередным издевательством. Никто из женщин, которые влачили в лагерях свою участь, не отсидела даже и одну треть своего срока, а в этом адском круге никто, никогда не выдерживал и года. Кроме того, то, что узники лагеря – враги народа, никак не укладывалось в его голове. Многие из них неграмотные, они даже никогда не слышали, что существует такая страна как Япония, а их обвинили в шпионаже в пользу этого государства... Какое зло совершили против своего народа буддийские монахи, старики и женщины?! В конце концов, за что расстреляли родителей его любимой девушки, а ее саму отправили сюда?! За что?! Государство воюет против собственного народа. Тогда кто же настоящий враг народа?! Такие мысли и раньше приходили ему в голову, но после того, как он увидел свою возлюбленную тут, они уже не давали ему покоя...

Ему, прежде всего, нужно было запастись едой. Поэтому он с каждого завтрака, обеда и ужина собирал хлеб и кусочки сахара. Когда ему приходилось стоять на часах в дневное время, он сушил на солнце куски припасенного хлеба, разложив их на разогретом солнцем камне. После ночных постов, он старался спать мало и, чтобы узнать как можно лучше расположение лагеря, он старался разгуливать по лагерю как можно дольше, так он искал место, где можно было бы без труда перебраться за внешний периметр охраняемой зоны. Он ходил уже несколько дней, но никак не мог найти подходящего места. Он начал тревожиться, т.к. знал, что с каждым лишним днем его девушка ослабевала не на шутку. Куда бы он ни шел, везде он натыкался на такие места, где совсем рядом были вышки или посты, вдобавок заграждения из колючих проволок в отдаленных от постов участках были усилены собаками.

В конце концов, он, чуть было не отчаялся, но все-таки ему счастье однажды улыбнулось – он нашел такое место. Нашел совершенно случайно. За все это время, ему и в голову не приходило, что участок, где стояли казармы для солдат, был совершенно не охраняемым. Тут, конечно же, были заграждения, зато до ближайших вышек и постов было довольно далеко. Обнаружив это место, он первым делом начал прикидывать – если им удастся незамеченными покинуть территорию женского барака, они направятся именно сюда – прямо на территорию казармы. Но для того, чтобы благополучно покинуть эту территорию, конечно же, еще до побега надо приучить к себе служебных собак. Для этого некоторое время ему придется

тайком подкармливать их. Далее, им предстоит преодолеть открытую площадку шириной чуть больше 100 метров, где каждое утро комиссар читает инструкцию солдатам. Если они по дороге никого не встретят, тогда им останется только проползти под колючей проволокой, а для этого надо заранее приготовить подручные средства. Никому в голову не придет, что человек, решивший устроить побег из лагеря, пойдет прямо в сторону казарм. Только здесь была небольшая брешь. Это был промах, допущенный при спешном проектировании лагеря, а также при расстановке постов. Именно это и позволяло им без труда покинуть территорию лагеря. Примерно, вот таким и получился первый этап его плана.

Далее нужны были лошади. Кругом непроходимая тайга и ходить по ней без лошадей это верная смерть. Поэтому он пару раз сходил в гости в лагерь добровольцев и вольнонаемных и вопрос этот был решен. Этот лагерь располагался совсем недалеко, около километра нужно было пройти по узкой тропинке через лес.

Когда бригады добровольцев уходили на работу, в лагере оставались повара и кто-нибудь в качестве дежурного по лагерю. По сравнению с лагерем осужденных, тут кипела настоящая жизнь. Добровольцы, в основном все молодые, после работы до позднего вечера устраивали веселые посиделки у костра, распевая новые песни, подтрунивая друг друга, заливаясь заразительным громким смехом... Иногда, по тихим вечерам, стоя на посту, он даже слышал обрывки громкого смеха, то и дело доносящиеся со стороны их лагеря, а когда они устраивали танцы, вовсе и до полуночи можно было отчетливо слышать их песни под аккомпанемент гармошки – нового, чудного музыкального инструмента, привезенного из-за Саян.

И лошадей там было много. В дневное время они, привязанные к деревьям, стояли в тени у опушки леса. А ночью их оставляли на большом лугу недалеко от лагеря. Рядом с лошадьми без опаски оставляли и седла, т.к. в эти места конокрады никогда не заглядывали.

Боец стоял на посту и, стараясь скрыть свое внутреннее волнение, смотрел куда-то вдаль, с нетерпением ожидая наступления ночи. Шел уже конец августа. В последние дни лета в этих местах солнце сравнительно рано скрывалось за горы, и по вечерам таежная прохлада постепенно переходила уже в почти настоящий холод. Особенно в ясные ночи дыхание земли остывало и превращалось в серебристый иней...

С утра зарядил морозящий дождь. В небе застыли низкие свинцовые облака. Похоже надолго. А по лунному календарю была уже середина первого осеннего месяца. В эту пору луна восходила рано, где-то около 7 часов вечера. И сейчас ее молочный свет угадывался где-то там, за теми угрюмыми серыми облаками.

– Ка-а-нг – ка-а-нг – неожиданно и совсем рядышком заговорила красная птица. Боец поднял голову и увидел их – все семейство славных птиц-лам. Птенцов уже было не узнать – они давно подросли и оперились. В сопровождении своих родителей, они легко и уверенно парили по небу, готовые сегодня-завтра полететь в теплые края.

«Конец августа, а они еще здесь. Почему? Обычно птицы-ламы начинают незаметно улетать на юг с середины августа, и к двадцатому числу в этих краях невозможно увидеть ни одной красной птицы. Внешне все птенцы давно имеют сильные маховые крылья, готовые уже без усталости бороздить бескрайнее небо, но почему-то их родители не торопятся, будто бы кого-то ждут, но кого?..» – с удивлением думал он, провожая взглядом стайку птиц, полетевших в сторону таежной речушки. А с востока, вслед за уходящим днем, медленно и уверенно надвигалась ночь ...

Ночь выдалась темнее некуда. Кругом только непроглядный мрак. Дождь перестал моросить, но ночное небо все еще было окутано облаками.

Он на ощупь нашел замок и, вставив ключ, прислушался. Тишина. Тишина тяжелая и в то же время какая-то странно зыбкая. Даже в какое-то время ему казалось, что стоит ему всего лишь неосторожно прикоснуться к ее вездесущей неосязаемой субстанции, она тут же рассыпется...

Прикрыв за собой створку ворот, он первым делом достал несколько кусочков сахара и осторожно бросил их в темноту – слышалось звяканье цепи, затем еле слышимый хруст, будто бы это не пес, а сам мрак, с легкостью разламывая и кроша, поедает не кусочки сахара, а хрупкие человеческие кости.

Она уже стояла у двери барака и ждала его. Он взял ее за руку и потянул за собой.

– Не нужно так рисковать собой, – как можно тихо, сказала она.

– Доверься мне! – кратко ответил он, и они, крадучись, пошли в сторону ворот.

Сделав несколько шагов, он снова бросил в темноту кусочки сахара. И снова мрак, прозвенев цепями, издал все тот же хруст, но только на этот раз настолько зловеще, что у наших беглецов на некоторое время просто застыла кровь...

Переборов минутный страх и, убедившись, что служебный пес притих, они двинулись вперед. Прошло немного времени, и они благополучно миновали ворота барака. Они шли медленно, то и дело, останавливаясь и прислушиваясь. Он, не выпуская из рук ее горячую ладонь, слегка пригнувшись, шел впереди. Они теперь шли по той площадке, где проводят построения солдат. Пока шли, им пришлось пару раз останавливаться, чтобы убедиться, что никого поблизости нет. Вот они пошли вдоль стены казармы. Нависшая тишина давит им на слух и до предела натягивает нервы. Теперь от долгожданного

освобождения их разделяет только заграждение из колючей проволоки. Сегодня, перед тем как заступить на пост, он бросил в высокую траву рядом с заграждением две дощечки. Они теперь им понадобятся. Он остановился и передал ей винтовку. Затем присел на корточки и пошел вперед, ощупывая мокрую от дождя траву. Нащупав в темноте дощечки, он поддел ими проволоку и сделал подпорки. Затем тихо притянул ее за руку и, пристроив ее напротив лаза, сказал: «Ползи!» Она повиновалась и, ничего не сказав, поползла под лаз и, немного прошуршав лохмотьями в темноте, утихла. Он, схватив винтовку за ремешок, тут же отправился вслед за ней... Но в этот миг он провалился куда-то во тьму...

Непроглядный мрак, кажется, длится уже вечность. Что-то сильно и беспрерывно гудит и гудит... Он пытается разглядеть хоть что-то, но тщетно... Ее рядом нет. Он протягивает руки во мрак и на ощупь пытается найти ее, но ее нет... Он хотел позвать ее, но его язык вдруг будто бы окоченел. Тогда он попытался просто крикнуть, но не смог выдать из себя ни малейшего звука. Неизвестно откуда взявшийся гул все нарастал и нарастал, становясь невыносимым. Он еще и еще раз протягивает руки во мрак, снова и снова пытаясь ее найти. Он хочет отыскать ее и сказать, что тут недалеко есть лошади и, что они выберут себе лучших, потом поскачут прочь, как можно быстрее и как можно дальше из этого ада... Она не могла уйти без него. Тогда где она, где?! Нет, это даже не наваждение – ведь в его ладони все еще теплится недавнее ее прикосновение... Потом откуда этот непонятный гул?..

Постепенно он начал чувствовать боль. Боль в голове и она становится невыносимой. Потом вдруг его руки стали такими тяжелыми, что он не мог ими двигать. Боль не проходит. Он с трудом поднимает руку и проводит ею по лицу и чувствует, что тут же его ладонь промокает. Дождь?

Он теперь слышит чьи-то шаги и обрывки разговоров. Где она?! Им надо как можно быстрее уйти отсюда, а ее все нет и нет! Он же не может уйти без нее... А шаги и голоса все отчетливее и отчетливее... Если что – надо стрелять... А где винтовка? Он потерял и винтовку... Шаги во мраке все ближе и ближе... «Сволочь!..» – с ненавистью прокричал комиссар. «Мразь!..» – с презрением орал сержант-конвоир... «Тащите их сюда!» – с нетерпением и громко командовал комиссар...

...Он внезапно почувствовал, что его лицо обдали чем-то студеным, затем чем-то тяжелым ударили грудь... Он стал задыхаться, но с трудом сделав медленный вдох, открыл слипшиеся глаза и... В какое-то время он не мог понять, где находится. Постепенно зрение начало восстанавливаться, и он увидел перед собой солдат, а среди них и комиссара. Первым делом подумал – где она? Может ей удалось... Нет... С трудом повернув голову, он увидел ее – она лежала

рядом с ним и истекала кровью.

«Как так?! Я же все рассчитал... Значит комиссар как-то узнал...» – подумал он и посмотрел на утреннее небо. А небо, как и вчера, все еще было окутано свинцовыми облаками, но только не было дождя.

«Значит, нас сначала оглушили, затем, когда мы находились в бессознательном состоянии, избили до полусмерти и бросили тут, выставив вокруг конвой солдат...» – продолжал думать он, пытаясь восстановить оборванную цепь событий.

– Товарищ комиссар! Кажись, он очухался, – сказал сержант, выплеснув в очередной раз ведро холодной воды на лицо истекающего кровью бойца.

Комиссар подошел и, изображая гримасу презрения, стал сверлить бойца своими змеиными глазами, а боец в свою очередь ответил ему тяжелым полным ненависти взглядом. Комиссар, привыкший видеть в глазах других только страх, оцепенел от неожиданности.

– Значит, среди нас есть предатель! – вдруг заорал комиссар, выйдя из кратковременного оцепенения. – Предатель, который думает, что я тупее тупых! Теперь-то видишь – кто тут глупец?! Отвечай, сволочь!

Не дожидаясь ответа, комиссар вплотную подошел к бойцу и, подняв ногу, со всех сил обрушил ее прямо на лицо бойца. После резкой боли боец услышал в голове пронизывающий звон, затем звон перешел в тот самый непрекращающийся гул. Гул стал нарастать, потом резко оборвался.

Теперь он слышит какие-то обрывки голосов своих родных: «Важнее всего надо умирать правильно ...» – сказал его дядя монах, – «... для настоящего мужчины лучшая смерть – это смерть от пули...» – говорила его мать... «А тупоконечная пуля весит 13,7 граммов...» – это был его собственный голос... А его девушка говорит протяжно, словно тихо-тихо поет какую-то песенку, и он слышит: «...пойдем к своей мечте – туда, где море уходит в Небеса...» Затем его сознание стало медленно проваливаться в непроглядный мрак...

Сержант, гремя связкой ключей, открыл замок и толкнул дверь. Дверь тяжело заскрипела, отдаваясь резкой болью в голове бойца. «Странно... Еще не убили... А с нею что?» - первым делом подумал он.

– Вставай, боец! Надеюсь, ходить сможешь. – сказал сержант, бросив на него что-то тяжелое и мягкое. Это были его шинель, ремень и пилотка.

Стиснув зубы, борясь с нестерпимой болью в голове и груди, боец приподнялся и присел на нары. «Теперь расстрел. Тогда зачем меня одевать?» - подумал он.

Сержант куда-то удалился, но вскоре вернулся с большим ковшом.

– Хотя бы лицо ополосни. Комиссар приказал привести тебя в порядок. Извини, чуть было не перестарались – сказал сержант, с неприкрытым сарказмом.

Голова бойца все еще гудела, но не так сильно. Сержант стал подливать ему воду. Он сначала ополоснул руки, затем стал мыть лицо. Левый глаз разбух и не открывался, нос и губы были разбиты. Когда он, не торопясь, подставлял ладони, сержант терпеливо вновь и вновь подливал воду... «Тут что-то не так...» – подумал боец.

– Вот, теперь порядок – сказал сержант, усмехаясь, когда он с трудом поднялся и через силу сделал всего два или три шага...

Бойца привели на площадь, где стояли шеренги узников и солдат, и приказали встать перед строем. Он встал лицом к строю и терпеливо стал ждать. Ждал того последнего момента, когда комиссар, зачитав приговор, даст команду «Огонь!» и тупоконечная пуля весом всего 13,7 граммов вылетит из дула и разорвет ему сердце...

– Я изучил твое личное дело, – вдруг совершенно спокойным голосом заговорил комиссар. – Единственный сын бедной семьи. Никаких взысканий по службе, лучший стрелок части, член ревсомола и т.д... И вдруг – на тебе!.. Согласно приказу, я обязан был тебя расстрелять прямо на месте, но, как видишь, этого не сделал. Знаешь почему?

Боец молчал и смотрел, думая, чего же хочет добиться комиссар. Ждать от него чего-то, кроме зла и ненависти – бесполезно. Это уже однозначно.

– Да все потому, что у меня сердце-то не каменное, – продолжал комиссар. – Учитывая твое происхождение, а также, подумав о твоих стариках, я решил тебе дать шанс. Шанс искупить свою вину перед своим народом, перед боевыми товарищами.

Прервав свою речь, сделав кивок сержанту, комиссар куда-то быстро удалился. Боец в недоумении стал смотреть на сержанта, когда тот подошел к нему и протянул винтовку.

– Бери винтовку! – приказал сержант, а он продолжал стоять неподвижно. Тогда сержант поднял его руку и буквально всучил ему ружье.

– Боец красной армии! Слушай мою команду! – начал сержант. – Кру-у-гом!

Хотя и с опозданием, но все же боец привычно выполнил приказ сержанта.

Прямо перед ним в двадцати шагах, расставив ноги, и медленно раскачиваясь с носков на пятки, стоял комиссар. Его лукавые глаза сверкали и издевательски тихо смеялись.

– Заряжай! – скомандовал сержант, а комиссар, раскинув руки, заулыбался и, сверкая глазами, продолжал стоять, изображая собою живую мишень.

Боец с ненавистью дернул затвор и отправил патрон в патронник. Сержант занервничал и, протирая рукавом, выступившие на лбу капельки пота, в недоумении стал пялиться на комиссара. А он, продолжая раскачиваться, стоял и стоял.

Каторжане и солдаты замерли в ожидании того, что будет дальше... Кто-то в строю узников, не выдержав, прошептал сквозь зубы: «Убей его!»

Боец, не дожидаясь команды, медленно поднял винтовку и прицелился... Когда его палец едва не нажал на курок, комиссар сделал шаг в сторону...

Он не поверил своим глазам. В прицеле винтовки он увидел ее. Она стояла и смотрела ему в глаза с немой мольбой: «Стреляй! Пожалуйста, стреляй же!»

– Огонь! – приказал сержант. «Не тyani, пожалуйста, стреляй» – умоляли ее глаза.

– Приказываю, огонь! – опять заорал сержант.

Вдруг боец отшвырнул винтовку и, прихрамывая, как мог быстрее пошел в сторону девушки. Сержант дернулся вперед, чтобы остановить бойца, но комиссар резким жестом остановил его самого.

Боец подошел к девушке и бережно ее обнял. Затем повернулся и встал, закрывая ее своим телом. Теперь на том месте где недавно стоял он, все также широко расставив ноги, стоял сам комиссар и держал его же винтовку...

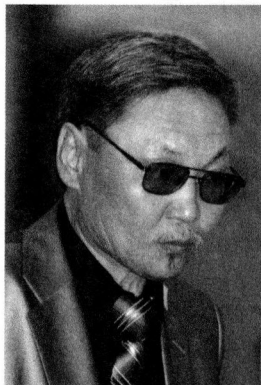
...«Тох-х-х!» – внезапно раздался выстрел. «Тох, тох, тох-х-х!..» разнеслось эхо, от которого содрогнулись небо и тайга. Десять красных птиц, резко взлетев с тихой поверхности двух крохотных озерц, низко и шумно пролетели над людьми, затем, медленно набирая высоту, устремились в небо. Когда вся семья птиц-лам, стала исчезать в облаках, вдруг, вслед за ними, откуда ни возьмись, в небе появилась другая пара красных птиц, излучавшая во все стороны яркий-яркий свет.

– Ка-а-нг – ка-а-нг, – звал он ее за собой.

– Нга-а-к – нга-а-к», – догоняя его, трепетно отзывалась она...

Люди, ослепленные этим ярким светом, и с трудом наблюдающие за полетом этих чудных птиц, не знали, что эта, так внезапно появившаяся в небе, пара красных птиц, летят не просто в теплые края, а летят еще дальше, навстречу своей мечте – туда, где море уходит в Небеса...

Продолжение следует.

Эдуард МИЖИТ,
Народный писатель РТ

СУРОВОЕ ЧУДО ЗЕРКАЛ

ТО НЕ ВЕТЕР ВЕТКИ КЛОНИТ...

То не журавлик в небе осеннем курлычет,
То лето со мною, прощаясь, рыдает и кличет,
Вслед за собою тянет и тянет куда-то,
Но только лишь юность моя оказалась крылатой.

То не шиповник ягодой спелой алеет,
То ветра кровинка на ветке дрожит и не смеет
Чистую грусть смешать с этой пылью земною...
А ветер, шипами израненный, рвется на волю.

То не листочек с ветки дрожащей слетает,
То в сердце лесочка надежды свеча потухает.
Это не облако там улетает все дальше,
А жизнь моя, тая, платочком все машет и машет.

Но и не я пишу эти грустные строки,
А кто-то во мне, кто смирился и принял все сроки.
Он зажимает рот мой ладонью усталой,
Да крик мой мятежный прорвался... но песней печальной.

ЧУДО

I

О как же долго ждал я чуда
Вовсю глядя бессонными ночами,
Тоски своей под тяжким спудом
Лелея мысль, что явится мне мама!

И сколько я сменил кроватей.
Как лодки на бродяжьих переправах,
Сменил углов, полов горбатых,
Порою даже спал на жестких травах!

Наверно, это ожиданье
Мне душу тайною своею грело.
Ведь, словно мамы обещанье,
Шептала ночь в чужих домах несмело.

Но сколько я ни греб мечтою –
Веслом своей покинутости ранней,
Ночная тьма мерцала лишь звездой,
Лишь лезвием зари я был изранен.

Я был молчун, казался робким,
Но как звереныш дикий дрался цепко.
Ведь зыбкой ночи шепот горький
Хранил в своем безмолвии я крепко.

И рос с недетскою печалью,
По мере роста все теряя веру,
Что к берегу чудес причалю,
Что мама там, в ночи, мне скрипнет дверью...

Теперь я знаю все о чуде
И крепко я стою в реальном мире.
Но как тогда меня все будит
Звезда моя, оставшаяся сирой...

II

Я точно знаю все теперь о чуде –
Иллюзии безжалостен удел!
И дней бесформенный текучий студень
Вывариваю клеем своих дел.

Скрепляя им трудов своих фрагменты,
Пытаюсь я построить дом судьбы.

И кажется в какие-то моменты, –
Судьба не встанет больше на дыбы.

Ведь с детских лет я сохранил, как навык,
Умение бороться с пустотой,
Вползающей под сердце мне лукаво,
Стихов своих кипящею смолой.

Наверно, та привычка помогает
Мольбой своею ночи заклинать.
Бессмысленность теперь уж не пугает,
В себе самом есть, что мне вспоминать.

Порою радости мне дарит чудо
Не то, конечно, чудо, что я ждал,
А то, когда строка сама, как будто.
Дает мне то, чем путь мой обделял.

Понятно, не о подлинном я чуде,
Ведь здесь искусство крепит кладку слов.
Хотя и здесь извилист путь и труден,
Он в мире рукотворных дерзких снов.

Но пусть все так, пусть жажду утоляю
Идеей о воде, а не водой,
Я все ж не зря назло всему сплавляю
Звезду в душе с той дальнею звездой.

III

Я верил, что не зря назло всему сплавляю
В одной-единственной строке мгновение и вечность.
И верил, что я их лучами управляя,
Найду в скрещении лучей событий нераздельность.

Но я не знал, что сам я в светлом перекрестье
Лучей судьбы и Провиденья, словно под прицелом,
Что рая, исцеляет рану в том же свете,
Которого не видел я, не ведая о целом.

Так жизни дверь открылась, будто ненароком
И хлынул свет в моей тоски печальную скорлупку
В тот миг, когда пресветлым жизненным уроком
Любовь нежданно подарила мне свою улыбку.

Моя любимая глаза мои открыла.
И принял я и мир, и жизнь, и все их ипостаси.

Летящею строкой судьба раскрыла крылья,
Ей тесно стало в скорлупе моих галлюцинаций.

А сын и дочь, моими став проводниками,
Заставили увидеть жизнь простых вещей, как чудо.
В их крохотных руках, не мудрствуя лукаво,
Травы листочек может стать чистейшим изумрудом.

Надежда ли моя та детская призвала,
Иль кто-то тайно повелел, устроив мир так мудро,
Не знаю, но теперь забыв себя, узнал я,
Что есть то чудо из чудес, что жизнь сама есть чудо!

И пусть пути ее не все еще ведомы,
Ее прищипывать и плеткою хлестать не надо.
Она, как лошадь, что идет к родному дому
С молитвой ей довериться нам будет всем отрадой.

СЛОВА

Усталых слов натруженные руки
Уже не держат вечный факел
Небесного огня – источник муки
И сладости, светящей в мраке.

Они давно уже на побегушках
У шулеров словесных вьются
И так легко, как дуры-потаскушки,
Ложатся в строчку с кем придется.

А в лучшем случае для изощренных
Жонглеров слов потехой стала
Игра, что некогда была священной,
Что жизнь дарила и сражала.

Но изредка с оглядкой робкой в строчку
Пустого звона входит слово.
Стыдливостью лучась и, хоть неброско,
Преображая вещи снова.

Лишь это нам дает хоть нить надежды,
Что выведет из лабиринта,
Где речь, забыв о силе своей прежней.
Справляет по себе поминки.

Слова, слова, скорей же отряхните
Вы с ног весь прах слепого мира

И лишь в мольбе последней помяните
Судьбу земли, что стынет сиро.

Летите ввысь, ведь вы все не отсюда,
Омойте крылья в горнем свете.
Но помните, что здесь в низинах блуда
Есть то, за что вы все в ответе.

И верю я, что вы, как древний Феникс,
Из пепла бреда возродитесь,
Летя с высот своих, как снег – смиренник,
В сердцах людей вы заискритесь...

А я пока их жду преображенья
Привычных слов ищу пределы.
Ведь, и луна восходит без смущенья,
Что всем давным-давно приелась...

КРЫЛАТАЯ СВЕЧА

Теперь я в жизненного опыта раствор
Бумажкой лакмусовой мысли опускаю,
Так мыслей разных разрешаю страстный спор,
И опыт свой, как дьявол, тонко искушаю.

И каждая, прошедшая проверку, мысль
Или от холода решений ли синеет.
Иль, видя ношу непосильной веры в смысл,
Смущенно смявшись, розовеет и бледнеет.

Иная вовсе, посмеявшись мне в лицо,
Уходит прочь, и я не знаю, то ли тесен
Вдруг оказался ей мой ум или свинцом
Тяжелым давит все тоскливость моих песен.

Другая, как в своей стихии, растворясь,
Находит здесь друзей и родственников разом
Но есть такие, что, за жизнь свою борясь,
Огнем душевных распрей вмиг взрывают разум.

Есть похитрее, что, под корочку вгрызаясь,
Подтачивают скрытно дерево устоев.
Иные, с жизнью мне подпиливая связь,
Твердят, что все на свете тлен, что все пустое.

Уж реже стали тайно в гости прилетать
Крылатых мыслей стаи, звавших меня в небо.

Копя годами опыт свой, я стал, видать,
Тяжелым для полетов, вросшим в землю деревом...

Пусть так, но я припоминаю вновь свое
С земной природой позабытое единство.
И вновь, приветствуя меня, мой стриж поет,
И круглым глазом воробья зовет детство.

Как прежде, мне садится нежно плечо
Подружка-бабочка моя с крылом, как флагом,
Как знаком перемирия, и вновь свечой
Из плена прошлого выводит шаг за шагом...

* * *

Втемяшится же в голову такое,
Что будто синюю небесную тетрадь
Прочесть позволит некто над звездой,
Листая дни на всех стремительных ветрах.

И повести, что кончиками перьев
Незримо пишут в ней крылатые писцы,
Откроются когда-то мне с доверьем,
И я проникну в них, как древние жрецы.

Что краски всех рассветов и закатов,
И мыслеобразы летящих облаков.
И молнии небесных жарких схваток
Укажут мне на ключ таинственных оков.

Что выйду я к прозрачным истокам,
Найдя в лесу иносказаний темных суть.
И под присмотром бдительного Ока
Окрепшею душой нащупаю свой путь.

Что я сумею высказать когда-то
Печаль дрожащей перед вечностью луны,
Грозы гневливой нервные раскаты
Подземных вод мольбу, что скорбных чар полны.

Но нет, как нет, мне света озаренья
Лишь птицы сверху все насмешливей кричат
И, как укор за узкий угол зренья,
Осенних веток иероглифы торчат...

Видать пришло мне время обернуться,
Простые вещи, как хозяйство, оглядеть.

Пусть вокруг огня родные песни льются,
Я им готов теперь бесхитростно подпеть.

Пусть будет хлеб насущный тем же хлебом,
Пусть чаем станет кипяток, а не вином,
Пусть ничего не даст узнать мне небо,
Я вряд ли стану больше грезить об ином.

И, как топор войны, решаю в землю
Зарыть свое перо, что так рвалось в полет.
Отныне я земному только внемлю
И ясности хочу, с какой народ поет...

Но нет и нет, все так же я украдкой
Нечаянно слежу за росчерком листа,
Что падая летит с такой оглядкой,
Что я срываюсь вновь к покинутым мечтам.

* * *

Дать бы бесплотному плоть
И камню для песни бы голос,
Чтоб хоть надежды ломоть –
И в путь, что нелегко и долог.

Чтобы сквозь сети дорог
Шел бы, себя не теряя,
Чтоб для себя не сберег
Ни капли того, что «Я», я.

Встретить, как друга бы мысль,
Коснуться хоть локтя бы слова,
Вспомнив забытую высь,
Подняться бы на ноги снова.

* * *

Женой, глядящею, почти что без надежды,
Стоит передо мной душа моя в слезах.
Неужто, больше я не в силах быть, как прежде,
И луч решимости уж не блеснет в глазах...

Но все ж сверкнет тот свет, ведь, в сердце своем снежном
Я вижу, чувствую, как светлою и нежной
Душой глядящею почти что безнадежно
Стоит любимая в слезах передо мной...

ПЕСНИ

КРУГ

Мир поначалу ярко сверкает лучами
На празднике жизни щедро суля удачи
Так вот всегда обманчивый свет излучая,
Заводит тебя в круг, обнесенный мечами.

Припев:

Надо бы только зубы мне сжать,
Надо бы только силы собрать,
Надо бы только на ноги встать,
Надо бы только круг разорвать.

Жизнь ослепительно хищно блестя клыками,
Закружится дней злобною сворой по следу,
Там, где дымятся капли тоски, увлекая
По следу идущих, чуя свою победу.

Надо прогнать незваную гостью-слезинку,
Со смехом стряхнуть с плеч эту злобную свору,
Встать и уйти от всех по заветной тропинке
С кипящей песней, победно хрипящей в горле.

Нет, я не в логово спрячусь волком гонимым,
А камни клыков в небо оскалив навеки,
Встану гранитной скалой непоколебимой
Сухую траву вздыбив, как шерсть на загривке.

РАЗГОВОР

Алексею Ооржаку

Не говори «Прощай», не торопись, мой друг.
Когда-нибудь с тобой мы свидимся еще,
Когда судьба свершит очередной свой круг,
Когда увидишь ты, что потерял не все.

Припев:

Давай-ка, выпьем, друг, по полстаканчика,
А половину мы оставим на потом,
Чтоб разговор наш долгий незаконченный
Когда-нибудь пришлось продолжить нам вдвоем.

Когда прошедших лет пропахшие дымком,
Столкнемся где-нибудь, на перекрестке дней,
Мы, как бывало встарь, усядемся рядком,
Стакан поднимем свой, тот с горечью на дне.

Когда поймем, что сладкой стала горечь вдруг,
Когда увидим мы, что светом жизнь полна,
И посмеемся мы, мой торопливый друг,
И светлый свой стакан осушим мы до дна.

И если даже так случится на беду,
Что не сумеем тьму преодолеть звездой,
Направь свой путь на ту, далекую звезду,
Там звездный свой бокал поднимем мы с тобой.

СТАРЫЙ ШАГОНАР

Городок мой старый, Старый Шагонар,
Спит он под водою, словно Атлантида.
Но в душе моей его горит фонарь,
На ветру скрипит мне весточкой оттуда.

Припев: Может, это сердце мое обожженное
Над волной исходит песней безнадежною,
Может, это плачет ласточка прибрежная
Безутешно ищет гнездышко там прежнее.

Под волною где-то спит мой пыльный двор,
Домик деревянный, тротуар дощатый.
Но все так же ясно слышу до сих пор,
Как бежит и плачет мальчуган вихрастый.

Утекли, как воды, унося с собой,
Детство, мое детство, годы, годы, годы.
И никак не может, город мой, с тобой
Мальчик тот дозваться сквозь воды, воды, воды.

ДУША - МОЯ РОЯЛЬ

На черно-белых клавишах дней и ночей
Играет музыкант, а имя ему Жизнь,
Играет полную огня моих страстей
Судьбу мою, как свой причудливый каприз.

Припев:

Играй же, музыкант таинственный и вечный
Меня и этот мир не покидай!

Творя гармонией своею безупречной,
Звучи же музыка, не утихай!

В ответ на каждое касание его
Звучаньем струн своих душа моя – рояль
То весело, то с грусти горькою слезой
Поет и изливает радость и печаль.

Мне солнца каждый луч и звездный блеск во тьме
То горести несет, то счастье, как свечу.
А нотка каждого мгновения – во мне,
Так музыкой живой всем существом звучу.

КЫЗЫЛ, КЫЗЫЛ!

Гимн города Кызыла

Центру Азии, как ода
Ты звенишь в душе народа,
Радость наших звонких песен,
Ты – Тувы родимой сердце!

Припев:

И в путь вперед зовущая,
Ты – устремленности стрела!
И среди волн грядущего
Кызыл, Кызыл, будь как скала!

Ты – гнездо и оперенье
Наших высших устремлений,
Им дают всей мощи токи
Енисейские потоки!

Ты нам даришь дух высокий,
И ведя на путь широкий,
Неусыпными огнями
Маяком горишь пред нами!

МЕЛОДИИ САЯНСКИХ ГОР

Гимн фестиваля «Мелодии Саянских гор»

Над синими вершинами гуляют ветры вольные,
С мотивом гордым носятся среди сосен вековых,
И тысячи ладов своих ручьи вплетают горные
В мелодии Саянских гор, в мелодии Тувы.

Припев:

Как птицы перелетные, летят от сердца к сердцу
Мелодии Саянских гор, неся с собой весну,
И в музыку небесных сфер приоткрывая дверцу,
В лучистую душевную зовут нас вышину.

Там с вышины доносятся орлов призыв пронзительный
И голоса тоскливые прекрасных лебедей,
А здесь, в ущельях среди скал, неся поток стремительный,
Кипящей песнею бурлит могучий Енисей.

Так пусть и наши голоса взлетают в выси светлые,
Где солнца луч нам зазвенит тугою тетивой.
Так, осыпая золотом лучей всех нас приветливо,
Симфония Саянских гор звучит над всей Тувой.

АКТЕРСКАЯ

Мы открываем занавес, волшебный занавес души
И к свету рампы суровых мы идем из темноты,
А в мраке зала зритель наш сидит в магической тиши
И ждет, чтоб увели его в мир страсти и мечты.

Поем, танцуем, плачем и смеемся мы, как дураки,
Идя на приступ крепости духовной глухоты,
И словно вечные бродяги мы, и на подъем легки,
И счастливы, когда к ногам нам в дар летят цветы.

Пускай течет не наша кровь, а краска из смертельных ран,
Но искренно мы плачем и кричим до хрипоты,
Пускай все это лишь игра, пускай высокий, но обман,
Мы – Истины придворные паяцы и шуты.

Так пусть же нас, актеров и актрис встречает полный зал,
Ведь, мы -- враги холодной и бездушной пустоты.
Давай-ка, брат актер, за это мы поднимем сей бокал,
Бокал, сверкающий лучом сердечной теплоты!

МЫ – ЭДЕГЕЙЧИКИ

Гимн детского ансамбля танца «Эдегей»

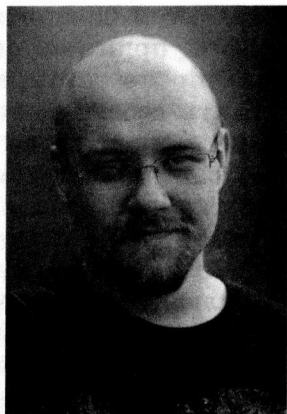
У подножья высоких тувинских гор
Есть Эдегей – долина, что красок полна,
Как пышный ковер, она радуется взору,
Там от музыки ветра – цветы как волна.

Припев:

Эдегей – это музыка в наших сердцах,
Это радости танцы, и нет им конца!
Эдегей – это дом наш, где музы живут,
Это сад наш, где счастья улыбки цветут!

Так музыку наших корней и ветвей,
И танцы Тувы, оживляя в сердцах,
Танцуем сегодня, ведь мы – «Эдегей»,
И в свете любви мы, как в теплых лучах!

Так сегодня для вас поет «Эдегей»,
И радость хотим мы доставить всем вам,
Чтоб от радости люди стали добрей,
И светлее, словно небес синева!

Игорь ПРИНЦЕВ

ИМЯ ГРАФА

**ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ
ЛОСКУТ НЕБЕСНОЙ СИНЕВЫ**

Тоннель был вертикальным, довольно темным, и изнутри всегда казался теснее, чем был на самом деле. Как ни прижимай крылья к спине, все равно они будут то и дело задевать противоположную стену, заставляя с шорохом осыпаться вниз осевшую на ней сажу.

Вся драконья натура яростно протестовала против этой тесноты, этой грязи. Вновь и вновь в голове всплывала картина того, как он посмотрит вверх, вниз и нигде не увидит заветного выхода. Но небо всегда было над головой. Вернее, его неровный квадратный лоскут.

Иногда он был лиловым или рыжим, иногда серым, а частенько был черен, но обсыпан яркими звездами. Даже серое пасмурное небо притягивало к себе, источая свежесть дождя. Но сегодня небо манило пронзительной синевой. А еще виднелся край пушистого облака.

И, разглядывая этот квадратик неба, дракон неторопливо нащупывал цепкими когтями зазор между кирпичами, чтобы подтянуться еще ближе к бескрайней синеве.

Наконец, нащупав край, он с наслаждением извлек себя из темноты в ласковое тепло и яркость позднего летнего утра. И снова, как и каждый раз до того, страшная вертикальная шахта превратилась в обычную печную трубу, на краю которой и устроился дракон, нависнув над небольшим дачным поселком всей грозностью своего десятидюймового роста.

Первым делом он подставил нос ласковому солнцу и, зажмурившись, принялся яростно, звонко бить крыльями, стряхивая сажу со

своих изумрудных чешуек.

Дракона звали Граф, и это имя он дал себе сам. Там, откуда Граф явился, его все звали просто Ты, и этого было достаточно. Он поселился в дачном поселке больше года назад, избрав своей неприступной пещерой заколоченный сверху донизу брошенный дом, куда только и можно было пролезть через дымоход.

Утренний ритуал был завершен, и пришла пора искать себе пропитание. Принцессу? Безусловно, такой и только такой рацион диктовал всем драконам земной фольклор. Между тем всех виденных Графом принцесс он мог разве что укусить за палец, и то стеснялся. Они же тем временем будто видели робость дракона и норовили усадить себе на плечо, а то еще и намотать хвост на шею. И Граф безропотно катался на плече, исполняя роль драконьего воротника.

Вспомнив эту историю, дракон снял с плеча свою записную книжку и нашел историю о принцессах. Эту книжку кто-то купил давным-давно и никогда ничего в ней не написал. Граф же пришил к ней мягкий ремешок, петлю для карандаша и берег в ней свои приключения ревностнее, чем если бы они были горой золота.

Собственно, благодаря этой природной страсти дракон и оказался на Земле. Ученых очень заинтересовало то, что вид Графа не питается химической энергией, ничего никогда не ест. Вместо пищи драконы впитывают знания и живут, движимые жгучим любопытством.

И с тех самых пор, как человек об этом узнал, его умом завладела фантазия о космическом корабле, который будет летать лишь потому, что во Вселенной что-то происходит.

Граф мало понимал в машинах людей, но знал точно – их корабль не полетит до того самого дня, когда задумается и скажет: «Эй, вы замечали, какие красивые звезды сегодня ночью? Я так мечтаю увидеть их поближе! Первым делом вон ту, яркую!».

Словно в ответ на размышления о межзвездных плаваниях земля вздрогнула и вдали раздался нарастающий гул. Из-за дальних холмов вальяжно поднималась едва видимая вдали ракета. Дракон жадно впился в нее широко раскрытыми янтарными глазами и смотрел, пока ракета не исчезла в небе, оставив за собой медленно тающий белый росчерк.

Закусив от усердия кончик раздвоенного языка, дракон нарисовал на одной из страниц своей книжки окутанную клубами белого дыма, рвущуюся в небо ракету. И замешкался, перейдя ко второй странице. Сначала он написал:

«15.07.2106. 10:15. Состоялся удачный запуск».

И, недовольно покачав головой, добавил:

«Серебристая стрела, сверкая на солнце, устремилась в небо. Она несет с собой детали огромного корабля, который строят на орбите. На нем можно будет искать занятное во множестве миров. Ах, почему же драконам не дарят таких кораблей?».

На странице осталось еще много места, а у Графа осталось чувство, что без чего-то запись никогда не передаст всей красоты взлетающей ракеты, сколько ни описывай.

Вдруг янтарные глаза радостно заблестели и в кончиках когтей

появилось приятное тепло. Нажав на карандаш, Граф написал самыми большими буквами:

«Ф-Ф-Ф-Ф-Ф-Ф-У-Ш-Ш-Ш-Ш-Ш!!!».

ИСТОРИЯ ВТОРАЯ ВИЛЬДГРАФ

Граф сидел на краю трубы, глядя на обитую железом крышу дома. Железные листы покраснели от ржавчины и даже с виду уже начали нагреваться под летним солнышком. Но главное – до этой крыши было очень громко дотронуться даже кончиком когтя. Любой шаг рождал волны глухого металлического грохота.

Но сегодня дракона увлекла мысль, можно ли тихо спрыгнуть на громкую крышу. Приметив сохранивший былую прочность и надежность участок, он напружинился и растянулся в прыжке, раскрыв крылья. А коснувшись теплого шершавого металла, снова сжался, будто пружина, и комично задрал вверх когти всех лап. И не услышал ни единого звука.

«Я неуловимая беззвучная тень в чужом и опасном мире, которая...», - подумал довольный Граф и столкнулся нос к носу с большим рыжим котом.

Оба настороженно замерли. Вместо плана спасения дракон почему-то думал о том, что если бы он решил записать свою предыдущую мысль, то не ставил бы многоточия в конце, потому что морда земного хищника была вполне логичным ее завершением.

В округе было много самых разных котов, и Граф встречал их довольно часто, однако уже первая встреча выявила главный мировоззренческий конфликт.

Если дракон предпочитал думать о себе как об отважном феодале, обживающем загадочную и полную неизведанного местность, то коты видели в нем исключительно странную зеленую мышь.

Но охота недолго была односторонней, ведь сородичи Графа эпохами выживали на родине только благодаря тому, что умели найти слабость самого грозного хищника и обмануть его. И слабость нашлась! Очень скоро большая зеленая мышь стала твердо ассоциироваться у хвостатых аборигенов с ледяной водой, неожиданно появляющейся сверху, сбоку или даже из-под земли в больших количествах.

После этого желание не связываться стало взаимным, и дипломатические отношения перешли в стадию вооруженного нейтралитета.

Вот и теперь дракон и кот замерли, рассматривая друг друга, никто не решался сделать первый шаг. Граф пользовался случаем близко разглядеть красивого, хоть и опасного зверя.

Кот был очень мохнатый, рыжая шерсть топорщилась и торчала во все стороны. На белой морде располагался мягкий на вид розовый нос и длинные подвижные усы. Большие широко раскрытые глаза внимательно следили за драконом.

Как бы ни нравился Графу кот, быть перекушенным пополам он сегодня не планировал, и потому решил пустить в ход давно припрятанный козырь.

- А ну, брысь! – хрипловатым басом гаркнул он.

Кот подскочил на месте и попятился. По выражению на растерянной морде можно было увидеть, как маленький кошачий мир несколько раз перевернулся с ног на голову, да так и не встал на место.

- Иди-иди, пока я тебя за усы не оттащал! За бантиками побегай! – наступал дракон, почувствовав, что противник дрогнул.

Графу самому очень понравилось, как у него получился человек, очень громогласно, угрожающе и похоже. Он еще некоторое время ругался вслед убегающему в ужасе «рыжему мерзавцу», чтобы послушать самого себя. Когда кончик хвоста скрылся за дальним забором, взбудораженный встречей и победой дракон сам решил отправиться на охоту.

В удалении от поселка он забрался в высокую траву и выскакивал из нее тот тут, то там, рыча и с удовольствием глядя на рассыпающихся во все стороны испуганных кузнечиков. Граф не поймал ни одного и не старался, а просто выскакивал и рычал, радуясь тому, какой он большой и опасный.

Потом он поджимал передние лапы и далеко вытягивал задние, представляя себя зеленым кузнечиком, а потом бесшумно крался в траве, чтобы разглядеть прыгунов как можно ближе.

Охота продлилась до самого заката, и Граф едва доволочил лапы до убежища, обещая себе нарисовать портрет растерянного кота.

ИСТОРИЯ ТРЕТЬЯ КОЛОКОЛЬЧИК

Давным-давно Графа пугала мысль о сне. По его мнению, заснуть было все равно что погрузиться в темную мутную воду, из-под толщи которой реальность видится размытой и далекой, а в глубине этого омута лежит мертвенная тишина сознания.

Однако натура дракона не позволяла вечно бояться и избегать чего бы то ни было, да и не мог Граф не взглянуть хотя бы одним глазком на то, что сам же так звучно озаглавил.

Однажды ночью, вместо того, чтобы отправиться смотреть на летучих мышей, дракон подобрал под себя лапы во мраке своего безопасного убежища и закрыл глаза, стараясь побороть чувство, что пытается дышать водой. «Ничего не делать? Ничем не любопытствовать? Как же так!».

А потом ему вдруг приснилось одеяло. Кто-то во сне сшил из так любимых Графом небесных лоскутов одеяло. Оно было яркое и теплое, словно само летнее небо. Дракон закутался в него и открыл глаза лишь когда тонкие солнечные лучи стали пробиваться сквозь забитые ставни. В этих ярких лучах парили золотистые пылинки, а Граф смотрел на них и вспоминал свой первый в жизни сон.

С того дня он часто спал по ночам и видел сны, но вскоре услышал тревожный звон. Словно какой-то шутник привязал колокольчик к рогу так, что его не увидеть, как ни крути головой.

«Здесь что-то неправильно!» - названивал колокольчик. «Это уже

было, и было не так!» - звенел он. Благодаря этому звону Граф всегда знал, что спит, но ни капли от этого не разочаровался в путешествиях по собственному подсознанию.

Вот и теперь дракон понимал, что видит картину прошлого. Вокруг было тихо и темно, лишь свет телеэкрана обрисовывал прутья решетки.

«Было не так! Не так! – зазвонил колокольчик. – Я сидел в блоке из шестнадцати клеток с пятнадцатью другими драконами, и телевизор работал на полную громкость день и ночь! Здесь никогда не было тихо!».

Теперь же телевизор вместо мультиков и непонятных передач показывал, как на лугу летний ветерок шевелит выгоревшую добела траву. Наблюдая за травинками, Граф задумался о том, что, наверное, люди поселили его именно так потому, что для них это излюбленный способ существования – когда справа, слева, наверху и снизу другие люди, а вместо окна экран.

И как в былые дни, взяв короткий разбег от дальней стены клетки, он бросился всем телом на решетку. Налетел на нее лбом, грудью, когтями, впился зубами в задрезавшие прутья.

И сон переменялся, всего на миг Граф увидел залитый режущим белым светом НИИ, вернулись люди в белых халатах, тревожная возня сородичей со всех сторон и телевизор, включенный, чтобы от нехватки впечатлений драконы не сошли на нет.

«Нет, это уже было, было! – звенело в голове. – Нет, это уже позади!».

Путья рассыпались, и Граф кубарем выкатился на письменный стол. Над ним возвышался человек в галстук и открывал рот, но вместо слов было слышно только мушиное жужжание. Дракон моргнул, прислушиваясь к себе.

«Нет же! Не так! В НИИ я стал не нужен, и меня отдали журналистам».

Человек в галстук взмахнул руками и вылетел из-за стола, стал летать под потолком, задевая люстру и гулко жужжа.

«Но я впервые в жизни увидел муху и так залюбовался ее полетом, что не запомнил ничего, кроме нее. Хорошо, что я уже почти отвинтил в новой клетке одну из решеток, и прежде, чем меня вернут в НИИ...».

Граф открыл глаза. Лучи света пробивались сквозь щели в стенах и ставнях. Снова дракон слишком рьяно потянулся к реальности и от этого проснулся. Впрочем, иначе ему наверняка бы приснилось, как он до умопомрачения цепляется за днище едущего автомобиля, закрыв голову крыльями от летящих из-под колес камешков, или какая-нибудь забавная интерпретация этого действия.

С гораздо большим удовольствием Граф думал о том, что совсем рядом его ждет настоящий луг, коты, кузнечики, космическая программа и много-много неба.

Но прежде чем устремиться навстречу всему этому, дракон прямо

в полумраке раскрыл записную книжку и, пока ничто не перекрыло свежего впечатления, нарисовал на странице свою клетку, а потом дорисовал диван, ковер, телевизор и еще несколько деталей человеческого жилья, приписав внизу:

«Когда мы попадаем в клетку, должен звонить колокольчик».

ИСТОРИЯ ЧЕТВЕРТАЯ ТОЛЬКО ИСКРЫ

Подшло время человечеству встретить инопланетян, о которых оно столько фантазировало. Все оказалось просто: человеку достаточно родиться на другой планете, вырасти под другими небесами, мирясь с реалиями совсем другого мира - и вот перед нами уже не выходец с Земли, а самый настоящий инопланетянин.

Вот и батюшка из поселковой часовни взмыл к звездам и унес слово Божие иномирцам. Теперь часовня ждала нового священника, а иконы безмолвно устремили глубокие глаза на единственного прихожанина, который сумел протиснуться в зазор под тяжелыми, надежно запертыми дверьми.

С самого появления на свет каждый аспект графова существования учил его полагаться только на факты и надежные знания, но религия и вера не вызывали у него непонимания и отторжения. Можно сколько угодно звать себя приверженцем науки, но куда деться от знания, что плотность наших тел - лишь иллюзия, и атомы в них, находящиеся друг от друга на огромном расстоянии, держит вместе лишь естественный магнетизм? Стоит задуматься о том, что эта зыбкая, как дым, конструкция живет, мыслит, имеет свое «я» и является каждым из нас. Становится трудно представить, что все это просто так сложилось в результате некой исторической случайности.

Привстав на задние лапы и упершись хвостом в пол, Граф по очереди вглядывался в иконы. У него тоже была своя вера, свой культ Событийности. Это капризное божество не имело лица, нечего нарисовать на иконе и запечатлеть в мраморе, оно являлось самим движением мира и само по себе противоречило сути чего-то повешенного на гвоздь.

И, как самый фанатичный верующий, Граф чувствовал присутствие своего божества каждую секунду, потому что события были для дракона единственным способом продолжать жить, продолжать существовать.

События, в которых он участвовал, события, за которыми он наблюдал со стороны, эпохальные события, крошечные события, внезапные события, повседневные события - все они давали ощущение сытости, заставляли гореть кончики когтей и наполняли свежими силами, чтобы скорее найти еще что-нибудь интересное.

Старели драконы тоже по-своему. Чтобы по-настоящему насытиться событием, нужно искренне им восхититься, удивиться так, чтобы захватило дух. Но с каждым новым удивительным и восхитительным чудом Событийности все труднее восхититься следующим.

И однажды у тебя не остается сил удивиться рассвету, заморожен-

но наблюдать как лист, отделившись от ветки, медленно планирует к земле и радоваться тому, какие красивые прозрачные лужи остались после ливня, как ярко блестит монетка на дне одной из них. Ты отвернешься от мира, безразлично хмыкнув, и в ту же секунду растворись в воздухе, оставив после себя лишь несколько быстро тающих в воздухе оранжевых искр. Событийность снимет с мировой доски потрепанную потускневшую фишку, чтобы где-то еще водрузить новую, чистую и яркую.

Граф было задумался о том, что мог бы проповедовать, как и улетевший батюшка, нести учение о Событийности людям, ведь не одних только драконов она приводит в этот мир и стирает из него позже. Но понял, что в отличие от прочих богов, Событийности вовсе не обязательно, чтобы хоть кто-то в нее верил. Не останься никого, кто знал бы это слово, она все равно продолжит плести судьбы по всей вселенной.

Она по-прежнему сможет швырнуть через всю галактику в неизведанный мир. Сможет испепелить заскучавшего дракона, научить батюшку летать, заставить облако атомов думать и удивляться, сможет нарисовать небесными красками триста шестьдесят пять закатов и восходов в год. Событийность будет, куда будет возвращаться этот восхитительный мир, потому что она и есть движение.

Скребя когтями по старым половицам, Граф выскользнул в узкий зазор под дверь. Святые остались обмениваться в полумраке печальными взглядами, ожидая нового проповедника, с чьим приходом события вновь хлынут рекой в этот остановившийся мир. А пока лишь парящие в воздухе невесомые пылинки ярко сияли у окошка под сводом.

Людмила САНЧАЙ

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПЕСНИ

Где-то беды отпугнуты – криком.
Где-то тьма отогнана – светом...

Безголосы мы – в горе великом.
Дух веселий – повыдуло ветром.
Только... что это?
Свет откуда?

Это песня тихо взлетела
и развеяла мрак.
О, чудо! –
Неужели душа запела?!

КТО ЭТА ЖЕНЩИНА?

1.
Средь Вселенной, в ночи,
обнаженная женщина,
распустивши косу, за звездой потянулась.
Будто цвет сорвала ту звезду безымянную
и, нежнейше к лучам прикоснувшись губами,
мне шепнула: «Лови!» –
и с небес ее сбросила.
Я цветок золотой лишь мгновение держала, –
Он истаял, исчез!

Да и кто эта женщина,
что в сапфирной мгле тонкий свет излучала
и, нагая совсем, –
в свете собственном, розовом,
как в наряде простом –
от земли выростала
до небесных высот.
Кто она, эта Женщина?

Вот другую она мне звезду протянула:
– Не руками берут это счастье лучистое.
– Как же взять мне ее?
– Сердцем, милая, сердцем.
– Будет больно же так!
– Боль, конечно, великая,
как и счастье само. Ты вольна отказаться.
– Хорошо, я приму...
Тут же боль несказанная
сердце разом ожгла и – наполнила счастьем!..

2.

Над моей судьбой тихо светится Женщина
красоты несравненной,
и зовется Любовью.
Звезд большущий букет протянула
и молвила:
– В них от болей бальзам,
Счастья прошлого россыпь,
аромат восхитительный
сбывшихся радостей.

Я букет приняла
в благодарном молчании.

АВГУСТ

Мой славный месяц щедрот земных.
Мой месяц сдержанных расставаний
с отрядом добрых дождей грибных,
ко мне пришедших на вечер званий.
Ни гроз, ни ливневой кутерьмы!

Любимый август уж на исходе.
Мой день рожденья справляем мы
на месяц позже.

...Дожди уходят,
распив на счастье заката свет.

В узорах, что выводит он тончайше, –
неписаная красота миров!

Он в сказочном – художник величайший.
В реальном – я и мой родимый кров.

ШАГИ В ОБЛАКАХ

Ни дождей бормотанья,
ни вздохов опавшей листвы
я не слышу уже.
Но зато – не поверите вы! –
хорошо мне слышны
дорогие шаги в облаках.
Там родная душа
луч баюкает в добрых руках.
С выси мне говорит:
– Ты устала. Присядь, отдохни.
Светом солнца хочу
пронизать твои хмурые дни.
– Ах, спасибо, сынок.
Мне уже и светлей, и теплей.
У природы учусь
на ненастье смотреть веселей...

Звук шагов –
звук паденья снежинок на пух.
О, как мощен и остр
мой второй, сохранившийся, слух!
Слышу шелест небес,
прирученного света полет.
То родная душа
полнозвучную весточку шлет.

«ПРОСИ – И ДАДЕНО ТЕБЕ БУДЕТ...»

На перекрестках чьих-то судеб
просила тихо: «Христа ради...»

Ну кто ж, незримую осудит
за то, что ею был украден
час счастья у скупого века?!
Теперь – душа моя – казнится:
«Просила ведь для человека,
которому во сне лишь снится
сиянье собственного счастья.
С рукой протянутой ходила!
Ни состраданья, ни участия

во взглядах дней не находила,
и потому воровкой стала...»

Словами хлещется, как плетью.

Час вдохновенья я достала,
чтоб возвратить его столетью,
Стихами.

НЕЖДАННАЯ ГОСТЬЯ

По следу осени не пойду.
Сама дороженьку я найду
к хоромам мудрой, седой зимы.
Давненько с ней не виделись мы.

– Дочь лета?! Как ты меня нашла?
– Я холод лютый перенесла.
Душевный. Может быть, потому
тянусь к морозу я твоему.
А стыни к стуже легко найти
и засекаченные пути.
– Ну что ж, погости
до самой весны.
Пей чай горячий и ешь блины...

ДВА ОТРАЖЕНИЯ

Кому-то свет.
кому-то тьма.
А мне – полет меж тьмой и светом.
Кому семья,
кому тюрьма,
а мне – дорожка между этим...

Жалею тех, кому темно:
Сама с высот во тьму врезалась.
Но в ней, кромешной, все равно
полетом собственным спасалась.
На крыльях трепетных моих,
вдруг, проступала солнца златость.
В глазах распахнутых, чужих,
мерцала звездами крылатость,
крылатость гордая моя!
Тем отражением жила я,
и, вырваться из тьмы желая,
путь к свету находила я.

Тому, кто светом ослеплен,
готова вторить бесконечно:
мол, мрак лжецами сотворен;
мол, в мире только свет извечный
пребудет всюду и всегда, –
нет на него враждебной силы!

А в небе дерзкая звезда
Паденье чье-то отразила.
Во мрак паденье...

ВЕЛИКОЕ ЕДИНСТВО

Есть хлеб – и голод,
жажда – и вода.
Воюет с жизнью смерть,
А с радостью – беда.
И труд бездельно противостоит,
лекарство – яду, слякоти – гранит...
Холм смотрит ввысь,
а в глубь земли – овраг.
Что друг дает,
то отбирает враг.
Поймет разумный – оттолкнет глупец:
«Начало ливню – засухе конец?!
Да знаешь, кто ты?
Ты, милоч, - ничто,
а я есть все: и это, и вон то!..»

Во всем, всему есть противостоянье.
Лишь неба изначальное сиянье
крепит союз с дыханием планеты,
и лучшего единства в мире
нету.

ПОД МУЗЫ ПЕНИЕ И КОЛДОВСТВО ЗВЕЗДЫ...

1.
Под музы пение
и колдовство звезды
сложится стих,
за ним – другой и третий...
Со мною ночь.
Неймется посмотреть ей
на строчки – вдохновения следы.
Она слышана о нем,
незримом,

крадущем сны,
что припасает ночь
лишь для поэтов.

Так неодолимо
власть вдохновенья –
не писать невмочь!
Прободрствуют,
Пока к утру усталость
Не обоймет их жарко,
как всегда.
Пока востока зельевую алость
в бокалы им не подольет звезда,
пока она, колдунья, не навеет
на них –
водивших хороводы слов –
дурман полупрозрачных,
хрупких снов.
Сквозь эти сны
день новый засветлеет.

2.
Стал день высок.
А солнце низко стало
(глаза в глаза –
стоим под небом мы),
и мимо дня спешит пройти,
устало
свет пронося сквозь непогоду зимы.

Надменен день.
Наполнившись сияньем
густого инея и свежего снежка,
поглядывает он, на расстоянья,
на сверженное солнце свысока.
День солнцем сотворен.
От тенью света
еще недавно над землей блистал.
Ему, как солнцу, радовалось лето.
Когда он радугу
из струй дождя сплетал –
чтоб ею мир, на счастье,
опоясать –
был день восславлен миром
и воспет.
Что случилось с ним теперь?!
Заносчив ясный:
сам по себе, мол, излучаю свет.

3.

В конце строфы
звездой вкраплю я точку.
Она навеет сон мне голубой.
Звезду же, с музой певшую
всю ночку,
возьму в неявь волшебную
с собой.

Пусть в небе сна,
глубоком, безмятежном,
она горит отчаянно земно.
Чтоб в душе,
теплом согретой нежным,
родного света проросло зерно.
Когда же разрастается
много солнца,
пускай душа победно запоет
и растворит заветное оконце –
свет солнечный
собою мир зальет.

ЯЗЫК МЛАДЕНЧЕСТВА

1.

Плач его в час рождения –
это музыка слов младенчества:
«Здравствуй, мир!
Я родился,
и маму увидел извне!»
Новорожденных язык так понятен
всему человечеству,
но матерям разноликим
он, конечно, понятней втройне.

2.

«Мама, на руки меня возьми!
Мама, скорей меня накорми!
Мама, пеленки смени, пожалуйста». –
плачет младенец.
Но вовсе не жалобно,
а ласково – требовательно.
и даже – празднично.
«Проснулся? Иду...» –
мать спешит к нему радостно.

3.

Ему уже месяца полтора,
такому крошечному, но не беспомощному.

целый мир собою заполнившему.
Человеку, плачущему с утра:
«Мама – мои неустанные
ноги и руки вторые.
Мама – броня моя и надежные мои
крылья
Мама – песен и танцев моих
хоровод нескончаемый.
Мама – свет жизни земной,
теплым хлебом моим источаемый.
Благословенным своим рождением
я обязан творений Творению –
Маме.
Теперь предстоит мне
здоровым, разумным расти,
чтоб счастья и долголетия
всей жизнью своей принести
Маме».

Вячеслав ТАНОВ

Вячеслав Альбертович ТАНОВ родился 1 июля 1959 года в Кызыле в семье известного композитора Альберта Танова и известной писательницы Екатерины Тановой.

После окончания средней школы №15 он поступил в Кызылское училище искусств на класс флейты. Обучался композиции у преподавателя Хуреш-оола Дамба. В 1983 году, окончив училище, стал работать в Республиканской школе искусств, где трудится до сих пор.

Вячеслав Танов известный в республике композитор, на счету которого более ста популярных песен для детей и взрослых. Песни «Березка», «Дождик», «Папе» и многие другие часто исполнялись по радио и на эстраде. Им написаны пьесы для разных музыкальных инструментов, симфонические картины и музыка к балету «Волшебный цветок Саян».

Он так же является автором пяти инструментальных сборников для педагогического репертуара музыкальных школ. Им написана кантата для детского хора с оркестром «Тува - мой край родной».

Вместе с тем, Вячеслав Танов пишет стихи и стихотворные переводы на русский язык детских тувинских песен. Кроме этого, он пробует себя в прозе, и его повесть «Долгое эхо в горах» является первым литературным опытом.

ДОЛГОЕ ЭХО В ГОРАХ

1.

Старика Балчыра я знаю 15 лет. Помню то время, когда он был моложе, чем сейчас, и как без усталости ходил по горам. Балчыр был хорошим охотником. Он мог сутками преследовать зверя, загоняя его в такие дали, что сам с трудом выбирался из них. В его глазах всегда светился азарт загонщика. Но так было в недалеком прошлом.

Теперь же Балчыр, через полтора десятка лет, резко постарел, потерял былую меткость и сноровку. Движения его стали замедленными из-за болезни суставов, а спина заметно сгорбилась. Я догадывался, что его так скрутило чувство утраты и потери близкого ему человека. Охотился Балчыр уже редко, в основном белковал, а на крупного зверя у него не хватало сил и желания.

Однажды мы сидели с ним в его заимке, которая находилась высоко в горах, и ждали окончания пурги. Снега в этом году выпало много, и вьюжило так, словно сама природа специально замела все пути-дороги нашего охотничьего уголка, чтоб мы не могли промышлять зверя. Огонь трещал в печке, и Балчыр подкладывал в нее сухие ветки лиственницы. Мы еще летом заготовили много дров на зиму, но поленицу не трогали. Пока обходились хворостом, который подбирали недалеко от заимки. Дрова мы берегли на случай больших холодов. Стоял конец октября – начало ноября, и настоящие морозы еще не заглядывали в тайгу.

Балчыр сидел на самодельном стульчике, курил папиросу «Беломор» и о чем-то думал. Он и раньше был немногословным, а сейчас и вовсе не разговаривал почти полдня. Я же, городской человек, привыкший к общению, откровенно скучал и не знал, чем себя занять. Просто валялся на топчане и смотрел в потолок бревенчатого домика. Судя по завыванию ветра сквозь незаметные щели, пурга не думала затихать.

Познакомился я с Балчыром лет пятнадцать назад, когда работал преподавателем в Кызылском училище искусств и вел класс флейты. Однажды ко мне в кабинет вошли директор училища и незнакомый паренек. Директор сказал:

– Вот тебе новый студент! Учи его музыке. Кстати, ты сам не охотник?

Я знал, что некоторые мужчины – преподаватели училища увлекаются охотой, и иногда артелью выкупают небольшой вертолет и улетают на нем на охоту в далекие уголки нашей Тувы.

– Его отец – хороший егеря! – продолжил директор. – Он приглашает нас отдохнуть в собственной таежной заимке, ну и ты полетишь вместе с нами! Принимай пацана в ученики, и готовься. В пятницу вылетаем!

Я понял, что мой новый ученик – сын нужного человека, и возражать не стал. Сам я работал в училище искусств больше года, но до этого случая мне еще не предлагали участвовать в охоте. У меня был хороший карабин, оставшийся в наследство от одного родственника моей жены, из которого я стрелял всего пару раз по консервным банкам. И я подумал, что пришла пора пострелять и по более крупной мишени.

Паренька звали Роберт, и он стал учиться у меня игре на флейте. Кроме хороших музыкальных данных, мой ученик обладал еще умением петь горлом. Стили сыгыт и каргыра были ему известны. Самородок, одним словом.

А в пятницу в аэропорту я встретил Балчыра. Когда ему сказали, что я являюсь учителем его сына, Балчыр пожал мою руку двумя руками и уважительно произнес:

– Очень рад, башкы, что у сына такой учитель!

В тот сезон на охоте мне удалось подстрелить кабаргу – самца. Сам Балчыр вырезал струю, обработал ее и вручил мне.

– С почином вас, башкы!

И вот теперь, в настоящее время, когда мы находимся в его заимке и ждем хорошей погоды, я спрашиваю Балчыра:

– А скажи мне, старик! До сих пор я не могу понять, в чем сила той струи, которую ты отдал мне тогда, на первой охоте?

Смотрю, Балчыр растянул губы в улыбке и произнес:

– Эх, вы, молодежь! Ничего не понимаете в жизни!

И стал объяснять мне в который раз, в чем секрет струи кабарги. Положим, тайной для меня это не было, ведь не дурак же я, в конце концов, и кое-что соображаю в народной медицине. Но то, что тягостная тишина в охотничьем домике была нарушена, это меня отвлекло от меланхолии. Уже было не так скучно. И скрипучий голос Балчыра звучал как струны тувинского народного инструмента игил, убаюкивал и уносил в мир таежных далей величественных гор.

Он рассказывал, и глаза его разгорались как в прежние годы, и я видел возвращение старого «молодого» охотника. Об охоте Балчыр мог говорить часами, главное, чтоб слушатель был. И я, лежа на топчане, внимал его голосу и незаметно для себя засыпал.

– ... и тут я услышал крик! Сын звал меня, и я пришел к нему на помощь!

Что-то в рассказе Балчыра заинтересовало меня. Я очнулся от дремы и спросил:

– Погоди, старый! Не понял я, когда Роберт тебя позвал?

Дело в том, что его сын отучился у меня в училище всего три года, а потом его призвали служить в Советскую Армию. Он уехал весной, и вскоре родителям сообщили, что их сын пропал без вести в Афганистане. Время тогда было страшное, непонятное. Наши ребята погибали в Афганских горах, а компартия успокаивала народ, мол, советские солдаты выполняют интернациональный долг. Только непонятно было, что за долг такой имел Советский Союз, за который рассчитывались кровью наши военные.

– А вот так, позвал он меня, когда попал в плен к своим!

– Что, что? Расскажи все заново, пожалуйста! – попросил я.

– Грустно вспоминать, а тем более рассказывать.словно старую рану бередишь...

– Ну, расскажи, не томи душу!

– Слушай же!

Роберт любил своего отца. Маму он не помнил, потому что она бросила их, когда ему было всего полгода. Сошлась с другим мужчиной и уехала с ним из Тувы на Кавказ. Балчыр воспитывал сына один. С другими женщинами он не сходилась и растил малыша без материнской ласки. И вырастил же!

Роберт стал здоровым красивым парнем, на которого стали заглядываться девки. И любовь к охоте, а вернее к тайге и природе, тоже воспитал в сыне Балчыр. По окончании средней школы, он отправил Роберта учиться музыке в Кызыл. Хотя на сдачу вступительных экзаменов они опоздали, Балчыр, как егерь, сумел найти подход к директору училища, и сын его стал студентом Кызылского училища искусств.

Отец и сын были одного поля ягоды. Они без слов понимали друг друга, и знали, где и когда была необходима их помощь. Как Балчыр учил жизненным премудростям сына, так и Роберт отвечал отцу сыновней заботой и лаской.

Охотник души не чаял в своем ребенке и гордился им. Он уже подыскивал для Роберта невесту, когда пришла повестка из военкомата.

– Не переживай, папа, я вернусь! – обещал Роберт.

В конце мая его и других призывников увезли на поезде, сначала в Таджикистан, где они три месяца учились военным премудростям, а потом самолетом забросили в солнечную страну Афганистан.

И началась служба.

Роберта, так как он стрелял без промаха, назначили снайпером 54-ой мотострелковой дивизии. Выдали ему винтовку с оптическим прицелом и приказали убивать «душманов». Его рота дислоцировалась на севере Афганистана и охраняла линию трубопровода Термез – Кабул. По этой линии, где шла дорога, блок-посты размещались через каждые 3–5 километров. В одном из таких постов, укрепленном горными валунами и скудным валежником, Роберт подстрелил своего первого «духа». Сначала он принял чужого человека за обыкновенного дехканина, который гнал в горы ослика, груженого хворостом. Но когда чужак стал таиться за горными выступами, Роберт пригляделся к нему через оптику и увидел, как дехканин извлек откуда-то автомат и залег в укрытии. Стало ясно, что это – враг. Но как стрелять в живого человека, если он тебе ничего не сделал? И Роберт ждал.

На горной тропе появились солдаты. Это были наши радисты, которые несли на пост новую рацию. Старую рацию разбило осколком гранаты, а оставаться без связи никому не хотелось. Техника в то время была крайне несовершенной и такой громоздкой, что Роберту было жалко солдат, которым приходилось таскать такую тяжесть. Это сейчас мобильные телефоны заполонили весь мир, но тогда, в середине 80-х, сотовой связи у Советской Армии еще не было.

Солдат было трое. Они устало передвигали ноги и спотыкались о

камни. Про опасность они уже не думали и не пытались скрываться за кустами и валунами. Просто тупо перли по тропинке и даже не смотрели на горы, где могли прятаться «душманы».

«Видать, сильно устали ребята!» – подумал Роберт и перенес свой взгляд на «духа» с автоматом. А тот уже брал троицу под прицел. Еще секунда, и может случиться непоправимое. И за эту секунду снайпер Роберт успел прицелиться и нажать на курок. Через оптику, он видел, как дернулся подстреленный им «дух» и услышал запоздалую автоматную очередь. Видимо, палец раненного в судороге нажал спусковой крючок, но выстрелы были уже в небо. По горам отзвуки выстрелов разносились долго, и Роберт вспомнил, как охотился с отцом в горах на своей родине. Там тоже было такое эхо, раскатистое и многоголосое.

Трое солдат мгновенно рассыпались по кустам обочины и замерли в ожидании продолжения стрельбы. Но ее больше не было. Через пять минут они поползли в сторону блок-поста, и Роберт опять пожалел того солдата, который волочил за собой тяжелую рацию. Но крикнуть своим, что опасности больше нет, он не мог. Снайпер должен находиться в «секретке» и ни чем себя не выдавать.

Через два часа он услышал, как к нему приблизился напарник и назвал пароль. Все, на сегодня Роберт отстрелялся. Он мог возвращаться на пост, но чувствовал какое-то гнетущее состояние. Ему очень хотелось подойти к убитому им «душману» и посмотреть на него. Что здесь было больше, любопытства или чувство вины, он не знал. И он пошел к своей жертве.

Через дорогу Роберт перебрался незаметно, поднялся по крутому склону и без труда нашел то место. Убитый лежал лицом вниз. Рядом валялись его автомат Калашникова и кожаная сумка. Подавляя в себе легкое чувство брезгливости, Роберт перевернул труп лицом вверх и увидел глаза афганца, которые смотрели на него с ненавистью смертельного врага. «Дух» был еще живым, только потерял много крови и ослабел до того, что не мог шевелиться. В кулаке он держал гранату с выдернутой чекой. Его ярость была такой сильной, что он до последнего держал руку сжатой. Знал афганец, что к нему обязательно подойдет тот, кто стрелял в него, чтобы удостовериться в своей победе. И он дождался. Пальцы руки его разжались, и рифленый металлический кругляш покатился прямо к ногам Роберта. Солдат отпрыгнул в сторону в тот момент, когда граната взорвалась.

И наступила ночь.

3.

Горы Афганистана отличаются от тувинских Саян. Если наши Саяны более пологи и большей частью покрыты тайгой, то Афганские горы такой растительности не имеют. Бесспорно, они высокие и красивые, и своей величавостью внушают чувство почтения.

Сейчас, в начале сентября, когда листва деревьев пожелтела, а

трава пожухла, особенно заметна разница Саянских гор и гор Афгана. Лысые, со скудной растительностью, Афганские горы кажутся холодными. Снежные шапки вершин в солнечные дни радостно сверкают, но тепла они не дают. И человек, оказавшийся один в таких горах, испытывает горный озноб и страх одиночества.

По неведомой тропе, расположенной на самой вершине горной цепи, брел изможденный человек. Его солдатская форма была разодрана в клочья. Мелкие раны на теле кровоточили, но не это мучило солдата. Жажда неустанно шагала за ним и изматывала душу и тело. Полдня назад человек наткнулся на снег, что лежал у подножья одной вершины. Он упал прямо в него и стал жадно хватать ртом комки холода. Внутренний огонь сжигал его и никак не хотел успокоиться. А потом внутри молодого организма появился и стремительно вырос озноб. Он нещадно колотил тело солдата, и спрятаться от него возможности не было. Человек снова потерял сознание и, полузамерзший, очнулся только вечером. Чтобы не замерзнуть окончательно, ему нужно было двигаться, и он, с трудом переставляя ноги, пошел.

Человек не знал, куда бредет. Двигался он автоматически, а в голове его не было ни единой мысли. Он даже не помнил, как его зовут и кто он такой. И так же человек не помнил, что уже больше трех суток ничего не ел, а идет он по горам неведомо куда и, главное, зачем идет он по этим проклятым горам.

Горная тропа стала спускаться вниз, и вскоре показался лес. Здесь бежал ручеек, и человек жадно припал сухими губами к его холодным водам. Он пил долго, мучительно икая, потом окунул голову в ручей. И тут же, на смену жары в теле, его снова пробил озноб. Трясло сильно, и напрасно он пытался укрыться своими лохмотьями. Холод пробирал до костей.

– Сейчас бы огня разжечь! – неожиданно подумал он вслух и стал шарить в карманах дырявой солдатской формы.

То, что он подумал о тепле, было первой осознанной мыслью солдата за эти дни. Мышление возвращалось к нему.

Спичек не было. И не было в карманах никаких бумаг и документов.

– Да кто я такой? – в отчаянии крикнул он и услышал звериный рык.

Большая пятнистая кошка скалила свои клыки и готовилась прыгнуть на него.

Человек узнал в звере снежного барса – ирбиса, и удивился. Обычно, кошки такого вида бывают очень осторожными и на контакт с человеком идут крайне редко, только в особых ситуациях, когда от схватки зависела бы жизнь самого зверя или жизнь его детеныша. И человек понял, что ирбис сейчас бросится на него. Избежать нападения не получится, и драться придется голыми руками. Он лихорадочно осмотрелся вокруг и заметил длинную палку, лежащую недалеко от ручья, схватил ее и мгновенно отломил кончик.

Палка была сухой, громко треснула, и на месте слома образовался заостренный наконечник. И тут кошка прыгнула.

Ее передние лапы когтями впились в плечи человека, а клыки пытались прокусить горло. Задние лапы в это время распарывали живот своей жертве. Но человек был охотником. Не теряя самообладания, он ловко ткнул острием палки в глаз животного и пробил глазницу. Импровизированное копьё застряло в мозгу барса. Кошка жалобно зарычала, но соскочить с пики уже не могла. Через минуту конвульсивных подергиваний она умерла, и человек устало опустился на землю.

– Откуда здесь взялся снежный барс? – снова подумал он и потерял сознание.

Кошка защищала своего детеныша. Она с ним спустилась с гор на водопой и наткнулась на человека. Инстинкт материнства заставил самку снежного барса броситься на защиту своего потомства и вступить с человеком в бой, в котором она проиграла схватку. Детеныш зверя осторожно вылез из укрытия и жалобно урча, подбежал к матери. Он плакал, и вой его разносился по дну ущелья.

В это время кожаная петля затянулась у него на шее.

Два охотника, Мехмет и Мустафа, не стали убивать пятнистого котенка, а просто посадили его в мешок. Потом они склонились над окровавленным человеком и стали размышлять.

– Шурави попался. Что будем делать?

– Бросим его умирать. Заберем ирбиса, а он нам не нужен.

– Но он – хороший охотник! Без оружия убил такого зверя...

– Ты прав. Шурави – великий охотник!

Они схватку человека со зверем наблюдали с самого начала, и были поражены тем, как шурави победил хищника. Надо же, самой обыкновенной палкой убить грозного ирбиса! Каков храбрец!

Потом Мехмет и Мустафа пригляделись более внимательно.

– Ты смотри, он лицом похож на нас. Может не шурави это?

– Давай разбудим его. Только держи ружье наготове.

Они брызнули водой из ручья незнакомому парню на лицо, и когда тот стал подавать признаки жизни, спросили:

– Кым сен?

Надо сказать, что охотники Мехмет и Мустафа были жителями селения Тамрачи, которое находилось высоко в горах провинции Кундуз. Все люди их горного поселка были этническими узбеками из племени каттаганов и общались между собой на тюрском диалекте.

– Кым сен? – повторил Мехмет и пригрозил ружьем.

Что интересно, незнакомец понял его вопрос, но что еще больше развеселило охотников, так это ответ:

– Уттуптум! Билбес мен!

– Бельмес?

И они разговорились. Парень не знал, кто он такой, как его зовут, и где он находится. Охотники с трудом понимали его речь, но все же понимали. И это они посчитали знаковым событием. Убивать

шурави они не стали, а предложили ему подняться в горы и отдохнуть в их селении.

Охотники обработали раны незнакомца своими лекарственными снадобьями, накормили его, а когда окончательно стемнело, они втроем тронулись в путь. В мешке Мехмета лежала шкура убитого ирбиса, а в мешке Мустафы рычал детеныш хищника. Трофеи были великолепными.

Двигались ночью потому, что опасались столкнуться с воинствующими партизанами, отношения с которыми у племени каттаганов были натянутыми. Пуштуны недружелюбно относились к узбекам, и считали их предателями. Но открыто против них никогда не выступали.

4.

У охотника Мустафы была сестра Гюльчек, которая потеряла своего жениха год назад во время стычки с афганскими солдатами. Этого жениха родственники Гюльчек добивались давно, и делали все возможное, чтобы родители парня обратили внимание на хроменькую девочку. Действительно, Гюльчек при ходьбе заметно хромала, и этот изъян омрачал братские чувства Мустафы. На хромую девушку женихов не находилось. Лишь когда в селение перебрался Юсуф-кузнец со своей семьей и привез сына Омара, в судьбе Гюльчек наметились изменения. Омар полюбил хромую девушку за ее веселый нрав и красивый голос. Уже назначили дату свадьбы, но в день помолвки (ширин хури) случилось несчастье. В селение вошли солдаты Афганской Армии и стали всех юношей насильно забирать на войну с повстанцами. Забрали и Омара. Потом до сельчан дошли слухи о том, что сына кузнеца Юсуфа солдаты расстреляли при попытке к бегству. Горе пришло в селение Тамрачи.

Мустафа любил свою сестренку Гюльчек и жалел ее. Хоть она и была красавицей, но заметная хромота отбивала у молодых парней желание познакомиться с девушкой поближе. Поэтому охотник имел виды на чужака, которого они с Мехметом вели в свое селение. Одно смущало его, это отсутствие имени у потенциального мужа Гюльчек.

– И ты совсем не помнишь, как зовут тебя? – спрашивал он незнакомца. – Хочешь, мы дадим тебе красивое имя, пока ты не вспомнишь свое настоящее?

– А какое?

Незнакомый парень плохо понимал речь своих спасителей, но старался делать вид, что вникает в суть разговора.

– Ты убил грозного зверя, и пусть имя твое будет Ирбис! Согласен?

– Хорошо!

Они шли по горам всю ночь и лишь под утро вышли к какой-то горной деревеньке.

– Это село Чери-Дашт, – сказал Мустафа. – Здесь тоже живут

наши соплеменники. Мы отдохнем здесь, обменяем шкуру барса на продукты, достанем тебе одежду.

– А наш кишлак Тамрачи мы увидим только завтра, – добавил Мехмет. – Не робей, Ирбис!

Они вошли в Чери-Дашт.

Это село имело четыре десятка домов с маленькими двориками, которые расположились хаотично по крутому склону горы. Невысокие изгороди были сложены из камней. Практически, все огороды жителей поселка уже пустовали, так как урожай был недавно снят. Из приметной растительности здесь было только дерево – старый тополь, стоящий на краю села. Рядом возвышалась смотровая вышка.

Пастух выгонял на горные пастбища стада коз и коров, а женщины села пекли лепешки в печах – тандырах. Дух от выпечки стоял над Чери-Даштом такой вкусный, что у вошедших в селение людей голова закружилась.

– Как я хочу есть! – воскликнул Мехмет.

Они зашли в ближайший дворик и поприветствовали хозяина, пожилого мужчину с седой бородой. Звали его Алибек, и он был дядей охотника Мустафы. Когда они сели на ковер, что лежал на широком помосте просторной веранды, Алибек разлил зеленый чай по пиалам и сказал:

– Давно я не видел вас, парни! Что нового творится в этом мире, рассказывайте быстрее.

Женщина с полузакрытым накидкой лицом принесла на подносе лепешки и тарелку со сметаной. Мужчины, кроме незнакомца в солдатской форме, произнесли шепотом короткую молитву и стали пить чай.

– Ирбис, и ты угощайся! – сказал Мехмет.

Парень, имя которого стало Ирбис, отпил из пиалы и в изнеможении закрыл глаза. Он после контузии от взрыва чувствовал себя неважно, но мысли в голове уже упорядочились и стали выстраиваться в логическую цепочку.

«Кто я такой и где я? Почему я не могу вспомнить необходимые подробности из моей жизни? Кто эти люди, что сидят рядом со мною и угощают меня зеленым чаем?» – так думал тувинский солдат по имени Роберт, хотя настоящего имени своего он не помнил.

Так же он не помнил, как пролежал без сознания в ложбине под кустом караганника несколько часов подряд, оглушенный взрывом гранаты. Осколки существенного вреда ему не принесли, только посекали молодое тело воина. И не знал он, что сразу после взрыва завязался бой между солдатами блок-поста и «душманами», которые к тому времени скрытно подошли к дороге. Бой был не долгим, длился полчаса, но когда он затих, на горы опустилась темнота.

Роберт не мог вспомнить, как очнулся среди камней, как выползал на дорогу, и, шатаясь, брел неизвестно куда. Двигался он в бессознательном состоянии, словно сомнамбула, потом сбился с дороги и стал подниматься высоко в горы. Ему повезло, что он не

встретился с группировками афганских партизан, не попался на съедение горным волкам и гиенам. По счастливой случайности Роберт опередил камнепад, который сразу же за ним засыпал тропу острыми валунами. Так он двигался трое суток. Что ел и что пил, тувинский парень не помнил. Пришел он в себя только возле лесного ручья, когда схватился со снежным барсом. Вообще-то, это было чудом, что он вышел победителем над грозным зверем. Снежные барсы – ирбисы в горах Гиндукуша – твари, хоть и не редкие, но очень осторожные. Но был лес, были самка барса с детенышем, и ... охотники Мехмет и Мустафа.

Старик Алибек слушал новости, которые рассказывал ему племянник Мустафа, а сам приглядывался к незнакомому пареньку, который, выпив чаю, привалился к столбу веранды и дремал. Не был он похож на героя, способного без ружья убить зверя. Но шкура ирбиса, показанная охотниками, говорила, что шурави этот – настоящий воин. Такая шкура на рынке стоила бы несколько тысяч американских долларов. В пересчете на афгани – это будет сумасшедшая сумма. Значит, шурави теперь очень богат. А таких людей Алибек уважал. Он сказал жене, чтобы она вытащила из сундука штаны, рубашку и халат и принесла эти вещи сюда.

– Проснись, Ирбис! – окликнул Мехмет. – Хозяин хочет подарить тебе одежду.

Рваную форму Алибек сжег, но солдатские ботинки оставил себе. Штаны и рубашка Ирбису были великоваты, а стеганый халат пришелся впору. Мустафа подал ему пояс и тюбетейку.

– На ноги надень эти тапки! – сказал Алибек и указал на кожаные галоши.

Обувь тоже подошла.

– Да ты – красавец! – воскликнул Мустафа, – Настоящий жених!

– Вот Гюльчек обрадуется! – добавил Алибек.

Мехмет расхохотался. Теперь он понял, почему его друг и его дядя так обхаживают шурави.

«Бедняжка Гюльчек! – подумал он. – Пусть и ей достанется немного счастья. А шурави – хороший парень! Более подходящего для девочки мужа нет».

Алибек пообещал охотникам, что выгодно продаст шкуру снежного барса.

– Скоро приедет Дауд-хан, а он любит красивые вещи!

После чая Алибек проводил гостей в свой дом и уложил их спать на полу, устланном мягкими коврами.

А детеныша ирбиса сыновья Алибека заперли в металлической клетке, что стояла за их домом. Они напоили его козьим молоком, и столько радости было на их детских лицах, когда они смотрели, как маленький зверь грызет железные прутья. В такие минуты забывались все невзгоды военного времени. А время было тяжелое!

Ирбис заснул быстро, и снились ему тревожные сны из своего детства. Вот он, маленьким мальчишкой, бежит по деревенской улице, а за ним несется черная тувинская овчарка. Мальчик споткнулся и упал в пыль, а собака обнюхала его и лизнула шершавым языком по лицу.

Каждый ребенок в момент опасности зовет свою маму, но у Ирбиса матери не было. Он прикрыл голову руками и закричал:

– Папа!

Кто-то большой и родной склонился над ним и знакомым голосом спросил:

– Испугался, сынок? Не надо! Собака только играла с тобой, а ты расплакался...

Потом был еще сон о горах.

Где и когда он видел такие горы? Не очень высокие, пологие и с пышными елями на вершинах. А кедры? Какие красивые шишки висят на их ветках! Что-то было в них родное, знакомое, отчего Ирбис застонал и почти заплакал. Но плакать нельзя, ведь он – мужчина!

– Ирбис, вставай! – чей-то голос будил его. – Пришел Дауд-хан и хочет познакомиться с тобой!

В просторной комнате стояли незнакомые люди. Один из них был с благородной бородой с проседью, одетый богаче остальных. На нем был красный восточный халат с золотым поясом и белая чалма. Он держал в руках шкуру барса и трепетно щупал ее ухоженными пальцами, на которых блестели золотые перстни.

– Так это ты убил зверя простой палкой? – спросил он густым басом и хмыкнул.

– Я не понимаю! – отозвался Ирбис.

– И все равно – герой! Люблю таких... Ты кто?

– Не помню.

Дауд-хан снова хмыкнул и обратился к Алибеку:

– Ты проверял его на меткость, хозяин? Выведи незнакомца во двор и дай ему карабин. Пусть покажет себя мужчиной!

Когда все вышли из дома, Алибек вручил Ирбису охотничий карабин и указал на мишень. Это был глиняный горшок, что висел на шесте, воткнутом в землю в метрах двадцати от них.

– Попади! – сказал он.

И в ту же секунду Ирбис выстрелил.

– Шайтан! – прошептал Дауд-хан.

Шест стоял на месте, но горшка на нем уже не было.

Позже, когда они сидели на веранде и пили зеленый чай, Дауд-хан назвал цену шкуре барса.

– Две тысячи афгани и на столько же – товаров из моего магазина. Охотники Мехмет и Мустафа переглянулись.

Алибек сказал:

– Четыре тысячи афгани и русский автомат.

– Автомат-то зачем?

Они стали торговаться.

Восточные люди торговаться любят. И этот процесс у них занимает большое время. Через час, когда было выпито много чашек чая и съедено достаточное количество шашлыка, они пришли к соглашению.

Три тысячи, плюс автомат и плюс – товары.

Дауд-хан передал шкуру своему человеку и на прощание сказал:

– Шурави! Забудь о своем прошлом и не пытайся вспомнить его. Живи настоящим и будь счастлив. У тебя начинается новая жизнь, и только один Аллах знает, как она сложится. Сейчас ты покидаешь меня, но я надеюсь, что через какое-то время мы встретимся, и ты будешь служить у меня. До встречи, Ирбис!

Дауд-хан со своими людьми удалился. Охотники Мехмет и Мустафа стали собираться в дорогу. Снова детеныш барса оказался в мешке, а второй мешок был забит нужными вещами, которыми снабдил их Алибек. Деньги они поделили на четверых. Таким образом, у Ирбиса появились первые афганские деньги.

Они вышли из села Чери-Дашт поздно вечером.

Снова поднимались в горы и опасались встреч с партизанами или шурави.

6.

Я сидел в охотничьем домике Балчыра и внимательно слушал его рассказ о его сыне. Пурга за окном стихла, и печка уже неохотно трещала горящими дровами. Собака Балчыра по кличке Туран лежала возле дверей на старой оленьей шкуре и тоже слушала повествование своего хозяина.

– Однажды к нам в село приехали военные из ресвоенкомата. Беседовали со мной, говорили нелепости, будто мой сын дезертировал и принял исламскую веру. Предупредили, чтоб связи с ним я не поддерживал, словно мой Роберт стал предателем Родины. Только я им не верил. Не мог мой сын изменить своей стране! Не таким я его вырастил...

В голосе Балчыра что-то дрогнуло, и он судорожно глотнул воздуха, словно задохнулся от негодования. Мне пришлось встать с топчана, набрать в ковшик воды из кадки и подать старику.

– Спасибо! – сказал он и отпил глоток.

Потом Балчыр закурил новую папиросу и продолжил свой рассказ.

В горном селении (кишлаке) Тамрачи дворов было двадцать на четырех улицах, и жили здесь в основном две ветви племени кат-таганов: род Улугбаши и род Аксалты.

Мехмет относился к роду Аксалты, а Мустафа – к Улугбаши. Ирбиса в свой дом привел Мустафа.

– Жить будешь здесь. Располагайся!

Дом Мустафы был небольшим, но многоуровневым по рельефу

земли, и имел пять комнат, где жили восемь человек: мать Мустафы, его три младших брата, сестра Гюльчек, а так же сын Самир и он сам с женой Заной. Семья была большая, и лишний рот здесь был нежелателен. Только возможное замужество Гюльчек сказывалось на гостеприимстве хозяев. Ирбиса они приняли как своего.

На другой день Мустафа водил Ирбиса по домам знакомиться с жителями Тамрачи. Везде принимали шурави спокойно, и только староста села Максуд-ага предупредил:

– Если через месяц он не выучит наш язык и не будет правильно молиться, я прогоню его с нашей земли!

Затем они посетили местную чайхану, где выпили один чайник зеленого чая. Чайханщик Зайнар поинтересовался:

– Уважаемые! Говорят, в горах Гиндукуша появился отважный охотник, который без оружия голыми руками любого зверя ловит. Не встречался ли он вам? Вот бы хоть одним глазом посмотреть на этого батыра.

– Нет, уважаемый, с таким человеком мы не встречались! – ответил Мустафа.

Потом чайханщик предложил поиграть в нарды, и Ирбис с интересом наблюдал за игрой двух односельчан. И тут он неожиданно вспомнил, как сам когда-то играл в шахматы и даже был чемпионом в своей школе. Но когда это было? Какие-то картинки прошлого, словно в дымке, появлялись в сознании Ирбиса и тут же пропали.

Потеря памяти бесила его. Он готов был зарычать как зверь, броситься вниз головой со скалы, лишь бы не терзать себя воспоминаниями. Ирбис ощущал состояние беспомощности и растерянности в душе и не мог собрать мысли в тугую узел. Ему казалось, что сознание его расслоилось, и слой одной реальности накатывается на другой. Но внешне Ирбис оставался совершенно спокойным. Он словно окаменел, и ни один мускул на лице его не выдавал настоящего состояния души.

Вечером Мустафа познакомил его со своей сестрой Гюльчек.

Она была небольшого роста, тоненькая, и одета в традиционный хиджаб. На голову ее был накинута химар (легкая накидка), сквозь который лицо девушки было едва различимо. Узбекское платье было новым и пестрело красочными узорами. Шалвар-хамиз (легкие штаны) были аккуратно заправлены в изящные туфли.

– 17 лет ей! – гордо сказал Мустафа и замолчал.

Гюльчек запела песню, и голос ее понравился Ирбису. Он был необыкновенно густым и сильным.

«Альт!» – подумал Ирбис и удивился, как он сумел определить название женского вокала.

– Нравится? – спросил Мустафа. – Так женись же! И калым платить не надо, понял?

– Я подумаю!

Неожиданно Гюльчек на мгновение открыла лицо и показала мужчинам свой язычок. Потом выбежала вон из комнаты.

– Шайтан-девка! – взревел Мустафа, а Ирбис громко засмеялся. Гюльчек ему понравилась, и Мустафа разрешил им немного пообщаться во дворе.

7.

Склон горы, на котором стоял кишлак Тамрачи, не был крутым, но, все равно, дома располагались друг над другом. Небольшие дворики, окруженные каменными заборчиками (дувалами), занимали относительно ровную поверхность земли, и со стороны казалось, что гора в этом месте покрыта широкими ступенями лестницы.

В каждом дворе, кроме дома стояли хозяйственные постройки, в которых содержался немногочисленный скот. Здесь были коровы, ишаки, козы и домашняя птица. В селении было пять лошадей и три быка.

Через весь кишлак бежал горный ручей и снабжал жителей Тамрачи питьевой водой. От него отходили небольшие арыки, которые использовались в основном для полива огородов, отчего ручей часто пересыхал. Но сейчас стояла осень, и ручей был полным, как в дни весеннего таяния снегов.

Высоко в горах находились пастбища для скота, где дежурили пастухи. Дежурили они посменно, сами готовили сыр, масло и творог. Когда смена заканчивалась, пастухи вместе со стадом спускались к селу, а там их встречала другая смена пастухов.

На более широких площадках гор жители Тамрачи сеяли рожь, овес и другие суровые злаки. Там же они заготавливали скудные запасы сена. А в далеких лесах охотники добывали горных козлов аргали и уларов, которых было великое множество.

Село от вторжения недобрых людей защищал отряд самообороны. В принципе, каждый мужчина, способный держать ружье в руках, мог постоять за свою землю. Руководил отрядом ополчения кузнец Юсуф, у которого погиб сын, и он по праву считал себя командиром. На сторожевой вышке постоянно находился дозорный, в обязанности которого входило предупреждать сельчан об опасности.

Племя каттаганов к войне в стране относилось прагматично. Не трогайте нас, и мы вас не тронем. Все боевые действия происходили в стороне селения Тамрачи и пока не задевали этнических узбеков. И расположение кишлака в труднодоступном месте тоже играло определенную роль в судьбе его жителей.

Относительно вероисповедания, то здесь ситуация для Ирбиса была положительной. Фанатичных приверженцев пророка Магомета в селе не было, и женщины здесь не носили чадры, лишь слегка прикрывали лица при встрече с мужчинами. Но молились в селе, как и положено, пять раз в сутки, и это было обязательным ритуалом для каждого правоверного мусульманина.

И вот, по поводу веры у Ирбиса и Мустафы возник разговор.

– Тебе пора принять ислам! – говорил охотник.

– Я не понимаю вашей религии! – отвечал Ирбис, хотя в душе соглашался с тем, что ему нужно определиться с верой.

Он жил в кишлаке уже больше месяца и видел, как его жители живут здесь в соответствии с религией мусульман. Они никуда не спешили, свою работу делали обстоятельно и доводили ее до конца. Не было в их поведении суеты, как у жителей равнины. Люди селения Тамрачи по существу были добродушными и гостеприимными сельчанами. И они нравились Ирбису своей неприхотливостью и некой гордостью, присущей только жителям этих гор. Главное, племя каттаганов чувствовало себя независимым от какого-либо влияния и не признавало давления на свои убеждения.

– Ты не думай, что мы – ярые мусульмане. Из всех жителей страны, мы, пожалуй, самые терпимые к неправовверным. В других районах пуштуны тебя бы давно зарезали как барана. А здесь, у нас в кишлаке, спокойно. Ты пойми, Гульчек не может выйти замуж за не мусульманина. Что тебе стоит произнести слова: «Нет Бога, кроме Аллаха, а Магомет – пророк его»?

– Я могу сказать такие слова.

– Вот и хорошо! Пойдем к мулле.

Ирбис чувствовал, что назревает что-то важное в его жизни. Что он знал о своем прошлом? Практически, ничего! Хоть он и находился в обществе, но ощущение одиночества не покидало его. А ему хотелось стать своим среди людей, принявших его в свой дом. Может вера в Аллаха поможет обрести покой?

Мулла Сафар жил в самом высоком каменном доме селения. Жителям Тамрачи, конечно, хотелось бы иметь собственную мечеть и совершать совместный намаз под сводами красивых куполов, но средств на постройку храма у них не было. Поэтому, все главные молитвы праздников проходили в доме муллы, когда муэдзин, поднявшись на крышу, возвещал о начале намаза.

Сафар вместе со старостой Максудом-ага сидели на веранде внутреннего дворика и вели беседу.

– Приветствую вас, почтенные! – обратился к ним Мустафа и по традиции пожал обеим руки. – Мой друг Ирбис желает обратиться в нашу веру и просит вашего разрешения на проведения обряда.

– Так ли это? – удивился староста, а мулла добавил:

– На обрезание он тоже согласен?

Ирбис, который стоял рядом, вопроса не понял, но Мустафа ответил за него утвердительно.

– Хорошо! – сказал Сафар, – Сегодня соберу народ, и пусть твой друг провозгласит всему миру о своем решении.

После мулла на правах хозяина угостил гостей зеленым чаем и стал расспрашивать их о знаменитой охоте в лесах Гиндукуша. Почетные люди селения Тамрачи Максуд-ага и мулла Сафар удивлялись смелости и находчивости Ирбиса и выражали свое восхищение громкими возгласами.

– Дауд-хан обещал на днях приехать в наш кишлак, – заметил староста.

– Вот как! – обрадовался Мустафа. – Пусть удача сопутствует ему во всем!

– Говорят, он купил у вас шкуру барса? Не продадите мне детеныша ирбиса? Готов заплатить за него золотом!

Мустафа переглянулся с Ирбисом.

– Мои младшие братья полюбили Сарыка, так они назвали детеныша. И им будет жаль расстаться с ним.

– Могу предложить за него каждому из твоих братьев новое охотничье ружье. А тебе, Мустафа, я подарю настоящий карабин с оптическим прицелом.

– Уважаемый Максуд-ага, карабин нужен не только мне! В охоте принимал участие мой друг Мехмет.

Максуд-ага на мгновение задумался.

– Хорошо! – сказал он. – Мехмет тоже получит винтовку с оптикой.

Братья Мустафы и его сын Самир не хотели терять барсика по имени Сарык, но ружья, обещанные старостой, возводили их в ранг настоящих охотников. А по такому случаю, горевать о какой-то дикой кошке им не было нужды.

8.

На молитву мулла собрал народ на своем дворе. Вечерний намаз проходил в торжественной обстановке, и каждый мусульманин знал, что сегодня должно случиться обращение неправоверного человека в истинную веру.

Ирбис стоял чуть в отдалении от народа и медитировал. Сейчас, когда он ощущал себя чужим в этом мире, ему очень хотелось обрести родных людей, почувствовать тепло родственных отношений, и, самое главное, успокоиться. Он понимал, что в его жизни наступил ответственный момент, после которого он будет принят этим народом и станет одним из них. Он хотел находиться в обществе равноправным его членом и готов был принять ислам.

– Ирбис, подойди! – услышал он голос муллы.

Он вышел на середину двора и встал на колени на молитвенном коврике перед народом.

– Повторяй за мной трижды: «Нет Бога, кроме Аллаха, а Магомет – пророк его»!

Ирбис повторил все сказанные ему слова и услышал гул одобрения. Потом к нему подходили мужчины и поздравляли его, одаривали мелкими подарками и искренне радовались за него.

Кто-то спросил:

– А когда обрезание он будет делать?

На что мулла Сафар мудро заметил:

– Еще великий имам Абу Ханиф заметил, что обрезание крайней

плоти желательно, но не обязательно. В Коране об инициации обрезания ничего не сказано. И пусть этот процесс останется на совести Ирбиса. Главное – он пришел к нам! Хвала Аллаху!

– Хвала Аллаху!

Мустафа устроил в честь новообращенного праздничный ужин. Он пригласил в свой дом почетных людей селения и угостил их на славу. Все гости расселись во дворе на циновках и с удовольствием ели плов и шашлык из баранины. Очень понравился им шашми-кебаб из рубленого мяса с яйцом и овощами. Даже обыкновенный картофф-мумулай (жареная картошка), приготовленный руками Гюльчек тоже получил одобрение.

После десерта из сладкого йогурта и дынь, гости стали пить чай, а Мустафа рассказал всем, что впервые в жизни видел, как барана режут не по-узбекски.

– Ирбис в одиночку повалил барана на землю, сел на него и простым перочинным ножиком вспорол ему брюхо. Я кричу ему: «Кровь не брызгай по двору!», а он смеется. Потом вижу, как Ирбис погрузил руку в распоротый живот барана и что-то там оторвал. Шкуру он снял не по-нашему, кулаком и ни единой капли крови не пролил.

– Видел я однажды, как монголы режут барана! – сказал староста Максуд-ага. – Сдается мне, что Ирбис из их племени.

С разрешения Мустафы, Ирбис и Гюльчек зашли за дом и стали разговаривать.

– У тебя действительно не было девушки? – спросила Гюльчек. – Может ты забыл?

– Девушку я бы запомнил, но ее нет в моей памяти! – ответил Ирбис.

– А я красивая?

– Слов нет. Мне трудно выразить свое восхищение, но я учусь говорить.

– А там, откуда ты приехал, горы такие же?

– Там растет тайга. Деревьев столько много, что можно дровами обеспечить все ваше село на много лет.

– Удивительно!

Вот так, мило общаясь, Ирбис и Гюльчек понимали, что впереди их ждет свадьба. Оставалось ему найти названных мать и отца, чтобы по правилам просить руку девушки.

Кузнец Юсуф предложил Ирбису поработать в кузнице помощником. Он-то и вызвался стать названным отцом жениха. А вскоре все люди селения Тамрачи узнали, что Ирбис хорошо играет на гитаре.

У кузнеца в доме находилось много музыкальных инструментов. Кроме дойры (барабана), здесь были зурна и корнай. От сына Омара осталась шестиструнная гитара, которая висела на стене, как память. Когда Юсуф пригласил Ирбиса в дом, тот не удержался и потрогал гитарные струны.

– Играть умеешь? – спросил кузнец и снял гитару со стены. – Ну-ка, попробуй!

Ирбис неуверенно взял первый аккорд, а потом руки сами вспомнили гитарную технику, и пальцы забегали по грифу инструмента самостоятельно.

– Надо настроить гитару, – сказал Ирбис и стал крутить колки.

Юсуф в изумлении сел на топчан и недоверчиво покачал головой. Парень, которого он взял в помощники играл на гитаре как профессиональный музыкант. Да к тому же что-то напевал на незнакомом языке. Потом Ирбис взял в руки продолговатый в виде трубочки инструмент с отверстиями для аппликатуры и дунул в него. Послышался нежный, похожий на флейту, звук.

Юсуф был окончательно сражен.

Он быстро созвал соседей в свой дом и устроил им небольшой концерт, сопровождая Ирбиса ритмом дойры. А парень пел. С каждой минутой голос его раскрывался и становился более уверенным. Исчезла хрипота, которая донимала его с тех пор, как Ирбис простудился. Голос словно звенел и был таким чистым, что зрители в восторге только ахали и разводили руками.

И тут они услышали совершенно им непонятное. Парень откашлялся и выдал горлом что-то фантастическое, от которого мурашки поползли по спине. Ирбис перешел на сыгыт.

Когда-то у себя на родине он взял несколько уроков горлового пения у самого Конгар-оола. Маститый хоомейжи обратил внимание на старательного юношу и с радостью поделился с ним секретами своего мастерства. И вот теперь он покоряет своим хоомеем жителей кишлака.

Гюльчек тоже присутствовала на концерте, только стояла в другой комнате. Она слушала Ирбиса, и сердце ее радостно билось в груди.

«Какой он хороший! – думала она. – И красивый!»

За то время общения с Ирбисом (а прошло уже два месяца с тех пор, как парень появился в селении), она окончательно влюбилась в него. При виде любимого она не чувствовала своих ног, и порхала как бабочка. Даже хромота куда-то исчезала. Чудеса! И как ей нравилась его выросшая борода, нежная и шелковистая, в природных завитушках.

– Выйди к людям и спой вместе с Ирбисом! – потребовал Мустафа.

Гюльчек закрыла лицо накидкой (химар) и вышла к остальным зрителям. Жители кишлака музыку любили и встретили появление девушки с восторгом. Они знали, какой у нее голос.

Ирбис подстроил гитару и заиграл вступление. Гюльчек запела народную песню, где были простые слова о любви к родной земле. Красивая и немного грустная мелодия завораживала зрителей. Многие присутствующие в доме Юсуфа знали эту песню и зажмурили глаза, чтобы слезы-предатели не потекли из глаз. Неожиданно, вторым голосом запел сам Ирбис. Пел он на узбекском языке, и слова его были понятны народу.

Целый месяц он в тайне разучивал с Гюльчек слова этой песни, готовился удивить жителей села, и у него получилось.

С этого дня односельчане стали считать Ирбиса своим человеком.

9.

Шло время.

В селении Тамрачи текла равномерная жизнь, и жители кишлака никуда не спешили. А куда спешить зимой, когда все горные перевалы закрыты большими снегами? Печи в домах топили заранее приготовленным кизяком и хворостом. С дровами в Тамрачи были проблемы. Только зажиточные люди могли позволить себе отапливать свой дом настоящими поленьями редких здесь деревьев.

А в кузнице Юсуф пользовался привезенным углем. Каждую неделю из Чери-Дашт караван груженных ишаков пробирался сквозь снега по одной оставшейся проходимой тропе и доставлял в кишлак продукты в местный магазин и дефицитный уголь. Только привезенным углем можно было растопить плавильную печь до определенной температуры и ковать железо. Остальные жители Тамрачи уголь не уважали, так как дым от него пахнул скверно, словно сам шайтан пускал ветры.

Подмастерье Ирбис уже справлялся с любой кузнечной работой. Каждодневный физический труд укрепил его тело, в котором появилась некая коренастость. Он стал прочным не только физически, но и духовно. Былое чувство одиночества и потерянности исчезло. Теперь он свободно владел языком и легко вступал в разговор с жителями, как равный им собеседник.

Нашлась для него и названная мать. Это была жена Максуда-ага по имени Зайнаб, добрая, отзывчивая женщина, которая благосклонно относилась к Ирбису.

Юсуф-кузнец и Зайнаб договорились, что в конце этой недели пойдут в дом Мустафы и официально попросят для Ирбиса руки Гюльчек.

И день прощения наступил.

Нарядный Ирбис шел вместе с названными родителями от дома кузнеца и в хурджунах нес подарки для родственников невесты. По дороге к дому Мустафы их радостно приветствовали жители кишлака, но в церемонии прощения они не участвовали. Сельчане знали, что их потом обязательно пригласят на свадьбу.

Во дворе процессию встречали младшие братья Мустафы и его сын Самир. Сам хозяин вместе с матерью и женой Заной находились в большой комнате. Здесь же были самые близкие родственники Мустафы и его друг Мехмет. Они сидели перед достарханом на толстых коврах, а в соседней комнате волновалась Гюльчек.

Гости вошли.

– Да пребудет вечный мир и благополучие в этом доме! – начал

Юсуф-кузнец.

– Да будут славны хозяева в нем! – поддержала Зайнаб.

Она была смешливой женщиной и боялась рассмеяться в присутствии родственников невесты. Голос ее дрожал. Кузнец тоже волновался. В такой церемонии он участвовал впервые, а ведь мог просить руку невесты для своего погибшего сына Омара.

Названные родители Ирбиса еще долго нахваливали жилище будущих сватов, а когда те предложили им сесть за достархан, повели разговор о главном.

– Говорят в народе, что у вас скрывается гурия! – заявила Зайнаб.

– А у нас есть пехлеван, который могуч как дуб и красив как снежный барс. Мы же хотим соединить эти две души в семейный союз, и спрашиваем хозяев, что вы хотите за свою гурию?

Начался шуточный торг. Мустафа говорил, что гурия бесценна, и больших денег, чтоб выкупить невесту, у сватов нет. Юсуф, якобы в негодовании, стал швырять на пол монеты, демонстрируя презрение к деньгам. Зайнаб достала из хурджунов подарки: отрезы парчи и шелка, зеркала и расчески, бусы и косметику, и подала все это Зане и старой матери Мустафы. Юсуф же одаривал мужчин небольшими хозяйственными инструментами, а старшему брату невесты подарил кинжал собственной работы.

Наконец, хозяин дома дал согласие, и Гюльчек вывели к гостям. Одетая в зеленое платье, с закрытым накидкой лицом, она склонила голову и встала рядом с Ирбисом.

– Будь моей женой! – сказал парень.

– Я согласна! – ответила девушка.

А дальше пошло веселье. Мужчины сели за достархан и стали закусывать. Женщины ушли в другую комнату и там продолжили беседу.

Гюльчек и Ирбис остались одни. Только теперь он осмелился прикоснуться к руке девушки и надеть на ее палец золотое кольцо. В ответ Гюльчек надела на его безымянный палец другое кольцо.

– Вот мы и обручились!

Свадьбу решили сыграть в начале января.

10.

Весна в этом году пришла ранняя.

Снег, что лежал на перевале, съезжился и местами стал таять. Мальчишки селения Тамрачи осмелели и стали делать дальние заходы в горы. Они не охотились, а просто уходили гурьбой от кишлака, разминая ноги от долгого зимнего безделья. В таких походах принимал участие и сын Мустафы Самир.

Однажды ватага мальчишек наткнулась на замерзшего в горах человека. Он лежал вдали от горной тропы, и поэтому караванчики, что везли товары и уголь, не могли заметить его по пути следования.

Мальчишки рассказали взрослым о своей страшной находке, и

группа охотников отправилась на то место, где лежал труп. Нашли его через 10 километров от селения. Он был наполовину вмерзшим в лед и обглодан гиенами. Документов при нем не было, только – небольшой армейский рюкзак, в котором лежало золото. Вернее, это были золотые украшения: кольца, перстни, сережки и кулоны. Драгоценностей было килограмм пять-шесть, и охотники подумали, что перед ними лежит обыкновенный вор, который сбежал с краденным золотом в горы и там замерз. Время было военное, и мародеры встречались в стране повсеместно.

Но делать было нечего, и труп пришлось на месте закопать в землю. А золото охотники понесли в селение, чтоб отдать его старосте. Пусть сам решает, что с ним делать. По дороге домой они удачно наткнулись на большое стадо уларов и подстрелили несколько птиц. Вот дома родные обрадуются неожиданной дичи.

Максуд-ага флегматично смотрел на ювелирные украшения и думал:

«Вот и закончилась спокойная жизнь в кишлаке. Наверняка, за этим золотом придут другие люди и, пока не перевернут здесь все верх дном, не успокоятся. Даже если отдать это золото им, неприятности не исчезнут. О-хо-хо! Пришла беда...»

Староста был мудрым человеком и понимал, какая опасность грозила всему селению. Надо было готовиться к любым неожиданностям. Он пригласил Юсуфа-кузнеца для разговора.

– Снова осмотри свое ополчение! – говорил он. – Мне кажется, за зиму группа самообороны немного расслабилась. Отныне возобнови учения. Проводи стрельбы по мишеням, и пусть пехлеваны не забывают борьбу. Сам знаешь, что надвигается.

Юсуф был с ним согласен. Первым делом он поднял сторожевую вышку еще на три метра вверх и укрепил ее дефицитными бревнами. Изменил систему подачи сигнала тревоги. Если раньше сигнальщик звенел в медный колокол, то теперь должен разжигать дымный костер в момент опасности. Вдобавок, кузнец приспособил на вышке старую mortarную пушку времен позапрошлого века. Пальба из этого орудия будет слышна далеко в горах, и многие пастухи и охотники непременно услышат ее.

На улицах кишлака снег уже растаял и земля подсохла. В центре селения лежала небольшая пустошь, удобная для народных сборищ, где жители Тамрачи проводили праздничные гуляния. Здесь Юсуф распорядился организовать ежедневные борцовские тренировки. Юные и зрелые пехлеваны азартно состязались в борьбе. Как и все жители гор, борьбу здесь любили.

Недалеко в горах тренировались снайперы. Каждый ополченец имел свое ружье или карабин. Патронов, правда, было маловато, но чтоб вспомнить былую сноровку, хватало каждому не больше пяти выстрелов. В мишень попадали все стрелки.

Командиру ополчения хотелось укрепить забор вокруг кишлака,

подправить каменную кладку, и добровольцы стали заниматься фортификацией Тамрачи. Постепенно это горное селение становилось неприступным для врагов.

И вот, наступил день, когда в селение со своим караваном из лошадей и ишаков прибыл Дауд-хан. Он был явно напуган, и первым делом встретился с Максудом-ага.

– На Чери-Дашт напала банда, – сказал он. – Вырезали половину селения. Мне и моим людям удалось скрыться. Бандиты пограбили мои склады, а так же многие другие хозяйства. Говорят, искали какое-то золото, которое у них украли. Свирепые очень!

Староста позвал муллу и кузнеца.

– Готовьтесь! Скоро гости придут к нам.

В селение с горных пастбищ согнали весь скот и привезли все сено, что хранилось в заимках. Женщины наполняли кувшины из ручья про запас и понимали, что этот источник воды враги могут запросто перекрыть, изменив русло горного потока.

Готовился встретить врагов и Ирбис.

11.

Его жена Гюльчек была беременна на пятом месяце, но, как все горные женщины, переносила свое состояние спокойно, без жалоб. Много времени она проводила вместе с матерью за тканьем узбекского ковра и вела дела по хозяйству. Готовила пищу на всю семью, чинила одежду младших братьев и отправляла их на учебу к мулле.

Муж Ирбис трудился в кузнице Юсуфа.

В последнее время он увлекся радиотехникой и просил караванчиков привозить ему батарейки для переносного радиоприемника. Так же он снабдил свою семью и родственников электрическими фонариками, потому что они освещали лучше, чем обыкновенные масляные лампы. Еще в начале зимы Ирбис заказал Дауд-хану переносной генератор тока, работающий на керосине. Такие генераторы были еще в нескольких семьях кишлака. И когда генератор привезли, Ирбис провел освещение в дом. Но не это радовало его. Главное было то, что он стал слушать новости по радио. В основном приемник ловил радиоволны из Пакистана и Китая. Но были редкие дни, когда передачи из Советского Союза принимались без помех. В такие моменты Ирбис замирал, сидя в наушниках, и слушал знакомые русские слова. Он давно догадался, что был родом из СССР, но как он оказался здесь, в далеком селении Тамрачи, и почему оно стало для него Родиной, понять не мог.

Дауд-хан намекал, что может достать японский телевизор, но Ирбис понимал, что в горах для него нужна мощная антенна, и поэтому приобретать ТВ-приемник не спешил. Обрадовался он тогда, когда Дауд-хан отправил ему две немецкие переговорные рации, которые действовали на полтора километра. Юсуф сразу приспособил их для переговоров с наблюдательным пунктом.

В середине мая на кишлак напали.

Бандитов было полторы сотни человек, и они подходили к Тамрачи с двух сторон. Вооруженные автоматами и гранатометами, они представляли серьезную угрозу для ополченцев, имеющих на руках только охотничьи ружья и карабины. Лишь Мустафа и его друг Мехмет имели автоматы Калашникова.

Дозорные давно известили о приближении неприятеля, и когда нападавшие увидели дым на вышке, пошли уже не таясь.

Группа ополченцев залегла за каменным забором и ждала приказа «открыть огонь». Ирбис сидел в засаде на южной стороне кишлака и смотрел на врага в бинокль. Он ждал сигнала командира, но Юсуф медлил. Кузнец думал, что перед боем положено вступить с неприятелем в переговоры и, если получится, обойтись без жертв.

К бандитам вышел сам мулла Сафар.

Ирбис видел, как старик смело приблизился к кучке незнакомцев и стал что-то им говорить. Ему отвечал мужчина средних лет с чалмой на голове, одетый в военный китель. Возможно, это был главарь, так как он рукой указал на муллу и что-то крикнул. Раздался выстрел, и Сафар упал на камни. И тогда Юсуф скомандовал:

– Огонь!

Ружейный залп в полсотни стволов потряс горные вершины. Оглушительное эхо вихрем пронеслось по пикам и ущельям Гиндукуша и вернулось обратно. Нападавшие не ожидали такого мощного отпора и залегли за камни. Началась перестрелка.

Ирбис стрелял наверняка. Каждый его выстрел нес смерть бандиту, но погибали и защитники кишлака. И тогда нападавшие стали стрелять из гранатометов. Они вели огонь по домам, разрушая и поджигая постройки.

Главарь в военном кителе умело руководил боем из засады, и Ирбис никак не мог подловить его на прицел карабина. Рядом вскрикнул раненый сосед Бахтиор, а потом другая пуля чиркнула по плечу Мехмета.

«Снайпер стреляет!» – догадался Ирбис.

Он стал через оптику высматривать стрелка и вскоре нашел его. Бандит засел за двумя валунами, и вел прицельный огонь, как из амбразуры. Видна была лишь часть его винтовки. Но и этой части хватило Ирбису, чтоб рассчитать свой выстрел наверняка. Он нажал на спусковой крючок и мысленно представил, как его пуля влетает в дуло чужого оружия и разрывает затворную часть оптической винтовки. Снайпер от боли выскочил из укрытия, и другой ополченец добил его. Изумленный главарь неосторожно высунулся из-за укрытия, и тут Ирбис подловил его.

Через некоторое время бой стал стихать. Бандиты без главаря отступили и вскоре исчезли совсем.

Плач стоял над селением Тамрачи. В кишлаке погибло одиннад-

цать мужчин и восемь женщин. А нападавших, что остались лежать в горах, было гораздо больше.

Трупы своих и врагов похоронили в разных местах далеко от селения в тот же день, и стали разбирать завалы разрушенных домов. Дом Мустафы тоже пострадал от взрыва гранаты, но в оставшихся комнатах жить было можно.

Зайнаб и еще одна женщина по имени Фатима, учившаяся когда-то в Кундузе на медика, лечили раненых. Они пользовались лекарственными травами, делали отвар и поили им больных. Раны перевязывали бинтами, предварительно обработав их йодом. Других медикаментов в селении не было.

Пулю из бедра Бахтиора кузнец Юсуф вытаскивал своими клещами.

12.

Снежная буря больше не возвращалась, и рассказ охотника Балчыра продолжался. Старик не уставал, лишь несколько раз отпивал из ковшика воды и курил свои папиросы. Казалось, что в своем повествовании Балчыр вновь переживает судьбу своего сына.

– Роберт у меня был умный! – гордился охотник. – Это он сумел построить маленькую гидростанцию у себя в кишлаке. Представляешь? Простой тувинский парень в далеком Афганистане провел жителям свет. Хотя он на инженера не учился!

Я с трудом переваривал это известие. Соорудить электростанцию на горном ручье, было из области фантастики.

– Одного понять до сих пор не могу! – Балчыр вновь закурил папиросу.

– Как он сумел так быстро стать своим человеком в горном кишлаке? Знаю, он и раньше был коммуникабельным, легко вступал с незнакомыми людьми в контакт. Только это были наши люди. А там – незнакомый народ.

– Человек всегда стремится к обществу, – философски заметил я.

Мы немного помолчали, прислушиваясь к наступившей тишине в горах. К этому времени я сварил тувинский чай с молоком. Замороженное круглыми дисками молоко в целлофановом пакете висело в сенях избушки под потолком, чтоб любопытные зверушки, а тем более собака Балчыра, не могли им полакомиться без спроса. Балчыр, обжигая пальцы, с удовольствием пил тувинский чай из алюминиевой кружки. Раньше в его заимке были фарфоровые чашки, но со временем они потерялись или разбились. Год назад при мне директор училища случайно уронил последнюю целую чашку на пол, которая не разбилась, а просто треснула. Потом он клятвенно обещал Балчыру, что привезет ему к следующему охотничьему сезону большой набор чайной посуды. Видно до сих пор везет.

Охотничий пес Туран запросился на улицу. Я выпустил собаку и глянул на тайгу. Заснеженные ели стояли в тихом безмолвии, а на них спускалась вечерняя мгла.

- Не устал слушать старого болтуна? – спросил Балчыр.
- Готов слушать дальше!

В августе Гюльчек родила сына. Ирбис на радостях устроил дой. Он созвал во двор почти весь кишлак и угощал народ вкусной едой и питьем. Гости радовались рождению нового человека и одаривали его подарками. Даже оказавшийся здесь в кишлаке в этот день Дауд-хан, преподнес Ирбису в подарок автомат Калашникова. Новоиспеченный отец расстрелял на радостях целый рожок патронов.

Сыну дали имя Батыр.

Вечером Дауд-хан отвел Ирбиса в сторону и сказал:

- Моджахеды взяли Кундуз. Они казнили тех людей, кто помогал шурави. Возможно, их отряды пойдут в горы на поиски врагов, и я не думаю, что тебя они оставят в живых. Иди ко мне на службу в мое ополчение, и сохранишь свою жизнь.

- Мне надо посоветоваться с женой.

- А зачем брать совет у женщины? Забирай ее вместе с сыном, и переезжайте ко мне. В Чери-Дашт дома уже отстроили. Найдем и тебе хороший дом. Соглашайся. Караван завтра отправляется обратно.

Мустафа не удерживал Ирбиса. Понимал, что быть рядом с сильным человеком выгодно. Мехмет тоже не пытался остановить друга. Юсуф-кузнец сказал:

- Отправляйся вместе с Даудом. Возможно, при нем ты выживешь. Но свой кишлак не забывай. Здесь твой настоящий дом.

На следующий день утром рано семья Ирбиса отправилась вместе с караваном в Чери-Дашт. Дауд-хан был верхом на коне, а Ирбис с женой и сыном, и три охранника – на ишаках. Оставшиеся без груза остальные животные шли порожними. Весь домашний скарб Ирбиса помещался в двух больших хурджунах.

- Хорошего коня тебе надо купить, – сказал Дауд-хан. – Денег накопил, надеюсь?

- Достаточно. Только в горах конь неудобен. Лучше взять ишака.

- Мы спускаемся с гор. В Чери-Дашт склоны не такие крутые. А в низине лошади гораздо сподручней.

Караван ходил между селениями Чери-Дашт и Тамрачи раз в неделю. По дороге он заходил еще в три горных кишлака, где народу было поменьше. Так поддерживалась связь селений друг с другом. Люди всегда знали, что происходит в мире, и интересовались происходящим вокруг них.

Сам Дауд-хан имел торговую базу в Чери-Дашт, а товары закупал в городе Кундуз. Этот город до недавнего времени находился под властью просоветской Армии Афганистана. Только в начале августа моджахеды захватили Кундуз и установили в нем свои порядки. Возобновили суд шариата, и многих несогласных казнили. Мелкие отряды озверелых моджахедов рыскали по горам и искали недобитых врагов. Вместе с ними в горах орудовали настоящие разбойники. Грабежи и насилие вернулись в провинцию Кундуз. Некогда кра-

сивый город, в котором трудился мастеровой народ, пришел в упадок. Несколько многоэтажных домов в нем сгорели, был разрушен культурный центр с кинотеатром и выставочными залами. Многие крупные магазины были разграблены. Моджахеды делали все, чтоб запугать мирный народ.

В такие дни бизнес Дауд-хана мог развалиться. Теперь он сам лично сопровождал свои караваны, договаривался с новыми властями, и делал все возможное, чтоб держаться на плаву. Ему нужны были преданные люди, которые могли бы защитить его самого и весь капитал. Поэтому он привлек на свою сторону Ирбиса.

Семья Ирбиса поселилась в небольшом доме селения Чери-Дашт, рядом с двором Алибека, дяди Мустафы. Сам Алибек пришел приветствовать свою племянницу Гюльчек и поздороваться с Ирбисом.

– Рад видеть вас в добром здравии, соседи! Ой, в нехорошее время вы прибыли к нам. Да, ладно! Аллах не оставит нас в беде!

Он долго расспрашивал их о родственниках в Тамрачи, интересовался, как идут дела у Ирбиса и был рад его успехам.

– Однако, быстро ты освоил наш язык. Говоришь почти без акцента, и совсем стал похож на узбека. Молодец! Ну, обживайтесь, привыкайте к новому дому, соседи.

Дом, в котором поселились Ирбис с женой и сыном был восстановленным. Прежние хозяева убежали в долину от разбойников, оставив здесь свое хозяйство и скот. Но разбойники разграбили дом, порезали всех коз и баранов, а в завершении своего злодейства подожгли жилище.

Дауд-хан дом восстановил, поправил надворные постройки, дувал, и даже расчистил колодец. Он, не скупясь, заплатил работникам, и лишь тогда пригласил Ирбиса. Знал, что расходы окупятся.

И Ирбис стал работать на Дауд-хана.

13.

Гюльчек не скучала в новом доме.

Батыр уже стал вставать на ноги, и хлопот прибавилось. Малыш был непоседливым. Постоянно пытался уползти от матери и смеялся, когда его находили. Жена дяди Алибека тетья Зухра помогала Гюльчек в воспитании Батыра, лечила его народными средствами, когда малыш простужался, и учила молодую мать уму-разуму. Зухра считала себя покровительницей сына Ирбиса, и была горда своими обязанностями.

Гюльчек соглашалась с тетей и была рада ее помощи.

Ирбис уже несколько раз ходил с караваном Дауд-хана и однажды был ранен в стычке с разбойниками. Вот тогда-то Гюльчек поняла, какая опасная служба у мужа.

– Я боюсь за тебя! – говорила она ему. – Может, не будешь работать на Дауд-хана? Здесь есть неплохая кузница, где тебя с радостью примут кузнецом.

– Глупенькая ты моя женушка! Ну, какая кузница? Мы обязаны Дауд-хану многим. Даже домом, в котором живем. Не переживай. Вот поправлюсь и буду еще осторожней в горах. Недаром меня зовут Ирбис.

Дауд-хан в эти дни был мрачен. Обстановка в провинции ухудшалась. Моджахеды над Кундузом сбили из ПЗРК «Стрела-2М» транспортный самолет «Ил-76». Советские войска уже предпринимали несколько попыток выбить противника из города, но сопротивление моджахедов было упорным, и русские отступали.

Что больше волновало Дауд-хана, так это жестокость военных по отношению к мирному населению. И моджахеды, и шурави уничтожали гражданских людей с равнодушием бездушного Молоха. В горах горели кишлаки, погибали жители селений.

Водить караваны по горам стало опасно. Мелкие бандитские группировки нападали на вереницы вьючных осликов и отбирали товар. Ирбис понимал, что большинство бандитов, это простые дехкане, которые из-за войны лишились всего. Голод бросал таких людей на преступления.

Однажды Ирбис встретился в горах с Мехметом.

Когда караван стоял на привале, кто-то выстрелил по нему из засады. Главный погонщик вскрикнул и упал на землю. Охрана каравана тут же укрылась за валунами и стала высматривать стрелявшего. Через оптику Ирбис увидел таившегося в камнях Мехмета и крикнул:

– Мехмет, не стреляй! Ирбис с тобою говорит!

После минутного молчания, Мехмет ответил:

– Сожгли моджахеды Тамрачи! Нет больше нашего кишлака!

– А Махмуд?

– Тоже погиб! Все погибли! Ты молодец, что раньше ушел от нас!

Ирбис видел через оптический прицел, как Мехмет расслабился и потерял осторожность. Вот он решил поменять свое положение тела (видно ноги затекли), и немного привстал. И тут пуля одного из охранников каравана снесла ему полголовы.

– Зачем? – в отчаянии выдохнул Ирбис.

Ему ответили лаконично:

– Бандит был! Бандита нет!

Ирбис предположил, что его друг Мехмет сошел с ума. Иначе как можно было объяснить то, чтобы охотник, добрейший парень из кишлака, стал на тропу грабежа и убийства. Но война сломала не только судьбу одного Мехмета.

Караван продолжил свой путь. Ведущий и охрана, несмотря на предупреждения Мехмета, пошли в сторону самого дальнего селения. Позже они видели руины кишлака Тамрачи. В живых чудом осталась только раненная в руку жена старосты Максуда. Увидев Ирбиса, Зайнаб расплакалась и рассказала страшную историю.

Вначале в селение вошли моджахеды. Они стали обыскивать каждый двор в поисках сочувствующих шурави. Ополчение во главе с Юсуфом вступило в бой.

– Наших было гораздо меньше, а бандитов больше сотни. Они забросали кишлак гранатами, а потом оставшихся в живых резали, как баранов. Кинжалом по горлу, ужас! Кто-то успел сбежать в горы, а я лежала возле ручья без сознания. Меня бандиты посчитали мертвой, так я и осталась живая.

Потом моджахеды ушли из кишлака. Кто живой остался, вернулись и похоронили убитых.

– Нас было 20 женщин и один старик по имени Сухроб. Он из узбекских таджиков, совсем старый и полуслепой. Да к тому же плохо слышал. Не успели мы похоронить близких, как пришли другие бандиты. На этот раз солдаты шурави. Они вошли в развалины кишлака и стали что-то спрашивать. У них был переводчик, который сказал: «Где мы прячем своих мужчин?»

Странно, но старик Сухроб догадался о вопросе. Он подошел к командиру шурави и палкой ударил его по лицу.

– И нас, 20 женщин и старика снова расстреляли. Меня ранили в руку, и я опять претворилась мертвой. Скажи, сынок, я счастливая?

У Ирбиса не было слов. Он, молча, обнял добрую женщину и вместе с ней всплакнул.

А дома малыш Батыр научился петь.

Гюльчек часто ему напевала народные песни, чтоб сын их запомнил. Теперь он мог часами, лежа в кровати, напевать запомнившиеся ему мелодии. Правда, говорить он еще не мог, но мотив воспроизводил правильно. Зухра удивлялась:

– Весь в родителей пошел, мальчик! Видно, великим певцом будет твой сын, Гюльчек!

Сама Гюльчек смеялась, но в сердце что-то тревожило ее.

14.

В Чери-Дашт Ирбис вернулся вместе с названной матерью Зайнаб. Гюльчек стойко перенесла известие о смерти своей матери и брата Мустафы. Она не плакала, лишь плотнее сжала губы и обняла жену старосты уничтоженного кишлака Тамрачи. Зухра лишь горестно вздыхала и вскидывала руки вверх, взывая о справедливости к Аллаху.

Дауд-хан решил заморозить свой бизнес.

– В Кундузе все склады с товарами опечатаны новой властью. Никому не отпускают продукты. Объявили военное положение. Народ стал голодать, и представители сознательных горожан стали просить Советские войска о помощи. Глупцы! Они еще надеются на возврат прошлой жизни!

Бизнесмен Дауд-хан решил все остатки товаров раздать бесплатно соседям, а деньги надежно спрятать в горах. Для этого в помощники

он выбрал только одного Ирбиса.

– Деньги, что лежат на моем счету в банке города Кундуз уже пропали! – говорил он. – Но у меня наличными осталось полтора миллиона афгани и несколько сотен тысяч долларов. Я знаю одно тихое место на юго-востоке, там и закопаем...

Они вышли на другой день. Чтоб не привлекать к себе внимания, Дауд-хан оделся попроще, и даже лошади не взял. Деньги вывозили на двух ишаках. Ирбис был вооружен винтовкой с оптическим прицелом и автоматом. Дауд-хан имел пистолет и немецкое охотничье ружье «Штуцер».

Шли долго, через перевалы, обходя подозрительные участки гор обходными тропами.

Под вечер они остановились в небольшом лесу, чтобы перекусить и немного отдохнуть. И тут к ним вышли пять грязных таджиков, вооруженных допотопными берданками.

– Кушать есть? – спросил один из них и помахал ружьем.

Другие незнакомцы держали оружие наготове. Ирбис не стал стрелять в бедных бродяг, но Дауд-хан открыл стрельбу из своей «Беретты». Четверо бродяг были убиты на месте, а пятый с воплями исчез в зарослях кустарника.

– Здесь друзей нет! – предупредил Дауд-хан Ирбиса.

Они быстро свернули лагерь и продолжили путь по горам.

Стояла поздняя осень. Иней покрывал шерсть вспотевших ишаков, которые безропотно шли за своими хозяевами. И сами люди тоже порядком устали. А горная тропа поднималась все круче вверх и была почти полностью присыпана снегом. Здесь ощущалась нехватка кислорода.

– Через три километра я покажу тебе мое тайное место, – сказал Дауд-хан. – Раньше я жил в этих местах, когда был совсем маленьким.

Ирбис невольно осмотрелся по сторонам.

Уже рассветало, и серое море утра постепенно исчезало. Везде были только горы, занесенные снегом.

– В этих местах уже давно никто не живет! – продолжил бизнесмен. – И так будет надежней. Никто не узнает о моем схроне.

Через час они вышли к небольшому плато, где были какие-то постройки из каменных плит. Похоже, здесь когда-то жили люди, но они давно покинули эти угрюмые места.

– Это мой дом! – дрогнувшим голосом произнес Дауд-хан.

Они разгрузили уставших ишаков и сварили чай. После завтрака люди обошли заброшенное хозяйство, и Дауд-хан сказал:

– Возможно, если война не закончится, я вернусь в эти места на постоянное жительство. Сбегу от мирской суеты, ведь здесь так спокойно.

В каменном сарае он решил спрятать свое богатство. Ирбис в углу киркой выкопал яму, и Дауд-хан сам закопал в ней свои мешки. По-

том хозяин неожиданно выхватил пистолет и направил его на Ирбиса.

– Клянись жизнью своего ребенка, что никому не выдашь моего тайника! – потребовал он.

Охотник догадывался, что финал этого мероприятия будет таким, но виду не подал.

– Клянусь! – выдохнул Ирбис.

Обратный путь они шли налегке.

Дауд-хан спрашивал Ирбиса:

– Скажи, батыр, как ты умудрился построить в своем кишлаке мини гидростанцию?

– Так ты сам мне привозил книжки по электромеханике. Помнишь? Главное, учебники были на русском языке. Как достал их, хозяин?

– В Кундузе в книжной лавке много чего было. Сейчас нет. Разворовали город бандиты.

– А потом ты привез сам лично мотор с ротором, тот самый, что я заказывал. А так же – электропровода и лампочки.

– Любопытно! Значит, любой дурак сумеет построить электростанцию?

– Любой. Только если это умный дурак!

– Ха-ха-ха!

А в Чери-Дашт уже хозяйничали моджахеды.

По наводке, они разграбили дом Дауда, но ничего ценного в нем не нашли. Потом бандиты пошли грабить другие хозяйства. По всему селению раздавались выстрелы и крики жителей.

В доме Алибека застрелили хозяина. Зухра в это время была у Гюльчек, и когда ей сказали о смерти Алибека, выскочила на улицу и напала на одного моджахеда. Бедную женщину закололи штыками.

Потом они вошли в соседний двор.

Гюльчек держала сына на руках и смотрела, как моджахеды переворачивали все верх дном. В одном сундуке они нашли все сбережения Ирбиса и очень обрадовались. Денег здесь было много.

Затем одному бандиту приглянулась сама хозяйка. Он отобрал у нее ребенка, швырнул его в кроватку, а сам потащил Гюльчек в соседнюю комнату, где изнасиловал ее. Зайнаб испуганно отсиживалась в пустом коровнике и подошла к Гюльчек, когда бандиты уже вышли из дома. Она нашла жену Ирбиса полуголой и без сознания. Слава Аллаху, девочка была живой! Так же живым был и ее сыночек.

Через час моджахеды покинули Чери-Дашт.

На этот раз в селении сгорело всего четыре двора. Дом Дауд-хана тоже превратился в головешки, так как хозяин при строительстве использовал дефицитное дерево.

В конце января Советская Армия проводила свою последнюю операцию в Афганистане. Операция называлась «Тайфун».

Нападение шло в трех провинциях: Парван, Баглан и Кундуз.

Захватившие Кундуз моджахеды увеличили свою численность пополнением боевиков из Пакистана. Они удержали город в своих руках и отбили наступление советских солдат. Разрозненные части шурави отступили к Кабулу, но отдельные роты напоследок прощались по горам.

Зима в этом году была холодной.

Ирбис ухаживал за больной Гюльчек и воспитывал сына. Его жена, после того случая, когда произошло нападение моджахедов, перестала говорить и все время сидела на полу, смотря немигающим взглядом в пустоту стен. Ничто не могло вывести ее из ступора. Зайнаб кормила Гюльчек практически с ложечки, обмывала ее и, как маленькую, укладывала спать.

Хвала Аллаху, что сын Батыр не получил никаких травм и увечий от моджахедов. Рос быстро, словно чувствовал, что ему нужно быстрее взрослеть. И это радовало Ирбиса.

Он остался без работы, так как Дауд-хан прекратил свои торговые дела. Продукты в доме кончались, и приближался голод. Запасы дров и кизяка тоже подходили к концу. Волей-неволей Ирбис стал уходить на охоту далеко в горы и старался принести в дом как можно больше дичи. Ему попадались горные козлы, и они спасали семью от голода. Но было трудно ходить по горам с мешками, полными мясом дичи.

Однажды на охотника, когда он промышлял в низине, напала стая волков. Звери окружили Ирбиса и разом набросились на человека. Звуки выстрелов из карабина не испугали хищников. Лишь когда в стае осталось в живых всего три волка, серые отступили. Но и Ирбис был серьезно покусан волками. К тому же уцелевшие волки утащили мясо аргали.

Охотник обработал раны йодом и пошел назад в Чери-Дашт.

В это время отряд бойцов Спецназа ГРУ тоже двигался по горам, отстав от своей части. Путь их лежал через селение, где жил Ирбис.

Вчера выпал большой снег и засыпал все дорожки селения Чери-Дашт. Но жители кишлака не спешили подметать улицы. Им уже сказали, что к селу приближается отряд шурави. За всю войну, что шла на территории Афганистана, советских солдат в Чери-Дашт видели всего два раза. Первый раз пять лет назад в небе над селением пролетели два боевых вертолета, напугав ревом моторов жителей кишлака. Потом небольшая группа дезертиров под покровом ночи прошла дальше в горы, прихватив по пути продукты питания из местного магазина. Благоприятное расположение кишлака вдали от

основных дорог и трубопровода оберегало жителей Чери-Дашт от контактов с советскими войсками. Но беда пришла сегодня.

Практически одновременно вошли в кишлак военные и охотник Ирбис. Только солдаты Советской Армии пришли с северной стороны, а охотник – с юга.

Командир шурави вызвал местного старосту и сказал ему через переводчика:

– Мне известно, что в вашем поселке скрываются наши беглые солдаты Советской Армии. Возможно, вы их удерживаете силой. Требую предоставить мне этих дезертиров немедленно, и тогда жители кишлака не пострадают!

Испуганный староста тряс редкой бородкой и уверял командира:

– Мы мирные узбеки и в войне не принимали участия. А пленных у нас нет!

– И моджахедов среди вас тоже нет? – съязвил шурави и дал рукой отмашку «Начинай!»

Пошла зачистка селения.

Гюльчек была беременна. Она чувствовала ребенка внутри себя, но этот ребенок был не от Ирбиса. Она знала от кого. Часто жуткий оскал насильника снился ей по ночам. Гюльчек даже запомнила его мерзкий запах гнилых зубов изо рта. А грязная борода бандита?

Она не могла признаться мужу, что позор ее еще не закончился. Целыми днями Гюльчек неподвижно лежала в постели или сидела на топчане и смотрела в угол. На вопросы Зайнаб она не отвечала, лишь качала головой и плакала. Как смыть позор с себя?

И тут она узнала, что в селение вошли солдаты. Гюльчек оделась и вышла на улицу. Зайнаб пыталась вернуть сумасшедшую женщину, но плач Батыра остановил ее.

Командир шурави в это время застрелил старосту из «Макарова» и удивленно смотрел, как какая-то «моджахедка» с безумными глазами шла прямо на него.

– В моем животе сидит ребенок от бандита! – кричала Гюльчек. – Застрели его, прошу! Убей этого ребенка, как ты убил старосту!

Переводчик быстро шептал что-то в ухо командиру.

– Как это? – удивился шурави. – Убить беременную женщину? Не положено!

– Стреляй!

Названная мать все рассказала Ирбису.

Охотник разобрал половицу и вытащил из схрона автомат. Он проверил патроны, поцеловал сына и вышел из дома. Еще издали он увидел свою жену, которая вцепилась в руку командира и что-то кричала ему. Потом шурави выстрелил, и Гюльчек медленно опустилась на землю.

«Гюльчек! Жена моя! Что ты наделала?»

В голове Ирбиса бушевал огонь. Он поднял автомат и прицелился

в убийцу своей жены. Другие солдаты заметили охотника и открыли опережающий огонь. Пришлось Ирбису залечь за дувалом. Он видел, как другие мужчины кишлака, вооруженные охотничьими ружьями, бегут к нему.

И в это время раздался взрыв. Кто-то выстрелил из гранатомета, и охотник на какое-то время оглох. Он чувствовал, как в голове толчками стала биться кровь. Что-то до боли знакомое всплывало из глубин его памяти. И прошлое неожиданно вернулось.

Когда кровавая пелена спала с глаз, Роберт услышал родные слова:

– ... твою мать! Духи окружают, командир!

– Сколько их?

– Около сотни!

Медленно солдат осознавал себя. Он вспомнил все!

Вспомнил свое настоящее имя, и то, что он солдат Советской Армии.

– Е-мое! – воскликнул Роберт, – А «духов-то» сколько!

16.

Память вернулась разом. Взрыв гранаты вызволил ее из забвения и мгновенно заполнил образами прошлой жизни разгоряченный мозг солдата. Он видел, как бородатые «душманы» стреляют в советских солдат. А «наши» ведут ответный огонь. Вот снова грохнул гранатомет.

Роберт медленно поднял свой автомат и направил ствол на ближайшего бородача.

– Ирбис, ты что? Стреляй в шурави!

Это был Дауд-хан.

И снова русский командир кричит:

– Радист, вызывай вертушку на хрен! Рота назад, в горы! Все равно без наших действий кишлак разнесут ракетами! Отступаем!

Русские быстро отходили за перевал.

Роберт мыслил как два разных человека. Ирбис хотел бы пристрелить радиста, чтобы тот не успел передать вертолетчикам координаты кишлака. А Роберт уже видел, как убивает Дауда, как очередью срезает сразу несколько «духов».

Вскоре солдаты исчезли в горах, и наступила пугающая тишина. Ирбис выпрямился и подошел к своей жене. Гюльчек лежала на спине, нелепо подвернув правую ногу под себя. Ее глаза смотрели в небо и словно спрашивали Аллаха: «Я уже в раю?»

«Как маленькая птичка! – подумал охотник. – Добрая, ласковая, любимая моя жена. Что же ты наделала? Почему бросилась на выстрел? Ты никогда уже не узнаешь, как звали твоего мужа на самом деле, и кем вырастет наш сын».

Подошел Дауд-хан.

– Непонятно, зачем она кричала шурави «стреляй в меня»? – сказал он.

Ирбис хмуро посмотрел на него и потребовал:

– Дауд, присмотри за моим сыном! Я пошел к русским. Надо остановить вертолеты.

– Как?

– Я попробую договориться, но ты на всякий случай выводите жителей из кишлака! Быстрее!

И Роберт–Ирбис пошел в сторону перевала.

Он торопливо поднимался по тропе, спешил остановить советских воинов. Вдруг он подумал, что солдаты застрелят его, если он выйдет к ним с автоматом. Ирбис размахнулся и выбросил свой АК в сторону. Потом охотник стал мыслить как Роберт. «А если у меня, как у моджахеда, под халатом будет шахидский пояс?»

Пришлось ему раздеться догола, оставив на себе лишь набедренную повязку. Он поднялся на перевал с поднятыми вверх руками.

Несмотря на выпавший снег, в горах было холодно. Солдаты стояли на тропе и ждали поддержки с воздуха.

– Не стреляйте! – обратился к ним Роберт. – Я – рядовой 54-ой дивизии 682-го мотострелкового полка Монгуш Роберт, года два назад был контужен и потерял память. Меня подобрала жителя этого кишлака, который вы хотите сжечь. Я уверяю вас, моджахедов у нас нет. Они простые узбеки и никогда не воевали против нашей армии. Остановите вертолеты от бомбардировки! Я прошу вас, свяжитесь с вертушками и остановите их.

– Как фамилия твоего командира? – спросил старший лейтенант, командир роты зачистки.

– Моего командира, полковника Морозова, звали Михаил Степанович.

Старший лейтенант долго смотрел на Роберта, а потом сказал:

– В прошлом году ваш батальон попал в засаду в Панджшерском ущелье и погиб. Я полковника Морозова знал лично.

– Прикажите остановить вертолеты!

Неожиданно в горах загудело, и в небе показались винтокрылые машины. Они пролетели низко над головами солдат и сходу атаковали Чери-Дашт.

– Поздно, рядовой! – сказал командир. – Операция началась.

И тут Роберт потерял сознание. Он до последнего момента держал себя в руках, чувствовал, как струны нервов натянулись до предела. Лишь желание спасти людей держало его в сознании. И когда вертолеты стали бомбить кишлак, упал в обморок. Сказались нервное напряжение и раны, полученные от схватки с волками.

– Накройте его, что ли! – приказал старший лейтенант. – А то замерзнет моджахед.

Вертолеты сделали два захода и улетели. Горное эхо долго гремело в горах, словно здесь бушевала гроза. От Чери-Дашт ничего не осталось. Жители, которые успели спастись, смотрели на руины и плакали. По существу, Ирбис спас их. Это по его даже не просьбе, а приказу Дауд-хан вывел население за пределы зоны поражения

ракетами. Сам Дауд-хан держал в руках Батыра и уже думал над восстановлением кишлака. Главное, чтобы жители поверили в него. В принципе, строить дома – хорошее занятие. Может отказаться от товарного бизнеса и уйти полностью в строительство?

Эту ночь жители кишлака ночевали возле большого костра и не замерзли. А утром пошли восстановительные работы. Все понимали, что без крыши над головой – смерть.

Первые дни питались общей кухней. Погибший домашний скот помогал всем выжить. Дома возводили быстро, а теплые ветры приносили радость приближающейся весны. Через две недели почти все жители кишлака Чери-Дашт вселились в новые дома. Пусть они были маленькими, неказистыми, но это были настоящие дома с печками, в которых горел живительный огонь.

Дауд-хан оставил Батыра жить в своем доме. Отныне он считал себя отцом ребенка Ирбиса.

17.

Охотник Балчыр замолчал надолго. Было видно, что он вспоминал что-то, и глаза его увлажнились. Он надел куртку и вышел из домика, позвав с собою собаку Турана.

Я поставил на печку кастрюлю с водой и собрался варить картошку. Хворост горел весело и давал столько жара, что вода закипела уже через пять минут. Когда картошка сварилась, я открыл банку с тушеным мясом и собрался всыпать его в кипяток. Тут вернулся Балчыр.

– Закинь в кастрюлю и грибы.

Он держал в руке связку сушеных грибов.

– Они хранились в бане возле печки. Я забыл о них, но тут случайно наткнулся. Сварим?

На поздний ужин мы поели настоящий грибной суп.

Сытые, мы лежали на топчанах, и Балчыр продолжил рассказ.

– В марте я получил телеграмму из военной части. Роберт лежал в госпитале, и его командование вызывало меня для беседы. Тогда я собрал с родственников достаточную сумму денег и вылетел самолетом из Кызыла. В те года наш аэропорт еще работал.

В Душанбе, куда прилетел Балчыр, в аэропорту его встретили военные. На армейском «УАЗике» его довели до больницы и привели в палату интенсивной терапии.

Лечащий врач сказал:

– У пациента была ретроградная амнезия. Когда больной вспомнил себя, у него развился психологический шок. Он очень эмоционально стал реагировать на офицеров, которые вели следствие по его делу. Покалечил одного капитана и двух майоров. Сейчас состояние больного стабильно тяжелое. Консилиум врачей рекомендовал мне связаться с родителями и пригласить их в госпиталь. Может свидание

с вами пойдет на пользу вашему сыну?

Роберт лежал на больничной койке, подключенный к разным медицинским аппаратам. Он выглядел бледным и худым. Его отсутствующий взгляд был направлен на белый потолок палаты.

Балчыр вошел вместе с врачом и сразу обратил внимание на то, что сын был пристегнут наручниками к кровати.

– А это обязательно был надевать? – спросил он.

– Пациент буйный, – ответил доктор. – С его характером можно оказаться совершенно в другой палате. Ну, вы понимаете?

Балчыр поставил на пол сумку с подарками и склонился над Робертом.

– Здравствуй сынок!

Больной моргнул глазами и посмотрел на отца. Минуту он не узнавал его, а потом вспомнил.

– Папа? – спросил он хриплым голосом. – Как ты постарел!

Врач посмотрел показания аппаратов и вышел из палаты.

Балчыр поцеловал сына в лоб, понюхал его волосы и присел на стул, что стоял возле кровати. Скупая мужская слеза катилась по его щеке.

– Не плач, папа, я живой!

И они стали говорить. Речь Роберта была заторможенной. Видно так действовали препараты, которыми его лечили. Балчыр обратил внимание на его подбородок, покрытый кровавыми коростами.

– У меня была борода, но офицеры вырвали ее с корнем. И сейчас, когда появляется щетина, санитары соскабливают ее опасной бритвой. Садисты!

Роберт предупредил отца, что в палате установлено оборудование для прослушки. Чтоб он не болтал лишнего.

– Держат меня здесь как шпиона моджахедов! Но ты не верь тому, что следователь будет говорить тебе. Ты мне верь!

– Конечно, сынок! Как не верить родному сыну. Ведь ты у меня единственный. Я люблю тебя!

Роберт стиснул зубы и застонал.

– И я своего сына люблю! – прорычал он.

Потом у него начались конвульсии, и пошла пена изо рта. Прибежали санитары, доктор, стали делать больному уколы. Балчыра попросили покинуть палату.

Охотник расстроенный вышел, нашел в коридоре закуток для курения и затянулся папиросой. Руки его тряслись. Здесь и нашел его следователь военной прокуратуры.

– Я веду дело вашего сына! – сказал он и представился. – Есть у меня к вам несколько вопросов. Обсудим?

Тут же, в курилке, военный снял показания отца подозреваемого.

– А в чем обвиняют моего сына? – спросил Балчыр

– В измене Родине, отец. Ваш сын – предатель!

Охотник Балчыр был намного слабее упитанного следователя, но ярость, с которой он набросился на военного, была сильной. Головой

он расквасил нос прокурору, свалил его на пол, а потом стал душить.

Военные охранники, что дежурили возле дверей палаты Роберта, пришли на помощь следователю. Они с трудом оторвали охотника от его жертвы и стали бить старика. Потом его, окровавленного, закинули в металлический «УАЗик» и увезли в следственный изолятор.

Конвоиры впихнули Балчыра в одиночную камеру.

– Успокойся, старик!

Через два дня его снова привезли в военный госпиталь.

– Досталось тебе, папа? – спросил Роберт.

– Ничего, сынок. Это ерунда. Ты лучше расскажи о себе. Как служил, где был? Я же ничего о тебе не знаю.

– Хорошо, папа! Я расскажу тебе все. И пусть слушают те, кто прослушивает эту палату своими микрофонами.

Роберт–Ирбис стал говорить.

Старый охотник снова надолго замолчал. Я же не торопил его и понимал, как трудно говорить ему о наблевшем.

За окном стояла ночь, и было так тихо, что казалось – тишина звенит. Каждый щелчок, каждый скрип деревянного покрытия избушки, звучал оглушительным выстрелом. Собака Туран лежала у порога и смотрела на нас умными глазами. Ее взгляд как будто говорил: «И чего замолчали? Может, косточку бросите или корочку хлеба? Делайте же хоть что-то, но не молчите!» Потом она коротко рыкнула и стала скрестись когтями о двери, просясь наружу.

Балчыр встал, выпустил собаку на улицу и заметил:

– Тоже на волю хочет! Так и сын мой, который хотел свободы.

В тот день Роберт рассказал отцу всю свою историю.

Балчыр слушал его и не перебивал. Его поразила судьба сына и взволновала. Как же он будет дальше жить с таким грузом памяти?

– Папа! – обратился сын. – Почему ты приехал ко мне?

– Ну как же? Ты – сын мой! Как я могу бросить родное дитя?

– И мне надо вернуться к моему сыну! Ты, папа, иди отдохни.

И прости за все! Я люблю тебя!

Это была последняя встреча Балчыра со своим сыном.

Ночью Роберт сбежал из больницы.

18.

– Его искали милиция и военные. Перекрыли выезды из города, потом дали ориентировку на границу, но задержать не смогли. Потом были слухи, что сын мой перебрался в Афганистан. Я верю, что Роберт вернулся к своему сыну.

Балчыр закончил свой рассказ, вытер стариковскую слезу и высморкался.

– Потом война с Афганистаном закончилась. Глупая, бессмысленная война, погубившая многие жизни наших солдат, и жизни самих афганцев. И мое здоровье тоже было подорвано. Год назад

я перенес инсульт, но, слава Богу, пронесло! Хожу самостоятельно, даже не хромаю. Вот только по горам бегать стало труднее. Врачи запретили курить, но как жить без курева, когда всю жизнь дымил папиросы? Чувствую, что помру скоро. Одно меня успокаивает – это знание того, что Роберт мой жив!

Балчыр неожиданно улыбнулся, и мне показалось, что в избушке стало светлее. Он вытащил из сундучка серый конверт, обернутый тряпочкой, развернул ее и вытащил на свет черно-белую фотографию.

– Смотри! – гордо сказал он.

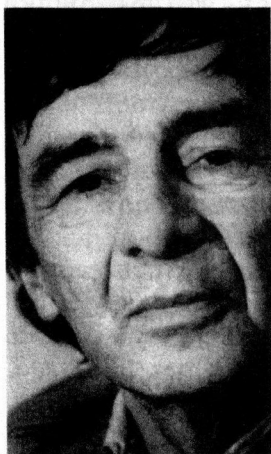
На фотокарточке был запечатлен красивый мальчик десяти лет, одетый в национальный афганский костюм.

– Полгода назад получил это письмо из-за границы.

На карточке внизу была надпись на русском языке:

«Здравствуй дедушка! Я – твой внук Монгуш Батыр Ирбисович».

*Июнь 2012 год,
город Кызыл.*

Юрий ВЛОДОВ

«ВСЕ ОТМАХНУЛИСЬ ОТ ПОЭТА»

Почему-то, именно, этой строкой из стихов Юрия Влодова мне захотелось назвать небольшое вступительное слово к данной публикации. Вот уже три года, как ушел из жизни этот великолепный поэт, человек с непростой и удивительной судьбой. Многокнижье «Люди и боги» — это дело всей его жизни, но в советское время его не печатали из-за того, что все стихи этого, подлинно титанического труда написаны на библейские темы. Но и в постсоветское время ситуация с публикациями не изменилась. Произошел странный фокус. «Началась перестройка, все переменялось, казалось бы, самое время ему и объявиться со своими «божественными» стихами. Но не тут-то было! Теперь те же самые люди, которые раньше осуждали Влодова за увлечение библейской тематикой, объявили его произведения излишне смелыми, острыми и даже кощунственными. — пишет его жена, поэтесса Людмила Осокина в статье «О книге Юрия Влодова «Люди и боги». Помню, как и я был шокирован, прочитав, к примеру, такие его строки: «А солнечный спрут в этом райском аду | по черному жег», «Убит Господь руками Дьявола — | во имя Веры и Любви», «Господь боится самое себя», «В храме Христовом | Искренне только одни | Свечечки плачут» и т.д. Но нам надо понять, что мы имеем дело не с религиозными или антирелигиозными высказываниями, мы здесь имеем дело с Поэзией, с подлинной Поэзией, имеющей право на свободное от всяческих догм, собственное видение и проникновение в суть Бытия.

С Юрием Влодовым я познакомился в 1996 году в редакции журнала «Юность», и он мне тогда преподнес альманах «Тени странника» с собственной дарственной надписью. Он произвел на меня огромное впечатление, я видел перед собой человека, много страдавшего, но при этом не озлобленного, а удивительно цельного, внутренне свободного и доброжелательного. Таким он и остался в моей памяти. Когда он рассказывал о своей жизни, я тогда невольно вспомнил и нашего поэта,

первого тувинца, окончившего Литературный институт имени А.М. Горького, Монгуша Доржу. Эти бесприютные поэты — Юрий Влодов и Монгуш Доржу, много лет были вынуждены был скитаться по углам, писать стихи за других, терять рукописи и т.д. И так же стихи того и другого растасканы на цитаты, многие их строки стали народными выражениями. «Прошла зима. Настало лето. | Спасибо партии за это» — эти и другие влодовские строки в свое время повторяли многие, даже не ведая о том, кто их автор. «Человек, который написал «Под нашим красным знаменем гореть нам синим пламенем», не мог стать персонально известным, подобно Евгению Евтушенко...» написал о нем поэт, прозаик, публицист Равиль Бухараев, ныне живущий в Лондоне. А Виктор Липатов написал о нем поэму «Восьмисвечник Юрия Влодова», в которой есть такие строчки:

Да, мал он, ничтожен и хмель его косит.
Его не поздравишь с житейским успехом.
Но память людская прощенья попросит,
Когда его Слово сверкнет нашим эхом!

А Борис Пастернак так в свое время отозвался о его творчестве: «Каждое стихотворение поэта Юрия Влодова есть кирпич, заложенный в основание современной русскоязычной поэзии. Доброго пути, брат мой, Юрий!» Как говорится, тут ни убавить, ни прибавить.

Помню, я тогда был поражен своеобразной «кладке» этих самых кирпичей: свои короткие стихи в 1-3 строки он ставит эпиграфом к другим, хотя они сами по себе уже являются самостоятельными цельными произведениями. Надеюсь, читатель поймет, что это, так же, как и вся книга, подчинено законам построения крупного музыкального произведения.

Мне остается добавить лишь то, что в 1996 году вышла его книга «Крест». В 2007 — «Люди и боги», в 2009 — книги «Юрий Влодов: Стихи. Биография. Библиография», «На семи холмах». О Юрии Влодове снято два фильма: «Я Вам пишу, Ваше Величество» (телефильм, канал РТР, 1992) кинофильм «А гений — суций дьявол!» (кино-видеостудия «Человек и время», 1995).

Юрий Влодов умер 29 сентября 2009 года.

Эдуард МИЖИТ,
Народный писатель
Республики Тыва.

ИЗ МНОГОКНИЖЬЯ «ЛЮДИ И БОГИ»

* * *

Кровь из босых ног...
След от звезды к звезде...
О! — как далек Бог...

Листва в Иудее опала.
Бездомье пришло и опала.
Вся крыша судьбы протекла!..

Он молвил: «Послушай, Иуда! –
Теперь мне действительно худо.
Рискни, приюти до тепла...
Мне худо! – ты слышишь Иуда?!
Что далее? – голод, простуда...
И может быть, даже – арест...»
Иуда взмолился: «Учитель!
Ты – мученик наш... и – мучитель...
Спасенье для гения – крест!..»
Без лишних попреков и прений,
Ушел обездоленный гений...
Убрел от людского тепла...
А зимней природы опала
Дождями и снегом опала...
Вся крыша земли – протекла!..

* * *

*Зло за Добром
Гонится с ломом в руках
По Божьему кругу...*

На драном лужке – в Гефсиманском саду –
Сбивались в бараний кружок.
А солнечный спрут в этом райском аду
По-черному жег.
Бесполые юноши вякнули тост
Во здравие рек и хлебов.
«Была бы любовь! – отозвался Христос, —
Была бы любовь!»
Лягушачья желчь исторгалась из уст...
Дымила испарина лбов...
«Была бы любовь! – отрубил Иисус, —
Была бы любовь!...
Вселенская ржа не имеет границ! –
И только любовь не распять!..»
А странное облако, падая ниц,
Взмывало опять...

* * *

Бог многолик, а человек подобен Богу.

И топнул Яхве:
«Встань! Очнись, плебей!
Яви Иуда,

преданность сыновью!»
И странно крикнул:
«Выродка убей!!
Убей кощуну –
и упейся кровью!!»

* * *

Кто простит Создателю грехи?!

Пышных сионских мужей телеса.
Стаи летучего гнуса.
Слышат ли в гибельный час небеса
Боль Иисуса?!
Каплет на голову птичий помет.
Ужас клубится под кожей.
Жалостный Ангел над ухом поет:
«День-то погожий!»
Если бы смог Ты – без Ангела – сам –
В день этот синий влюбиться!
Но вознеслось – и ушло к небесам:
«Сыноубийца!!»
Бьется на плахе безумный истец –
Выгнул костлявую спину...
Сполохом молний ответил Отец
Блудному сыну!

* * *

*Придумали Дьявола —
и напроць забыли про стыд.
Придумали Господа,
который, конечно, простит.*

Да рухнет груз веков
на черепушку плотника,
Который обтесал
корявый этот крест! –
Ни среза за спиной,
ни ямки подлокотника...
Видать, всему виной —
Чумной небесный трест...
В мертвецкие пески –
по облачному распаду –
Уносит Херувим
хрустальный стон в горсти:

«Иудушка, прости! –
Ты верой служишь Господу!..
За дьявольский искуc,
Иудушка, прости!..»
Прохрупали грома
преломленными сучьями.
Уже распята мысль.
И лопается сердь.
И праведный палач
познал глазами сучьими
Смещение времен,
где имя Жизни – Смерть.

* * *

Прощенный не простит прощенья.

Н а Голгофском холме
закачалась крепленная кресть.
Скрежетали во мгле
растревоженных мыслей кресала.
Принял казнь на земле,
дабы райскую силу обрести.
Отмирили глаза.
Но душа сей же миг воскресала.
Вспыхнул голос небес
и в дурманных долинах потух:
«Трепещите, стада! –
Был я пастырем грозным — и буду!»
И шепнул палачу
Иисус, испускающий дух:
«Отойди... не мешай...
я спешу... я молюсь за Иуду...»

* * *

*Создатель и Дьявол
В жуткой игре раскачали
Жизни качели...*

Кровяные плашаницы облаков.
Млечный Путь, — как чужемирный амулет.
И похрустывает ржавчина оков
На живых мощах – на щиколотках лет.
Бог смеется: «Видишь, сыне?! – мир таков...»
Дьявол хнычет: «Настпадались мы уже!..»

И похрустывает ржавчина веков
На Христовой – обезглавленной — душе.

* * *

*Руки раскинул
В жажде объять и обнять...
Так и распяли.*

Все небо духи перегладили
Каленым адским утюгом.
А Бог завис на перекладине
В астрале смрадном и тугом...
Слепой слезой Земля отплавала...
Ликуй, Галактика! – труби!
Убит Господь руками Дьявола –
Во имя Веры и Любви.

* * *

*Мне сам Сатана
Сунул в руку стило:
«Славь Бога, дурак!..»*

Кычет орлан, к заревому стремясь кумачу:
«Крови хочу! Жизни хочу!!»
Ворон скрипит, поглощая верблюжью мочу:
«Мрази хочу! Жизни хочу!»
Склизкая гадина льнет к теневому лучу:
«Мести хочу! Жизни хочу!»
Плачет поэт – притулился к Христову плечу:
«Смерти хочу! Воли хочу!..»

* * *

*Тихо-тихо
Идет по пятам Господь...
Не оглянуться...*

Поэт и Бог скитаются по свету –
Без денег, без повозок, без поклаж.
Сума и посох – как судьба поэту,
А Богу – блажь.
«Омойтесь, гости! Отдохните с нами!..»
Забулькает в котле ягнячий бок.
Закусывают молча с чабанами
Поэт и Бог.

Высотные луга. Снега и льдины.
Седые волкодавы дают блох.
И чудится, что в помыслах едины
Поэт и Бог.

* * *

*«Чем занят, мудрец?»
Тот – без улыбки — сказал:
«Жизнь коротая».*

Под выдохи Ильи Громовика
Журчала – небесная водица:
«Ты должен умереть, чтоб возродиться –
И жить – века...
Ищи, поэт, свой крест или осину! –
Из мук произрастают имена!..
Так пасынку... то бишь земному сыну
Я нашептал в былые времена...»
Под выдохи Ильи Громовика
Журчала речь – небесная водица...
Взгрустнул поэт... Ах, дернул Бог родиться!..
Прожить бы день ... На что ему века?!

* * *

Я весь в грехах, как дерево в листве.

Талант – о сути – толст.
А гений – тощ, как щепка.
Неважно – что там: холст,
Поэма, fuga, лепка.
Судьба, – как дышло в бок, –
Что дали, то и схавал.
Талант – по сути – Бог.
А гений – сущий Дьявол.

* * *

*Мир – одуванчик...
Если дохнет ветерок, –
Боже! — что будет!..*

Сгусток солнца гениальный...
И времен тугая нить...
План Природы генеральный
Никому не изменить.

От Природы – страсть и роды,
Вечный труд и забытье...
Даже Бог – дитя Природы,
Щедрый вымысел ее.

* * *

*Аукает Смерть:
«Где ты, людское дитя?! —
Я так одинока ...»*

Все мы смертны, к счастью.
Прав елейный бес.
Все мы станем частью
Трав, морей, небес...
Удобрим породу,
Почву на Руси...
Утомить Природу –
Боже упаси!

* * *

*В храме Христовом
Искренне только одни
Свечечки плачут...*

Под куполом церковного острога
Молились мы, склоняя имя Бога.
Мы знали, что мирская преисподня –
Всего лишь тень Двуличия Господня.
А демон света лил святые речи,
Кольша еле дышащие свечи.
И Ангел мглы – сулитель Божьей манны,
Нас отпевал сквозь млечные туманы.

* * *

*Дочь! — не молись! —
Ребенок чище священной книги,
Созданной для владыки...*

Когда Господней смерти лапа
Меня потащит в рай,
Проснется дочка: «Папа! Папа!
Я – здесь! – не умирай!..»
И заскулит в ночи спросонок, –

Заголосит в ночи – спросонок, –
Заголосит во тьму –
Моя травинка, мой ребенок,
Ненужный н и к о м у.

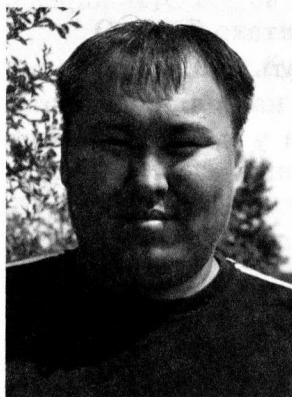
* * *

Мертвые — не умирают.

Я вдохнул недержание прозы –
Быта линкую слизь.
И поэзии жадные розы
Осеклись.
Покупали меня, продавали,
Возбодряли спьяна.
Криво куцый стакан подавали:
«Пей до дна!»
Сердце стерто. Дыханье приперто.
Не пройти напрямик.
И от Господа Бога до черта
Рванный миг.

* * *

Сон – это явь... Явь это сон...
А если – н и ч е г о и н и к о г о –
Ни Господа, ни Дьявола, ни Рока?! –
Всего одна короткая дорога,
Где слезы века брызжут веково ...

Виталий ПЕТРОВ

ПРОНЗАЮЩИЙ НЕБО КОПЬЕМ

пьеса

Действующие лица:

Алар – главный герой, охотник, влюбленный в Чычак.

Торук – вождь племени черных медведей.

Алкын – помощник шаманки, ставший новым шаманом племени.

Чычак – возлюбленная Алара.

Ур – брат Алара, охотник.

Кутуз – брат Алара, охотник.

Шаманка – старая шаманка племени черных медведей.

Хурун – мать Чычак

Старый охотник.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Люди толпятся у костра. Потрескивает костер. Слово берет вождь племени черных медведей Торук.

Торук. У нас нет еды. Племя черных медведей голодает. Наши охотники возвращаются с пустыми руками. (*Обращаясь к шаманке*) Что говорят духи предков?

Шаманка. Что скоро наступят великие дни!

Торук. Я это слышал много раз, но наши охотники возвращаются без добычи. Когда наступят великие дни? Что надо сделать?

Шаманка. Духи молчат.

Мужчины и женщины молчат. Каждый думает о своем.

Торук. Если охота будет неудачной, нас ждет смерть. Всех нас! Как сделать так, чтобы охота снова приносила еду? Говорите!

Старый охотник. Мы попрали обычаи предков. Духи разгневались, и пропала дичь. Надо просить у них прощение, дать дары. И тогда, долина наполнится стадами оленей и других животных. И впредь, мы не должны нарушать заветы предков!

Алар. Но у нас нет еды. Что мы можем дать духам?

Старый охотник. Надо отправиться еще раз на большую охоту. Но попросить у духов прощение! Вдруг повезет, и у нас будет много дичи?

Торук. А если нет?

Молчание. Люди задумываются.

Алкын. А если напасть на соседнее племя?

Торук. Они сильнее нас. И еды у них нет.

Старый охотник. Надо чтить духов и обычаи предков! Я знаю, раньше, в самые голодные времена люди приносили в жертву человека, и духи предков помогали, и было много дичи!

Торук (*обращается к шаманке*). Это правда?

Шаманка (*думает*). Не совсем. Лишь в племени больших клыков приносили в дар людей. Да и то, это было давно, когда в мире еще бегали мохнатые животные – мамонты!

Старый охотник. Вот потому духи и гnevятся! Мы забыли заветы предков!

Алар. Предки завещали не убивать своих!

Старый охотник. Но если в племени больших клыков приносили в дар человека, почему бы и нам не принести?

Шаманка. То было время голода и великой скорби!

Торук. У нас сейчас тоже время голода. И если мы не найдем дичь, то наше племя умрет! Кто будет скорбеть по нам?

Люди шарахаются. Каждый обдумывает сказанное.

Шаманка. Вы хотите убить человека?

Торук. Я хочу жить! Я хочу, чтобы жили люди племени черных медведей! Я хочу, чтобы жили дети племени черных медведей! И жили их дети.

Шаманка. Я спрошу духов. Если нам позволят, и они не будут противиться, мы принесем им дар.

Торук (*кивает*). А мы решим, кого принести в дар!

Шаманка уходит.

Старый охотник. Все люди в племени нужны кроме одной. У Хурун есть больная дочь – Чычак. Сколько лун шаманка пытается ей помочь? Она все равно умрет, ей не помочь. Надо ее принести в дар, пока она жива!

Алар. Нет!

Старый охотник. Что толку от больной? Она все равно умрет!

Алар. Она будет моей женой и родит охотников!

Торук. Мы голодаем, в долине дичи нет. Мы должны что-то сделать!

Алар. Ее никто не отдаст в дар! Это говорю я – Алар, лучший охотник племени черных медведей!

Торук. Спросим Хурун. Согласна ли она отдать свою дочь в дар?

Из толпы выходит женщина, мать Чычак.

Хурун. Я согласна отдать свою дочь в дар духам. Пускай умрет одна моя дочь, чем все мои дети!

Торук. Что на это скажет лучший охотник племени Алар?

Алар. Лучший охотник племени черных медведей Алар говорит – никто не отдаст ее в дар духам! Или Алар уйдет из племени!

В пещере проносится удивленный гул. Некоторые отстраняются от Алара, некоторые внимательно смотрят на него. Из толпы выходит помощник шамана молодой Алкын.

Алкын. Почему ты идешь против воли предков? Традиции племени и заветы предков священны! Соблюдая и оберегая их, мы можем жить хорошо!

Старый охотник (соглашается с Алкыном). Мы попрали обычай предков и духи разгневались! Вот почему в долине больше нет дичи!

Алар. Если в долине и в других местах дичи нет, можно отправиться за северные горы и найти там!

Все ахают.

Торук. За горами жизни нет!

Старый охотник. Да, жизнь есть лишь в долине!

Алкын. Наши предки говорили, что за теми горами жизни нет. Там кончается мир, и начинается царство вечного льда!

Алар. Значит, я дойду до края земли к царству льда и добуду дичь!

Старый охотник. Там дичи нет! Там нет ничего! Там край земли!

Алар. Ты там был?

Старый охотник. Предки не врут!

Алар. Если дичи нет поблизости, я готов отправиться на край земли.

Алкын. Из-за таких как ты, духи в гневе! Духи решают быть дичи в долине или нет!

Алар. Алар готов принести дичь!

Алкын. Не тебе решать!

Алар. Алар кормил племя черных медведей, а не ты! Чутье и глаз Алара находила дичь! И это мое копьё пронзало дичь! Что сделал для племени Алкын?

Все о чем-то рассуждают.

Алкын. Алкын помогает шаманке камлать и разговаривать с духами. Духи решают, как нам жить!

Алар. Думайте, Алар лучший охотник племени обещает дичь! Но если вы убьете Чычак, я уйду!

Алкын. Как ты смеешь такое говорить?

Торук. Неужели Алар готов покинуть племя?

Алар. Подумайте, что будет делать племя без сильного охотника? Зачем убивать Чычак? Дайте мне семь лун, и я добуду дичь!

Торук. Семь это много!

Алкын. Торук, великий вождь племени черных медведей, зачем слушаешь Алара?

Торук. Я не хочу, чтобы племя черных медведей умирало от голода! Если Алар говорит, что принесет дичь, почему бы не послушать Алара?

Алкын. Но духи...

Алар (*перебивает Алкына*). Вы всегда успеете дать духам дар! Если Алар не принесет дичь, так уж и быть, вы принесете Чычак в дар духам! Семь лун не так много!

Старый охотник. Семь лун это много! Что мы будем есть все это время?

Алар. Остатки старой пищи и корни! Племя может подождать! Семь лун не так много!

Торук. Я дам тебе пять лун. Если опоздаешь, мы принесем в дар Чычак!

Алкын (*недовольно*). Почему вы слушаете Алара?

Торук. Алар лучший охотник племени! Он нужен племени!

Алкын. Но мы должны задобрить духов! Почему вы не понимаете, что только от духов зависит наша жизнь? Нельзя противиться воле

предков и духов! Обычаи должны соблюдаться!

Торук. Мы успеем задобрить духов. Пять лун не так много как семь! Племя черных медведей будет есть корни, и остатки старой пищи. Но если Алар, не успеет, мы принесем в дар духам Чычак, и будем надеяться, что духи простят нас и у нас будет дичь!

Алар. Если я вернусь с пустыми руками, вы отдадите Чычак, дочь Хурун духам, но если я принесу дичь, она станет моей женой! Но до тех пор, пока я не вернусь с охоты, никто не должен убивать дочь Хурун!

Алкын. Но так нельзя!

Торук. Я хочу, чтобы племя черных медведей не голодало! Чычак мы убить успеем. Потому я дам время Алару, охотнику племени черных медведей! Иди к шаманке, пусть она поговорит с духами. А завтра ты с братьями пойдешь к северным горам. И добудь нам еды!

Алар. Ты обещаешь, что до моего приезда вы не будете убивать Чычак?

Торук. Да.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Алар приходит к шаманке, она показывает ему наскальные рисунки.

Шаманка. Смотри, здесь вся мудрость предков!

Шаманка с факелом освещает наскальные рисунки, Алар с раскрытым ртом смотрит рисунки.

Алар. Наши предки охотились точно так же как и мы?

Шаманка. Да. Мы неукоснительно следуем заветам предков.

Алар. Но почему? Разве нельзя жить по-другому?

Шаманка. Ты странный. Не такой, как все.

Алар (*показывает на рисунок мамонта*). Что это?

Шаманка. Мамонт.

Алар (*шепчет*). Мамонт. Ма-монт.

Шаманка. Да.

Алар. Он такой большой. Неужели такие большие животные бегали в долине?

Шаманка. Да. Но их больше нет!

Алар. Что с ними стало?

Шаманка. Духи предков разгневались, и забрали к себе в небесные чертоги. Если мы умрем, то попадем к духам предков и будем охотиться на мамонтов там, в небесной долине.

Алар с изумлением рассматривает рисунки мамонта.

Алар. Почему духи разгневались на нас?

Шаманка. Люди думают, что мы отступились от заветов предков и в наказание духи извели мамонтов.

Алар. А что думаешь ты?

Шаманка (*нервно*). Не важно.

Шаманка уходит в другую часть пещеры, где изображены другие картины. Алар идет за ней.

Алар. Алар умеет хранить тайны!

Шаманка (*нервно, переходит то на плачь, то на смех*). Я иногда вижу духов. Они не такие как мы их рисуем! Они страшные, пугают меня! Они всегда ко мне приходят, но вы их не видите! Только хранительница племени черных медведей видит их! И мне страшно! Они могут помогать нам, людям, а могут мешать. Но духи бессильны против зверей! Не духи извели мамонтов!

Алар. Тогда кто?

Шаманка. Люди! Люди, охотились и убивали все больше и больше мамонтов. И наступил день, когда люди съели последнего мамонта. И не стало в долине больше мамонтов. Много лун охотники ждали мамонтов, но их нет до сих пор.

Алар. Алар никому не скажет, что сказала хранительница племени.

Шаманка. Я буду спрашивать у мертвых о тебе. Что ждет тебя и можно ли отправиться за северные горы?

Алар задумывается. Шаманка, достает бубен и начинает камлать. Долго камлает, закончив, падает. Полежав некоторое время, она встает, смотрит с широко раскрытыми глазами.

Алар. Что говорят духи?

Шаманка. Ты. Ты, ты!

Алар (*с беспокойством*). Что?

Шаманка. Духи говорят, ты накормишь всех!

Алар. Будет удачная охота?

Шаманка. Нет. Но люди будут помнить тебя! Ты накормишь всех, ты будешь великим, но как, я не знаю. Они молчат. Это странно. Духи никогда так не говорят. Может ты не человек?

Алар. Что ты говоришь? Я человек! Я охотник племени черных медведей!

Шаманка. Иногда, когда я смотрю на тебя, я вижу за твоей

спиной крылья. Может тебе остаться в племени? Не уходи! Духи сказали, что если ты уйдешь, племя погибнет! Они говорили много, много, много, и все про тебя! Ты больше не будешь охотником!

Алар. А кем мне еще быть?

Шаманка. Не знаю. Ты должен торопиться. Лети, как птица, скачи как олень! Ведь если ты опоздаешь, Чычак умрет! Мне самой придется ее убить. Но я не хочу убивать Чычак!

Алар. Так не убивай!

Шаманка. Я тебе и так сказала много. Я раскрыла тайны, которые не знает никто в племени! Но пойми, мне придется ее убить, не потому что духи хотят дар.

Алар. Так духи не хотят брать в дар человека?

Шаманка. Нет. Наши предки никогда не приносили в дар человека. И духи никогда не просят в дар человека. Это люди хотят отдать в дар человека! Это племя больших клыков приносит в дар человека, но им это все равно не поможет! Запомни мои слова, это никому не поможет!!!

Алар. Если это никому не поможет, так скажи всем, зачем приносить в дар человека?

Шаманка. Если я скажу – нет, то какая я шаманка? Люди перестанут верить мне, и тогда случится большое зло, люди от голода начнут убивать друг друга. Я могу их остановить, убив одну! Угроза смерти нависла над племенем, и люди могут начать убивать друг друга, вот что мне говорят духи!

Алар. Что будет с Чычак?

Шаманка. Она поправится. Тени смерти отступят. Но тебе надо торопиться. Ее жизнь в твоих руках! Тени кружат над ней каждый день и ждут!

Алар. Спасибо. Я уйду.

Шаманка. И еще. Духи говорят, что у тебя будет другое имя. Ты должен взять другое имя!

Алар. Какое?

Шаманка. Пронзающий небо копьем!

Алар. Почему? Что это имя значит?

Шаманка. Духи не говорят! Ты только молчи! Не говори, что я сказала. Люди не поверят! А я сделаю все возможное, чтобы охота твоя была удачной!

Алар. Алар будет молчать.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Алар встречается с Чычак. Она лежит среди шкур, бледная, вся в поту. Алар хватает ее за руку. Она открывает глаза.

Чычак. Алар?

Алар. Да, это я.

Чычак. Что ты тут делаешь?

Алар. Я пришел попрощаться. Когда взойдет солнце, Алар и другие охотники племени отправятся к северным горам.

Чычак. Но ведь за теми горами нет жизни?

Алар. Знаю, но ради тебя я готов отправиться даже в мир духов!

Чычак. Что ты говоришь?

Алар. Я люблю тебя!

Чычак. Любовь? Что это?

Алар. Не знаю, но Алар, охотник племени черных медведей, не представляет свою жизнь без тебя. Я хочу, чтобы ты стала моей женой. Я хочу, чтобы ты родила мне детей, и они, как я станут великими охотниками племени черных медведей!

Чычак. Что ты говоришь? В племени много достойных девушек. Уя красива. Бора хорошо шьет и быстро работает. Хунан может родить тебе здоровых детей. Все девушки племени мечтают о тебе. Зачем тебе я? Я не красива как Уя, Бора лучше меня шьет и работает, и я больна, а Хунан никогда не болеет! Зачем тебе я? Выбери одну из них?

Алар. Нет. Мне никто не нужен. Только ты!

Чычак. Что во мне такого, что самый сильный охотник племени хочет меня?

Алар. Не знаю. Я хочу только тебя. Когда я засыпаю, я вижу тебя. Когда я просыпаюсь, я вижу тебя. Когда я охочусь, я вижу тебя. У меня болит здесь, *(указывает в область сердца)* когда ты далеко. И если ты умрешь, Алар не будет жить. Алар из племени черных медведей отправится за тобой следом, и в мире духов будет с тобой! Он будет охотиться в небесных чертогах, и будет рядом с Чычак, дочерью Хурун!

Чычак. Если я умру?

Алар. Я тоже умру! Чычак, обещай, что ты будешь меня ждать?

Чычак. Но...

Алар. Если ты умрешь, обещай, что там, в мире духов, ты будешь ждать меня! Я буду охотиться на мамонтов. Шаманка сказала, что в небесных чертогах, духи предков охотятся на мамонтов! Они огромные, но Алар хороший охотник. Я убью для тебя самого большого мамонта! Ты будешь меня ждать?

Чычак. Шаманка говорит, что я могу поправиться. Если я буду здоровой, я обещаю, я буду смотреть и ждать тебя. Я знаю, ты принесешь добычу, а из шкуры я сошью тебе одежду. Я не хочу умирать. Я хочу быть с тобой здесь. Ты будешь моим охотником здесь, в племени черных медведей.

Алар. И ты будешь готовить мне еду? И шить одежду? Ты родишь мне охотников?

Чычак. Да. Я рожу тебе столько детей, сколько смогу.

Алар. Я очень рад.

Чычак. И я очень рада. Я никогда не думала, что лучший охотник племени черных медведей, сильный и красивый Алар посмотрит на меня, захочет сделать меня женой. Это не сон?

Алар. Нет, это не сон.

Минутная пауза.

Чычак. Не молчи. Мне очень хорошо, когда ты говоришь. Неужели я красива как Уя?

Алар. Ты красивее, чем Уя. Ты красивее всех девушек племени черных медведей. Что мне для тебя сделать?

Чычак. Мне снилось, что у меня был камень красный, как огонь, с черными полосками. Во сне мне кто-то шептал, что камень будет меня охранять от бед. Сможешь мне принести?

Алар. Да, Алар принесет тебе много камней. Я люблю тебя!

Чычак. Любишь?

Алар. Да. Люблю!

Чычак. Значит, и я тебя люблю.

Алар засыпает рядом с девушкой. К ним подходят охотники.

Ур. Солнце взошло. Нам пора.

Охотники уходят.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Они подходят к краю земли.

Ур. Мы подошли к вершине северных гор. Скоро край земли. И мы увидим, что на краю земли.

Кутуз. Мне говорили, что там вечные льды.

Ур. А мне снилось, что там огни. Бескрайние огни.

Алар. Почему встали? Пойдем и увидим, что там.

Ур. Нам страшно. Ведь это край земли.

Алар. Надо торопиться. Алар уверен, что за этими горами будет земля, и там будет много дичи!

Кутуз. Но ведь предки нам завещали.

Ур. Традиции надо соблюдать.

Алар. Значит, охотники из племени черного медведя боятся?

Они идут дальше, и видят долину. За горами открывается прекрасная картина, новая долина, где пасутся стада оленей. Все молчат и не шевелятся. Долго смотрят в разные стороны.

Куруз. Это сон?

Ур. Поверить не могу.

Куруз. Здесь же должен быть край земли, где он?

Ур. Алар, ты был прав.

Куруз. Но ведь предки говорили, что тут кончается мир и начинается лед?!

Ур. Нас обманули?

Все выражают недовольство.

Куруз. Предки не могли обмануть. Они ведь дали нам заветы, оставили традиции?

Алар. А тогда, что перед тобой? Край земли?

Куруз. Это неправда. Брат, ты не прав!

Куруз делает несколько шагов вперед, ощупывает воздух, камни, размахивает руками. Он не верит своим глазам.

Ур. Не может быть.

Куруз. Если это не край земли, то где тогда кончается мир?

Ур нюхает землю и пробует на вкус листья и травы...

Ур. Трава на вкус такая же... И листья те же... Как думаешь, если поймем дичь, мясо будет тем же?

Алар. Конечно, ведь это не край земли. Мы первые кто сюда пришли, и я уверен, здесь полно дичи!

Куруз. Ты хочешь сказать, нас все это время обманывали?

Алар. Да.

Ур. Если поймем дичь, мы не отравимся?

Никто не отвечает. Все молчат и наблюдают.

Алар. Смотрите, дичь!

Все пригибаются и никто не шевелится. Потом медленно начинают движение. Кто-то подражает кошке, кто-то пантере. Алар поднимает палец и все останавливаются. Они видят перед собой волчат.

Алар. Не трогать, это волчата!

Кутуз. Значит волчица рядом?

Алар. Ничего не трогать!

Все наблюдают за волчатами.

Ур. Они такие маленькие. А если вырастут, станут большими и сильными.

Алар. Вырастут?

Ур. Да. Смотри, сколько их тут. Если все вырастут, то это целая стая волков!

Алар. Вырастут?

Кутуз. Что с тобой?

Алар (*повышает голос*). Они вырастут!

Все на него смотрят удивленно.

Ур. Что с тобой?

Алар. Уходим!

Кутуз. Но почему? Мы голодны! Племя голодает!

Ур. Давай дождемся стаи и убьем волков!

Алар. В этой долине много зверей!

Кутуз. А если нет?

Алар. Мы вернемся сюда!

Ур. Но давай сперва съедим волчат?

Алар. Послушайте, этих волков не хватит, чтобы прокормить племя, нам нужно искать другую дичь! И я, Алар, лучший охотник племени черных медведей обещаю, что мы найдем другую дичь!

Кутуз. А если не найдем?

Алар. Вернемся обратно.

Ур. Но тут же еда? Я хочу есть!

Алар. Пошли! Мы найдем себе еду.

Кутуз. Кутуз хочет есть! И я убью этих волчат!

Ур. Ур согласен с Аларом. Этих волчат не хватит прокормить племя. Мы будем искать другую дичь! Но прежде мы должны поесть.

Ур и Кутуз убивают волчат, затем начинают есть сырое мясо.

Алар. Берите мясо и уходим. Быстро!

Ур и Кутуз недовольно смотрят на брата.

Алар. Мы должны торопиться! А не то Алар уйдет один!

Ур. Ты оставишь нас?

Алар. Да. Если вы хотите охотиться со мной, вы должны слушаться меня!

Алар уходит, Кутуз встает и бежит за братом.

Кутуз. Кутуз виноват, Кутуз всегда хочет охотиться с Аларом.
(Обращается к Уру) Пошли брат.

Они уходят.

Ур. В этой долине много зверья. Я чую!

Алар. У нас много веревок?

Кутуз. Да.

Алар. Ищем следы оленей!

Ур. Да вот же следы.

Кутуз. Где?

Ур. Смотри это олени следы. Они были здесь недавно. Их много!

Алар (*показывает в сторону*). Они ведут туда!

Кутуз (*радостно*). Значит мы сыты! Мы убьем оленей, и наше племя не умрет! Мы скажем, что здесь полно дичи, и впредь будем охотиться здесь!

Алар. Нет!

Кутуз. Почему?

Алар. Я придумал. Мы привяжем оленей веревками и принесем их домой живыми!

Кутуз. Чтобы убить их там?

Алар. Нет! Ты ведь видел волчат? Животные как люди, рождаются, растут и старятся. И так всегда! Пока их не убьют.

Ур. И что?

Алар. Мы должны связать оленей, а потом делать так, чтобы их никто не убивал. И тогда олени родят оленят, а они вырастут, и оленей станет много. А если их не убивать и дальше, то родятся новые оленята и вырастут, и оленей станет еще больше! Зачем их убивать, ведь оленей, можно держать у себя, чтобы они жили и рождались?

Ур. Что ты такое говоришь? Оленей надо убить, потом съесть, а когда мясо кончится, надо отправиться в охоту и убить еще. Так жили наши предки, и так будем жить мы!

Алар. А что если мы убьем всех оленей, на кого будем охотиться?

Кутуз. Не говори глупости, олени никогда не переведутся.

Олени исчезнут, если мы не будем соблюдать традиции и заветы предков!

Алар. Когда-то в нашей долине бегали мамонты. Теперь их нет!

Ур. Потому что духи разгневались на нас!

Алар. Они исчезли, потому что люди убили их всех!

Куруз. Это не правда!

Алар. Тогда куда пропали звери нашей долины? Там нет ни одной дичи!

Куруз. Духи предков разгневались на нас! Мы отступили от обычаев!

Алар. Предки говорили, что здесь кончается земля, но вы видите, это не так. Так стоит ли верить их заветам?

Все умолкают. Каждый обдумывает слова Алара.

Куруз. Если заветы предков не правда, то, как жить? Где найти другие заветы?

Алар. Придумать самим!

Ур. Что ты хочешь?

Алар. Охотиться дома! Привязать оленей, а потом сторожить, чтобы никто их не убивал. Мы будем следить, чтобы олени рождались, и вырастали в больших оленей. А когда не будет мяса, мы съедим старого оленя. Потом еще одного оленя, а потом еще. А пока мы будем есть старых оленей, молодые вырастут и родят еще больше оленей!

Куруз. И тогда у нас всегда будет мясо?

Алар. Да!

Куруз. И племя черных медведей никогда не будет голодать?

Алар. Да!

Ур. А когда будут расти оленята, мы ведь можем продолжать охотиться на других зверей?

Алар. Да! Но мы будем охотиться мало, ведь у нас всегда будет мясо!

Куруз. И теплые шкуры!

Ур. И в долину снова придут звери?

Алар. Да!

Куруз. Но как быть с обычаями? С давних времен, мы соблюдали свои традиции, наши предки были охотниками, и никто не растил оленей?

Алар. А мы будем!

Ур. Но ведь это против заветов наших предков?

Алар. Мы придумаем новые заветы, а когда умрем, наши дети будут чтить наши заветы. Заветы своих отцов!

Ур. Я плохо понимаю тебя, брат! Но я всегда с тобой! Я буду делать то, что скажет мой брат, Алар, великий охотник из племени черных медведей! Ур будет следовать новым заветам Алара! Ур будет растить оленей! Ур будет всегда слушать Алара!

Куруз. Я хочу быть сытым всегда. И если олени избавят племя черных медведей от голодной смерти, то я тоже буду следовать заветам своего брата Алара, великого охотника племени черных медведей!

КАРТИНА ПЯТАЯ

В пещере шаманки. Шаманка, лечит Чычак. Заходит Алкын, размешивая какой-то отвар.

Шаманка. Девочка поправляется.

Алкын. Она не умрет?

Шаманка. Нет.

Алкын. А что в ней особенного? Почему ты все время рядом с ней?

Шаманка. У нее есть дар! Она, как и я может видеть духов. Я тоже долго болела, когда стала видеть!

Алкын. Хотите сделать ее шаманкой, вместо меня?

Шаманка смотрит на Алкына странным взглядом.

Шаманка. Когда я учила тебя, в племени не было ни одного, кто мог бы видеть духов, а вождь племени сказал, чтобы я взяла ученика, не важно, видит он или нет.

Алкын. И ты взяла меня?

Шаманка. Да. Я передала тебе все знания, кроме одного. Входить в мир духов, ибо ты не видишь духов, ты обычный человек!

Алкын. Но после тебя, я хочу быть шаманом! Ведь это меня готовили?

Шаманка. Ты можешь стать великим охотником! Ты знаешь все про травы, можешь читать следы. У тебя есть знания, ты мог бы стать советником вождя! И кто знает, может тебя выберут вождем?

Алкын. Меня никогда не выберут вождем, ты знаешь. Я не великий охотник!

Шаманка. Но ты не видишь духов!

Алкын (*совладав с собой*). Ладно, я согласен. Учи дочь Хурун. (*Размешивает отвар*) Ты устала. Пей, этот отвар придаст тебе сил.

Шаманка. Что это?

Алкын. Ты сама меня учила делать отвары. Одни для лечения, другие для придания сил. Пей!

Шаманка (*берет отвар из рук Алкына*). Алкын, от тебя есть толк! (*Выпивает отвар*) Какой горький! Ты не правильно смешал травы?

Алкын. Я все сделал правильно. Это не отвар для придания сил. Оно убивает.

Шаманка (*кашляет, начинает задыхаться*). Убивает? Но ведь я не учила тебя таким отварам?

Алкын. Вот видишь, не всему ты меня учила. Ты утаила от меня многое, но Алкын умен! Алкын догадался и сам научился делать отвары, которые убивают. Алкын научился многому другому. И Алкын не позволит, дочери Хурун стать шаманкой! Она не займет мое место!

Шаманка корчится от боли и задыхается, пытается что-то сказать.

Шаманка (*задыхаясь, хрипит*). Ты...

Алкын. Да, я стану шаманом вместо тебя. А ты умрешь!

Шаманка падает, потом ползет в сторону Чычак. Алкын ходит за ней довольный.

Шаманка (*хрипит*). Но ты не видишь духов...

Шаманка передает красный камень Чычак, что-то шепчет про себя. Алкын не замечает, он смотрит уже в другую сторону, берет бубен шаманки и мечтает.

Алкын. И что? Алкын всем скажет, что видит духов, и Алкыну поверят! У племени черных медведей будет новый шаман!

Шаманка с раскрытым ртом и огромными глазами хватается за горло и умирает.

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Все собрались для обряда. В центре, на небольшом холмике в виде стола, лежит связанная Чычак. Вокруг нее ходит Алкын — новый шаман племени черных медведей.

Торук. Наша шаманка погибла. Теперь Алкын новый шаман племени черных медведей! Алкын разговаривал с духами. (*Обращается к Алкыну*) Что они сказали? Говори!

Алкын. Духи говорят, что мы отступились от своих традиций и заветов предков. Духи в гневе. Он просят в дар человека! И только

тогда они могут нас простить! И наши охотники вернутся с добычей!

Торук. Но мы обещали Алару, что будем ждать пять лун. Прошло только четыре. Еще есть время.

Алкын. Духи говорят, что если мы убьем ее, охотники могут вернуться с едой. Подумай вождь племени черных медведей?

Торук. Может нам подождать? Смотри, даже тучи сгущаются, боги будут сердиться.

Алкын. Да, сгущаются тучи, потому что боги в гневе на нас за то, что мы не следуем заветам предков, за то, что мы не слушаем духов, вот за что боги в гневе на нас. И вот почему в долине пропала дичь!

Чычак (*хриплыми слабым голосом*). Я слышу, Алар возвращается. Он близко. У него добыча. Много оленей!

Алкын четко услышал ее слова, т.к. он был рядом. А Торук и остальные не расслышали.

Торук. Что она сказала?

Алкын (*поднимая палец*). Тихо! Духи что-то говорят!

Алкын начинает потихоньку бить в бубен и что-то шептать. Потом останавливается и громко кричит. Затем широко открывает глаза и начинает быстро говорить.

Алкын. Над Аларом нависла опасность! Алар умрет! Духи говорят, что Алар не вернется и умрет! Он не принесет нам дичь!

Люди ахают.

Торук. Опасность?

Алкын. Но духи могут его спасти. Духи могут даровать ему жизнь и дать добычу! Много оленей! Мы должны торопиться. Если сейчас же ее не убьем, духи могут опоздать и Алар умрет! А племя черных медведей будет голодать!

Торук. Начинай!

Алкын начинает камлать вокруг девочки и стучать в бубен. Его танец убыстряется, а пение нарастать. Он все сильнее и сильнее бьет в бубен, то прыгает, то приседает. Затем дает знак вождю, тот поднимает каменный нож и заносит над девочкой для нанесения удара. Алкын переходит на шепот и стучит в бубен медленно.

Алкын (*кричит*). Че!

Вождь племени наносит удар в сердце девочки. А шаман

продолжает камлать. Затем останавливается.

Алкын. Духи приняли жертву. Но ответ скажут потом, нужно время, чтобы сдобрить их нрав! Тело можно убрать.

Тело убирают, а мать девочки плачет. Некоторые пытаются ее утешить.

Торук. Зато твои другие дети будут жить!

Алкын. Она бы все равно погибла. Ее болезнь была не излечима!

Хурун. Я благодарна вам! Каждая мать хочет, чтобы ее дети жили. Отдав ее, мы сохранили жизнь другим. Спасибо вам!

Люди суетятся. Кто-то кричит, что возвращаются охотники, с добычей и оленями. Все с восторгом глядят на нового шамана.

Торук (*радостно обращается к Алкыну*). Ты это сделал! Они вернулись с охоты с добычей, ты сдобрил духов! Ты спас Алара от смерти!

Алкын. Я ведь говорил, что духи приняли дар! Это духи дали дичь! Ты ведь знаешь, что в долине не было дичи!

Торук. Да! Теперь племя черных медведей не будет голодать! Устраиваем пир в честь нашего героя, великого шамана племени черных медведей Алкына! Пир в честь человека, который избавил нас от голода! Слава Алкыну!

Все радуются и кричат «Слава Алкыну!»

Хурун. Спасибо, Алкын, я теперь спокойна. Я знаю, что моя дочь погибла не зря!

Алар. Алар, охотник племени черных медведей, как и обещал, принес еду, много еды! Где Чычак, дочь Хурун?

Торук. Алар, посмотри на своего спасителя (*Указывая на Алкына*) это он сделал вашу охоту удачной. Это он наслал на вас дичь! поприветствуй своего спасителя, великого шамана племени черных медведей!

Алар. Спаситель? Что он сделал? Это я Алар, охотник из племени черных медведей добыл дичь! Это Кутуз и Ур, мои братья, охотники из племени черных медведей мне помогли! Мы втроем добыли дичь! Мы охотились! Что сделал он?

Ур (*шепчет Алару*). Брат, не сердись на вождя.

Алар. Где Чычак?

Торук. Она умерла.

Алар. Как?

Торук. Мы ее отдали духам. В дар, чтобы ваша охота была удачной. И духи простили нас и дали вам дичь!

Алар *(в гневе)*. Ты обещал мне, что не будешь трогать ее до моего приезда!

Алкын. Как ты разговариваешь с вождем? Обычай не велит так разговаривать с вождем!

Алар. И что? Алар не хочет больше соблюдать заветы предков! Наши предки такие же глупые люди, как и вы!

Слышны возгласы недовольства.

Алкын *(в гневе)*. Это святотатство!

Алар подходит к телу Чычак. Обнимает ее. Чычак открывает глаза.

Торук. Она жива? Как это?

Алар *(сквозь плач)*. Почему не дождалась меня? Я принес тебе камень, он будет тебя оберегать. Слышишь, я вернулся с охоты! Я принес дичь. Много дичи. Люди больше не будут голодать. Но почему ты не встретила меня? Не пошла разделять туши оленей? Не сделала себе ожерелий? Смотри, я принес тебе камни. Они такие красивые. Почему ты уходишь одна? *(Продолжет плакать)*. Ты обещала меня ждать, там, в небесных чертогах, у духов предков. Я иду к тебе. Ты все еще ждешь меня? Ты ведь обещала мне родить охотников. Почему ты не родила мне охотников здесь? *(Утирает слезы)*. Ничего, я иду к тебе! И мы там, в небесных чертогах будем вместе! У нас будут дети! Я принесу тебе мамонта. Я смогу, *(Переходит на крик.)* я великий охотник! Я больше не оставлю тебя одну! Чычак, дочь Хурун, Алар идет к тебе!

Алар замахивается каменным ножом.

Чычак. Почему ты так говоришь?

Алар *(останавливается и бросает в сторону нож)*. Ты умираешь, от такой раны умирают все. И я отправлюсь за тобой! Я обещал тебе! Я буду охотиться в небесных чертогах!

Чычак. Нет. Алар, подумай, как они будут жить без тебя? Мне снился сон, что ты станешь вождем племени, и у тебя будет новое имя.

Алар. Я не смогу жить без тебя!

Чычак. Алар, ты Пронзающий небо копьем, ты лучший охотник! Я вижу, ты создашь новое племя, вы научитесь разводить оленей,

и ваша племя никогда не будет голодать. Вы будете жить хорошо!

Алар. Зачем мне жить здесь, без тебя? В небесных чертогах мы будем вместе!

Чычак. Алар, обещай мне, что не умрешь? Ты должен быть здесь, ты должен помочь людям. Ты придумаешь новые заветы, и к вам будут приходить все новые и новые люди. Ты будешь принимать всех! Алар, обещай мне, что ты не умрешь?

Алар. Но я хочу быть с тобой!

Слышится гром.

Чычак. Я буду ждать тебя там, в небесных чертогах. Я обещаю, я буду ждать тебя там долго, а когда ты умрешь, мы будем вместе. Я рожу тебе детей, а ты принесешь мне мамонта. Но не сейчас. Сейчас ты нужен здесь. Обещай мне!

Алар. Ты будешь ждать меня?

Чычак. Да.

Алар. И родишь мне детей?

Чычак. Да, там, в небесных чертогах, я рожу тебе много детей! Я буду ждать тебя.

Алар. Обещаешь?

Чычак. Да!

Алар. Тогда Алар будет жить!

Чычак. Я люблю тебя, Пронзающий небо копьём...

Чычак умирает. Все молчат. Алар плачет. К нему подходят братья, чтобы успокоить. Алар встает и смотрит в глаза вождю и Алкыну.

Алар (в гневе). Алар и его братья больше не желают жить в племени черных медведей!

Все удивленно перешептываются.

Торук. Но почему?

Алар. У меня свои заветы. И своим детям мы оставим новые традиции. И жить мы будем лучше предков! А дети будут жить лучше нас!

Торук. И куда вы пойдете? Что вы будете делать? Без племени вы умрете!

Алар. Мы и есть племя! Новое племя в этой долине! И наше племя больше не будет охотиться!

Торук (смеясь). И как вы собираетесь жить?

Алар. Мы будем разводить оленей!

Все смеются.

Алкын (*сквозь смех*). Глупый Алар. На оленей надо охотиться. Ха-ха-ха, глупый Алар думает, что он умнее предков?

По команде Алара Ур и Кутуз приносят и бросают туши оленей.

Алар. Это ваше! Но вон те (*Указывает в сторону.*) живые олени, которых мы привели, наши! И Алар не отдаст вам!

Торук. Как это не отдаст?

Алар. Это наша добыча! Мы теперь другое племя!

Алкын. Почему это не отдадите?

Алар (*с усмешкой*). У племени черных медведей есть великий шаман, который наколдует вам дичь! Племя черных медведей будет сытой и без нас!

Они уходят.

Торук. Остановите их!

Несколько юношей бегут за уходящими, но братья поворачиваются и выставляют копья.

Алар. Кто из племени черных медведей хочет драться с Аларом?

Кутуз. Кутуз задавит любого, кто тронет моего брата!

Ур. Все в племени черных медведей знают, как силен Ур в охоте. Ур не боится!

Мужчины друг на друга оценивающе смотрят.

Алар. Алар может оставить часть оленей. Алар не хочет войны с племенем черных медведей. Но Алар просит взамен!

Торук. Что?

Алар. В племени черных медведей остались старые и слабые люди. Зачем они вам? Пускай они уходят с нами, а мы оставим вам половину своих оленей!

Алкын (*шепчет Торuku*). Соглашайся, зачем нам кормить стариков и больных людей? Какой от них толк? Смотри, сколько они привели оленей!

Торук. Вождь племени черных медведей согласен отпустить стариков и больных людей. Но Алар, должен оставить не половину, а большую часть оленей!

Алар. Алар согласен!

В племени началась суматоха, кто-то идет, чтобы сосчитать оленей, а кто-то собирает стариков и больных. Чуть в сторонке разговаривают братья.

Кутуз. Что будем делать дальше?

Алар. Мы знаем, где можно найти еще оленей. Мы будем их разводить! Мы научимся! Старики и больные пускай помогают сторожить и кормить оленей. Чтобы племя росло, мы будем принимать всех, кто придет к нам жить! Мы никогда не будем гнать людей!

Внезапно гремит сильный гром, люди от страха прижимаются друг к другу. Слышится шум дождя.

Алкын. Слышишь, Алар, боги в гневе! Ты рассердил богов! Ты пошел против заветов предков, ты пошел против духов, ты пошел против воли богов! И боги тебя за это покарают. Боги и духи будут карать каждого, кто свяжется с тобой!

Ур. Что будем делать? Там дождь.

Алар. Я больше не боюсь дождя. И я смогу вас защитить от дождя и ветра там, в долине, вдали от этих тесных пещер. И пока я здесь, живой, никто вас не обидит, ни люди, ни боги, ни духи!

Кутуз. Алар, ты будешь лучшим вождем

Алар выходит из пещеры, под проливной дождь, смотрит в небо.

Алар (кричит). Я больше не Алар! Я Пронзающий небо копьем! Я создам новые заветы, и боги мне больше не страшны!

Затем разбегается и бросает в небо копье.

Занавес.

Светлана СОТНИЧ

Светлана Сотнич. Родилась в 1991 году 16 июля в с. Эрзин, но детские и школьные годы провела в Бурятии. Школу окончила с серебряной медалью. Параллельно с общеобразовательной школой окончила школу искусств по двум направлениям: изобразительное искусство и театр мод. С детства увлекается поэзией. Первое стихотворение написала в 8 лет. Стихотворение называлось «Зайку, мишку и сову, все игрушки я люблю». После чего последовал ряд публикаций в районной и республиканской газетах. А в 2008 году на республиканском конкурсе «Сочинение года» была награждена дипломом второй степени. Сейчас она студентка 5-го курса филиала Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова в г. Улан-Батор Монголии. В скором времени планирует выставку в центре культуры «Русский Мир». Смыслом своей жизни называет искусство, которое можно дарить окружающим и наслаждаться им самой, выразить себя словами и красками...

ВДОХНОВЕНИЕ ПО ЗАКАЗУ

Никогда не понимала и до сих пор не понимаю, как у людей получается творить по заказу. Сказали сделать к первому числу, а он пошел, написал, напечатал и сдал в срок.

Вот у меня всегда великая проблема, я просто теряюсь от этих временных рамок. Потому как мне всегда казалось, что *муза* приходит совсем не по заказу. Моя *муза*, это что-то неуловимое, легкое и слегка тревожное, больше даже в этом чувстве чего-то мужского, чем женского. И *музу* так легко не позовешь, не пригласишь на чай, не поболтаешь и не обсудишь темы будущих рассказов. Это что-то абсолютно легкое и таинственное, никогда не знаешь, когда это произойдет.

Бывает, сидишь на кухне, готовишь обед, отчищаешь картофельную шелуху... и вдруг понимаешь, что те мысли, которые тебе были навязаны несколько секунд назад должны быть обязательно записаны, хоть как-то зафиксированы, иначе они рискуют остаться забытыми, так и не появившись на свет и не сформировавшись в отдельную обдуманную мысль. А такое бывало, причем очень часто. И потерю от этого, даже не назвать обидой, скорее горьким сожалением навсегда чего-то потерянного. Поэтому, наученный горьким опытом, ты несешься сломя голову записывать грязными руками и огрызком карандаша те обрывки мыслей, которые успел запомнить, а бывает «надиктовываешь» их себе на телефон за неимением пишущих принадлежностей.

В ту же самую минуту тот, кому поручили дописать роман к первому числу, сидит за печатной машинкой и как под диктовку записывает свои мысли... Всегда казалось, что такие люди не из этого мира, особенно, если так пишут молодые писатели. Либо пишут они без души. А это уже совершенно отвратительно. Почему? Потому что каждое стихотворение, рассказ или повесть как ребенок. Его долго вынашиваешь в душе, готовишься к его появлению – шлифуешь, оттачиваешь и только после этого пускаешь на свет божий. И помимо этого несколько раз отзываешь его назад, что-то меняешь и корректируешь. И тогда уже с такой заботой и любовью, вложенными в каждую строчку, представляешь на критику читателям.

Единственное, что хотелось сказать в этом рассуждении, только то, что любое творение, написанное без любви, все равно, что человек без души, без желания и воли. Такими стихами не стоит марать бумагу, не стоит тратить время на такие писаки. Пусть волшебный мир поэзии останется чистым и нетронутым этим бездушным шлаком современности.

ТАМ, ГДЕ КОНЧАЕТСЯ ВРЕМЯ...

Шораану посвящается...

Человек придумал время, точнее придумал, как его измерять. Разделил планету на часовые пояса, ночь назвал ночью, а день – днем. Но не смог придумать, как остановить время, продлить минуты тихого счастья, как сократить черные полосы. Мы редко думаем об этом, вернее даже не задумываемся.

Мысли об этом приходят, когда теряешься в придуманном нами времени, точнее - пересекаешь часовые пояса. Думаешь... эх, а там уже 12 ночи, здесь еще 8 вечера.

Первая мысль: у меня есть 4 часа, не вписанные в график жизни.

Не знаю, как вы, но именно в такие моменты начинаешь ощущать себя королем времени. Даже Властелином.

«Я живу 4 лишних часа!»

Но все равно когда-нибудь мы пересекаем эти же часовые пояса в другом направлении. И несколько часов жизни уходят в никуда. Ну, как же так. Становится немного обидно за эти потерянные часы. Поэтому мы ищем оправдания, хотим разобраться. И вот первое, что пришло в голову: я просто вернул часы, что занял на время у судьбы.

И тут ты понимаешь одну вещь, а на душе становится невыносимо грустно, потому что не было ни подаренного времени, ни часов занятых у судьбы. И время не останавливалось и не бежало вперед. Оно тихо и размерено отмеряло свои шажки...

Иногда, когда я слышу тихое, но резкое тиканье часов, моя душа холодеет – сейчас, пока я слушаю шаги времени, само время безвозвратно уходит. И пусть так медленно и спокойно. Но оно уходит, и уже никогда не оглянется назад...

Потому что только в конце нашего пути мы поймем, что жизнь – это и есть секунда, всего лишь один шаг времени. Просто кто-то прожил эту секунду, не задумываясь о ней, не считая дни, не жалея эти несчастные 4 часа...

А кто-то потратил эту драгоценную секунду на то, чтобы непременно сосчитать все шаги времени...

8.52 — Тува

9.52 — Бурятия

18.08.08.

ЖИЗНЬ В КРЕДИТ

Порой невольно задумываешься о своем социальном положении, когда мимо тебя на большой скорости с ревом проносится дорогуший спортивный автомобиль. «Ведь кто-то ездит на таких...», - думаешь ты по дороге на автобусную остановку.

Действительно кто-то ездит. Тут три варианта: либо авто куплено родителями, либо самостоятельно, либо взято в кредит. Причем, скорее всего, в кредит, потому что позволить себе единовременный платеж в 30-40 тысяч долларов может не каждый обеспеченный человек. А ведь именно столько стоит самый простой достойный спортивный автомобиль.

Многие считают, что лучше не связываться с кредитами, честно копить у себя под подушкой и оплачивать все свои покупки наличными. Мы страна, наученная горьким опытом 1998 года, и старшее поколение уже не переубедить, не переделать. Нам трудно объяснить им, что получать зарплату удобнее через пластиковые карты, что электронные переводы быстрее и надежней, что свои сбережения выгодно держать в банке на депозите, чем у себя под подушкой во времена жестокой инфляции. До сих пор не понимаю людей, которые сидят у нас в министерстве экономики. Почему так плохо работают информационные центры, почему людей, которые знают основопола-

гающие термины работы банка: «ставка рефинансирования», «депозит», «тело кредита» единицы?

Становится понятно, что это кому-то нужно. А если посмотреть на наш кредитный рынок, он в полном упадке. Люди боятся кредитов, считая это «рабством». В какой-то степени это действительно так, благодаря завышенным ставкам. Неужели это не интересно нашему правительству?

В противовес хочу рассказать вам историю, которая случилась со мной совсем недавно: наши друзья после заселения в новую квартиру, решили обставить ее модной импортной мебелью. Сделали заказ из Италии, ждали почти месяц. За это время тесно познакомились с работниками компании, поставляющей эту мебель в Россию. Они-то и рассказали нам про жизнь за рубежом.

Нет, мы конечно и до этого случая знали какие условия кредитования за рубежом, но никогда бы не подумали, что эта система развита до такого уровня.

Оказалось, что почти вся Европа строго следит за модой, меняет мебель каждый сезон, с изменением трендов и модных цветов. Причем все это происходит в кредит, это норма жизни, к которой там все привыкли. Сменили один кредитный диван на другой. А «немодная» мебель, которая уже никому не нужна, отправляется на продажу в Россию как самая модная мебель из Италии.

Друзья были жутко расстроены, но ничего исправить было уже нельзя, поскольку заказ был изначально оплачен. После этого случая, я чрезвычайно заинтересовалась системой кредитования за рубежом. Честно признаюсь – я поражена и по сей день.

Почти вся жизнь, протекающая за границей, оказалась взятой в кредит. Хотя и я бы не отказалась от такой жизни, с такими-то низкими ставками. Более того, есть страны, которые прощают вам кредит после вашей смерти, не переписывают его на ваших детей, не трясут поручителей (естественно прощаются кредиты до определенной суммы, но поверьте суммы совсем не маленькие). Удивительная система кредитования.

Но случаются парадоксы с таким образом жизни. Представляете, просыпаетесь вы как-то солнечным утром в своей кровати (взятой в кредит), спускаете ноги в тапочки (оплаченные кредитной картой), идете ставить чайник (оплаченный той же картой) на кухню (ремонт, которой вы так же оплатили картой). Потом проходите по коридору (квартиры, взятой в долгосрочную ипотеку), подходите к двери и забираете со столика ключ от своего спорткара (взятого в пожизненный кредит). Мне кажется, присказка «Красиво жить не запретишь» тут как раз кстати. Для кого-то эта ситуация покажется абсурдной, для кого-то это станет тяжелой ношей. А для современного жителя той же самой Италии – это норма жизни.

ЛЕТО ДУШИ. ЧТО ЭТО?

Перестала смотреть телевизор, занималась спортом: бегала, играла в теннис, ходила в походы, много читала, писала стихи и прозу, медитировала, рано просыпалась, почти не пользовалась интернетом, худела, занималась собой, творила, шила и мастерила, слушала классику, играла на пианино, засыпала вовремя, иногда долго смотрела на звездное небо... Просидела всю ночь у распахнутого окна в ливень, слушала дождь, попала в ураган, ходила босиком, бегала по лужам, пела песни вслух и много танцевала. И самое главное... мечтала...

Спасибо за возможность так проживать свои дни... Это истинное счастье...

МЕТАФИЗИКА

Абстрагируйтесь от всего, забудьте обо всем, что вы знаете, начните с нуля, дайте волю фантазии...

Пустота, черная она или белая, зависит только от вашей фантазии. Яркое мерцание, сначала две, три яркие вспышки, после семь, уже восемь горящих огней. Загораются и гаснут, с каждым разом рождая все больше и больше пылающих звезд. Все происходит настолько быстро, что глаз не может запечатлеть эти моменты, зато наша фантазия может воссоздать все произошедшее.

Уже тысячи, миллионы ярких пылающих шаров мерцают. Загораются и гаснут, ускоряют этот процесс. Они мерцают настолько быстро, что человеческий глаз не в состоянии заметить это. Нам кажется, что они уже не гаснут, а горят ровным постоянным светом. И тут хлопок, миллиардное скопление резко разлетаются от центра и в сотую долю секунды собираются в одной яркой, невыносимо яркой точке пустоты, которая перестала быть пустотой после того, как появилась первая горящая точка...

Мы смотрим на это чудо, блаженствуем и слепнем. Но совершенно не жалеем об этом, потому что увиденное стоило того, что бы ослепнуть. Мы слепнем и опять попадаем в созданную пустоту. Темнота окружает нас. И все повторяется заново. Точно так же человек может родиться и погибать заново. Главное, что бы он не жалел о том, что сделал, и о том, чего уже никогда не вернуть. Потому что никто из нас не знает, что ждет его завтра. А существует ли это «завтра» решать нам...

ЗАПАХ ПРАВДЫ, ВОЗДУХ РЕАЛЬНОСТИ...

Мир, наполненный бытом и каждодневной суетой. Тихая деградация, медленное и незаметное увядание, проще говоря, старение... именно это мы можем считать реальностью.

А как же? Не может же быть реальностью то, что происходит как бы не с нами. Вернее с нами, но не с нами.

Другими, более понятными словами – мы всегда готовимся к худшему, а лучшее когда-нибудь еще там впереди. Правда, навороченная конструкция получилась? Но, увы... все мы так думаем. Даже поговорки такие придумали: «Хорошего помаленьку», «Лучшее всегда впереди – надейся и жди» и т.д. и т.п.

Но самое интересное, что никто не знает где это «впереди». Вдруг оно уже настало – а мы все до сих пор отказываемся в это верить?

СЕКУНДНАЯ СТРЕЛКА

Недавно обратила внимание, что большое количество рассказов написано на тему потерянного времени. Задумалась – почему? Пришла к выводу, что нет в этом мире ничего дороже времени. Потому что даже такие категории как любовь и здоровье попадают под его зависимость: сколько еще проживет любимая бабушка и всю ли жизнь любимый человек будет рядом. Все эти моменты строго отмеряет секундная стрелка.

Однажды один мой хороший друг рассказал мне замечательную притчу. И вот о чем в ней говорилось: «О ценности года спроси у студента, завалившего сессию в конце года. О ценности месяца спроси у женщины, родившей преждевременно. О ценности недели спроси у издателя еженедельника. О ценности часа спроси у влюбленных, с нетерпением ожидающих встречи. О ценности минуты спроси у опоздавшего на свой рейс. О ценности секунды спроси у уцелевшего в катастрофе. О ценности доли секунды спроси у серебряного медалиста олимпийских игр». Притча настолько понравилась и полюбилась. В нескольких строках заложен сокровенный смысл: «Время никого не ждет. Ценить нужно каждое мгновение, подаренное судьбой».

Но тогда почему, зная, что нет ничего ценнее времени в этом мире, мы не обращаем на его движение никакого внимания?

Много лет тому назад, когда я еще училась в школе, мне довелось наблюдать парадоксальную вещь. Училась я тогда, кажется, в классе 8-ом и часто опаздывала на занятия. Это было нашей семейной «болезнью» или традицией, если можно это так назвать. Продолжалось это довольно долго, и одним прекрасным днем мне пришла идея о том, что бы перевести стрелки часов на несколько минут вперед. Идея показалась хорошей, поэтому быстро пришла в исполнение. Часы были переведены на 10 минут. Удивительно, но никто такого изменения не заметил: мой папа так же выходил на работу в положенное время и направлялся к остановке служебных автобусов. Мама вставала раньше, готовила завтрак, провожала папу и так же привычно уходила на работу. Сама я ровно три дня не опаздывала на уроки, поскольку именно 10 минут мне не хватало, что бы прийти на занятия вовремя и занять свое место за партой.

Но после этих трех дней уловка перестала работать, поскольку мне было известно, что часы переведены, и можно вздремнуть лишние 10 минут. Тогда мне пришла идея перевести часы еще на 5 мин. Странно, но и этому изменению никто не удивился, не заметил. Просто перестали опаздывать, а жизнь продолжалась в таком же ритме. На неделю мне хватило такого изменения, и часы были переведены в третий раз еще на 5 минут. Парадоксально! Но и на разрыв в 20 минут родители отреагировали спокойно, только папа сказал, что с утра ему приходится ждать автобус на остановке, а раньше он всегда догонял его или даже ездил до работы на личном авто. Мама лишь пошутила, что у нас еще есть шансы стать пунктуальной семьей.

В день, когда я проснулась, якобы на 20 минут позже, зная о подмене времени, дома никого уже не было. Все ушли на работу и по делам. Зная, что есть запас, я не торопясь собиралась в школу.

И только на большой перемене, в перерыве между 3-им и 4-ым уроками я поняла смысл произошедшего. Тогда, я помню, меня впервые пронизал метафизический ужас. Впервые я поняла слова моей любимой бабули: «Раньше Земля не крутилась с такой скоростью, и время не ускоряло свой ход. Иногда мне кажется, что время настолько ускорилось, что я лишь успеваю отрывать листки календаря. В моей молодости время шло медленнее».

Раньше смысл этих слов просто не укладывался у меня в голове. Как же это так? Время есть время, и бежать оно не может. Я уважительно кивала в ответ бабуле, делая вид, что все мне понятно.

Как грустно тогда стало... Я отняла у своей семьи целых 20 минут, а они даже не заметили. Неужели у людей можно так незаметно воровать время. Пять минут там, 10 минут здесь, если посчитать в год, то несколько дней из жизни просто выпадают. А как же драгоценные минуты?

Помню, тогда я в грустном ступоре плелась домой со школы. Солнце клонилось к закату, а люди вокруг торопились, куда-то вприпрыжку бежали, скоро отмеряли шаги, не обращая на меня никакого внимания. Тогда мне хотелось встать и разреветься посреди дороги и сказать: «Нет. Я так не играю!». Но никому не было до меня дела, кто-то болтал по телефону, договаривался о встрече: «Нет, нет, в пять у меня нет времени!», а кто-то считал секунды на светофоре.

Вечером, ворочаясь в кровати, я думала, а вдруг есть такие инопланетяне, которые забирают у нас время, сосут наши минуты, а мы даже не замечаем. Думала, а может мне еще не 13, а только 7 или 8. Думала, а может, мои родители еще очень молоды, а у них уже 2-ое детей. Думала про бабушку, которой уже не стало...

Уже ночью, пока все спали, все часы были переведены назад. А утром все вернулось на свои места. Я опаздывала на занятия, родители на работу... Изменилось только одно – отношение ко времени...

...Прошло уже много лет, после этого случая, но память бережно его хранит.

В конце хочу сказать только одно: давайте ценить время, не проводить его в интернете или возле телевизора, не спать до обеда и не ждать удобного случая. Будем любить близких, не тратить время на споры и ругань. Прямо сейчас встанем и обнимем близкого нам человека или хотя бы просто позвоним. Время дарит нам мгновения – потратим их правильно!

СЛОВА

(рассказ написан от имени слов)

Все гораздо проще, чем кажется. А кажется ли оно?

Просто, если говорить об этом и не думать над смыслом этого выражения, пропадает смысл сказанного и всего, что будет написано далее. Я говорю вам от имени слов, которые вылетают из человеческих уст. На самом деле мы всемогущи, ведь многое зависит в жизни человека от сказанных слов. Точнее от нас. Вы считаете, что мы даже не материальны, просто существуем в тот момент, в который нас произносят. Но это, увы, не так, потому что мы способны сводить с ума, жить в ваших сердцах и умах, не давать вам спать или дарить ощущение безграничного счастья. Вы даже не представляете, как много мы для вас значим. И жаль, что вы этого не понимаете.

«Говорят, что люди чувствуют смерть перед ее приходом... Когда человек понимает, что осталось ему совсем немного – он перестает углубляться в свои проблемы, сводит их на нуль, и оставляет только самое главное. Вы скажете, что для каждого человека это «главное» у всех разное... И вы будете правы: для кого-то это деньги, для кого-то недостижимые цели. Но чаще всего люди думают о самых близких и родных, потому как перед смертью хочется попрощаться со своими драгоценными, признаться им в настоящей и искренней любви... Так и поступил глава семейства, о котором и пойдет дальше речь. Дед Афанасий, скрючившись, сидел в своем любимом кресле качалке. Он не захотел переместиться на кровать даже тогда, когда ощутил дыхание смерти. Настолько он любил свое кресло, что и умереть он хотел именно в нем.

Дед медленно покачивался и мысленно прокручивал кадры из своей жизни. Примерно раз в 30 минут он поглядывал на часы. Каждый раз, медленно поднимая усталые глаза, он думал о смерти, которая сегодня заглянула к нему. Он ждал ее и смирился с тем, что жизнь не может продолжаться вечно. И вот, наконец, она пришла. Почему именно сегодня не знал никто, но дед Афанасий был готов к ее приходу. В его глазах не читался страх, а даже наоборот проскальзывало какое-то удовлетворение. Потому что прожив такую долгую жизнь (86 лет нельзя назвать короткой жизнью), он многое понял и с многим смирился. Но лишь с одним он не мог смириться, его любимая и единственная дочь останется одна. Сейчас

он уйдет и больше никогда не сможет помочь ей, дать совет, приласкать и пожалеть. Только с этим он так и не сумел смириться за 30 лет. Именно столько должно было исполниться Наташеньке (так он ласково называл ее). Но дело даже не в том, сколько сейчас Наташе лет, сколько ей исполнится, сколько прожил дед Афанасий и сколько ему осталось. Важно то, что когда смерть оставит ему последние 15 минут, Афанасий позовет свою дочь. Она непременно подойдет к нему, склонится над его маленьким сморщенным телом и будет внимательно слушать его наставления. И даже когда тяжелое дыхание прервется, слова, произнесенные Афанасием, останутся, не улетучатся, а останутся жить. Тысячу раз они пронесутся эхом в голове Наташи, перемешаются с тихой болью утраты, но останутся. И больше уже никогда никуда не уйдут, они будут до конца с Наташей. Слова, которые еще не раз сыграют свою роль, которые еще много раз помогут ей, поднимут и не дадут просто сдаться... »

Слова, как и люди, живут...

Не разбрасывайтесь словами, будьте осторожны с ними.

СЛУЧАЙ

Можно говорить о многом, думать о многом, но не замечать главного. Иногда за бытом и повседневными проблемами теряется истинный смысл жизни.

Подумать только, лишь единицы в данную минуту осознают истинный смысл своего нахождения на Земле. Трудно поверить, что люди, которым уже далеко за 50, до сих пор ищут свое предназначение в нашем большом странном мире. В молодости нам на мгновение кажется, что мы нашли себя: мы сделали выбор своего пути – хорошая профессия, большой дом, забота о родителях, дорогой авто в капитальном гараже и куча ребятишек, спующих по дому. Каждому кажется, что смысл в этом. И нам даже не хочется думать, допустить мысли о том, что все это настолько зыбко, что не то чтобы планировать это смешно, даже думать об этом – словно мечтать.

Мне кажется, чтобы по-настоящему ценить жизнь, всегда стоит помнить о том, что все дело случая. Случайно мы можем найти свою половинку, встретившись с ней взглядом в городе миллионике, перебегая дорогу в шумной толпе, и прожить с ней всю оставшуюся жизнь. А можем и не встретить - прожить свои годы в одиночестве, пить чай с бутербродом в холодной квартире.

Случай может отобрать у нас родителей, а может продлить им жизнь.

Случай может подарить нам шанс всей жизни, а может отобрать его.

Есть много вещей, которые не зависят от нас, но мы настырно пытаемся переделать их под себя. Создаем шаблоны, мечтаем, за-

мораживаем образы и всем существом стремимся к ним. Так мы сначала становимся материалистами, затем единожды поймав удачу за хвост – меркантильными материалистами. А после, привыкнув к такой жизни, – и вовсе безбожниками, которые подменили веру на деньги, надежду на ожидание удобного случая, а любовь на расчет.

Мы горько плачем, когда случай поворачивается к нам спиной. Но ведь на самом деле мы ничего не потеряли. Нам всем изначально было известно, что «птица счастья» прилетает не каждый день.

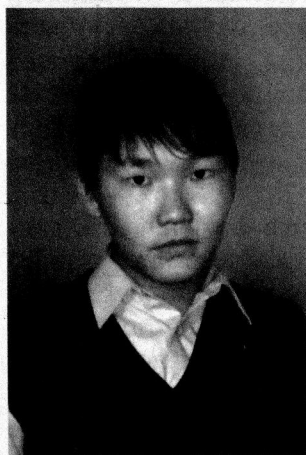
Может нам пора перестать идеализировать жизнь, отказаться от шаблонов и жить для души. При этом не превратиться в фаталиста, который ждет у моря погоды. Предлагаю, зная о случае, но быть к нему всегда готовым.

ФОТОГРАФИЯ

Мне часто говорят о том, что у меня очень много фотографий, как печатных, так и электронных. Многие осуждают, возможно, кто-то понимает. К примеру, моей маме это очень нравится, а вот моему лучшему другу эта особенность кажется странной. Он постоянно говорит мне: «Ты постоянно фотографируешься, постоянно с фотоаппаратом. Наверное, это уже все настолько искусственно, что ты не помнишь когда улыбалась на фото от души». Я всегда возражаю и отвечаю ему, что ничего от присутствия фотоаппарата не меняется, кроме того, что все моменты моей жизни и того, кто будет рядом со мной останется в памяти, даже когда собственная память будет нас подводить.

В свои 21 я постоянно забываю, что за праздники были, и какие люди присутствовали на этих мероприятиях. Что будет через 20-30 лет? Поэтому мои фото никогда не допустят, что бы мы гадали: было или не было.

Фотография эта память о любимых лицах и счастливых моментах. Конечно все самое лучшее останется навсегда в нашей собственной памяти. Но я, все же, хочу открыть фотоальбом и посмеяться над тем, какими самоуверенными мы были, полагая, что запоем все, что с нами произошло.

Сай-Даш МОНГУШ

Монгуш Сай-Даш Шолбанович. Родился 20 ноября 1998 г. в Кызыле. Ученик 8-го класса Хадынской средней школы. Самый юный участник республиканского семинара молодых писателей, посвященного 70-летию Союза писателей Тувы и Году тувинской литературы в Республике Тыва. Победитель республиканского поэтического конкурса «Мой прекрасный трезвый мир» среди школьников. Его наивные стихи не отличаются особой умелостью, но отмечены непосредственностью, наблюдательностью, равнодушным отношением к окружающему миру и большим желанием высказать поэтическим словом свои чистые детские мысли и переживания. Надеюсь, что со временем он обретет мастерство, публикуем стихи Сай-Даша без особой редакторской правки.

* * *

Ночью хочется спать,
Но я сижу, пишу стихи в полусне.
Рифма сегодня не поддается мне
И зачем же я пишу стихи? Людям?

Хочу чего -нибудь веселого и понятного!
Но все время получается грустная правда жизни.

Ну, прошу ради всего святого,
Рука, не думай, ты пиши!

Опять я завожу свою волынку.
Что-то хочется опять немножко сыру...
Но так получается просто рифмоплетство,
И весь этот стих - позерство!

Не буду про пьяных писать,
Не буду про подлость людей...
Что же, мне нечего лгать -
Мне просто хочется спать...

УЕЗЖАЮ, РОДНАЯ ЗЕМЛЯ

И вновь я отлучаюсь от тебя
Остаться с тобой я надеялся зря.
Будет мучить опять город меня,
Ведь жизнь еще тот ведь судья.

Проносится мимо дорога,
Тускнеет за стеклом погода.
Так становится плохо во мгле.
А может, все это кажется мне?

Уезжаю, родная тайга!
Но приеду, не плачь ты зря.
Ждут меня высокие дома...
А жизнь справедливый судья.

МОЕЙ БАБУШКЕ

Глухая бабуля и ее соседка -
Какая может быть смешнее беседа?
Одна говорит про оплату за свет,
Другая заводит про свой хлеб.

- Слышала, неподалеку комета упала?
- Да, я ведь тоже на нем скакала!
- А деньги седьмого заберешь?
- Да, да восьмого там платеж!
- Что, что? Тебя совсем ведь не поймешь!
- Да, оборзела молодежь!

И я там был, в соседней комнате,
И со смеха совсем забыл о голоде.
А бабушки все говорят, да не попадут...
А у сытых и голодных так же разный лад.

* * *

По полю бежит сирота,
Кричит: «Мама».
Не было ответа.
Лишь трава прошуршала...
Но сиротка поняла –
Ей ответила Тува...

* * *

Ты выбросил фантик на улицу зря!
Думаешь, какой вред от меня...
Но каждая мелочь в счет!
Тучи собираются и дождик льет,
Яблоня каждый год приплод дает
И человек должен решить
Кислый или сладкий плод взрастить.

ФАНТАЗИЯ

Заря красна
И велика, издалека видна...
Она цветы поспать звала
И свет дневной крала...
И сидя на горе,
Думаешь о беде, как о себе...
Выдуманная фантазия,
Как жаворонок в небе,
Как на металле коррозия...
Что это я?
Завладела мною фантазия...

Чего сегодня не сделал я?
Заполняю тетрадей поля,
Пробегаю зря по закоулкам самого себя...
Хватит лежать,
Надо слепоту топтать.
И хватит себе лгать,

Что собаки не могут летать.
Тебя никто не будет звать,
Дорогу себе надо копать!
А не во лжи глубокой спать,
Тебя никто не будет спасать,
Если в тупике будешь утопать.
Даже если будешь кричать,
Всем на тебя наплевать.

На земле таких миллионы.
У всех есть телефоны.
Сейчас на небе черные вороны,
И они не знают, кто ты.
Сейчас эпоха ядерной войны.
Уже качаются деревьев кроны,
Слышишь их стоны?
И то, что не сделал вчера
Не исправить сегодня.
Ведь завтра - преисподня...
Шутка, конечно, глупая
Выдуманная фантазия пресловутая,
Но подумай-ка,
Что, если это правда?
Не ленись,
Делай все вовремя,
Ведь жизнь продолжается сегодня.

* * *

Спортсменом быть,
Здоровым жить,
Не курить, не пить.
Может ли детская мечта такую быть?
Вопрос этот я задал, зная ответ.
Но ведь может случиться, что где-то
Ребенок, не зная родительского света,
Вечерком, под грязным столом
Дитя сидит, плачет и думает только об одном,
Когда же мать перестанет петь под окном,
Придет, с любовью обнимет, сядет рядом...
Мама,
Берясь за спиртное, одумайся!
Представь, что твое дитя мучается,
Плывет, карабкается, в грязи купается,

В жизни цель найти пытаются...
Не хочу углубляться в подробности,
Достаточно посмотреть программу «Новости»...
Спортсменом быть –
Здоровым жить.
Не курить, не пить...
С потомством пьяницы такого не может быть!
Может, я в своих фразах жесток,
И в жизни повидал лишь чуток...
Но больной старик познал свой урок,
Спирт берет много за этот урок...

* * *

Когда совершаю я этот шаг,
Королем я себя чувствую, это так!
Ханом жизни. Мастер и верстак....
Но... ошибка одна, и я простак....

Шагаю же я по новой тропинке.
Путь свободен, все очевидно!
А лужи темны и на встрече полны,
И все так похожи на фоне луны

Куда я иду, куда я шагаю?
Метр за метром я снова считаю
А воробышки над ухом все так и поют
На их тени посмотришь – и волки спуют...

Опять я совершаю этот шаг
Королем я себя чувствую, это так!
Ханом жизни. Мастер и верстак
И ошибка одна... и я простак...

* * *

Иногда бывают такие моменты,
Когда хочется все бросить и оставить в запале.
И тогда вспоминаешь все те же секреты,
Что борец проигрывает не на мате,
а на тренировке в спортзале.
Но тогда вспоминаешь свои же слова
Потрудись сейчас, что б не кипела потом голова.

* * *

Почему песня о матери всегда так грустна?
Горечью, любовью и виной заполнена она.
Виной... состраданием...
Ну почему?
Почему же я этого все никак не пойму?
Может, слишком мал я и не понимаю,
Но должен узнать я, точно знаю.
А может, и поэтому виноваты они,
Что слишком поздно все это поняли...

Прости меня, мама, за все неблагодарное,
Спасибо за жизнь без корысти данное.
Хочу ценить тебя за то, что ты есть,
И мама..., я буду кашу твою есть.
Пусть эти слова ты слышала тысячи раз,
Надеюсь, ты поймешь меня и без лишних фраз.
Поймешь то, что не поймут и тысячи глаз.
Ведь ты, мама, дана мне лишь только один единственный
раз.

* * *

Бабулька купила слуховой аппарат
И стала все слышать лучше стократ
Весь день она слышала, что о ней говорят,
Оглянувшись, ловила добренький взгляд.
На следующий день она сняла аппарат
И стала жить лучше, лучше стократ!

УКРОТИТЕЛЬ КАМНЯ

Очерк о творчестве Хеймер-оола Донгака

Лошадь, маленький всадник и жеребенок – всего лишь три фигуры, объединенные одной общей идеей – эту малую скульптуру, вырезанную из агальматолита, видит читатель на первой странице обложки нашего журнала. Вся скульптурная группа пронизана единой динамикой, стремительным порывом и мощным противостоянием. Вся мощь могучей лошади устремлена на то, чтобы вырваться из крепких и цепких рук маленького всадника и, как ветер ускакать в свои привольные степи. Но удалой юный всадник, восседающий на ней без седла, и упирающийся босыми, еще неокрепшими ногами в бока строптивой лошади, так неумолимо тянет к себе ее гриву, что для этого ему пришлось даже откинуться назад. Несмотря на это, лошадь не сдаётся, она упорно пригибает голову к земле, и вся динамика движения ее шеи, мощного крупа и жилистых ног наводит на мысль о том, что она, возможно, собирается сбросить седока со спины. Напряжение борьбы двух волей так завораживает, что и сам поневоле напрягаешься, одинаково сопереживая и крошечному всаднику и лошади. Противостояние упорства ребенка и непокорства лошади подчеркивается всем обликом жеребенка. В движении жеребенка объединены два противоречивых желания — он инстинктивно следует за матерью, но при этом оглядывается, поворачивая голову назад. Что выражено в повороте головы? Может, он надеется, что вожак табуна придет на помощь его матери? А может, он хочет ускакать на волю, но не может бросить свою мать, отчаянно борющуюся за свободу? Речь идет о работе «Маленький

кайгал» («Маленький удалец») известного скульптора-монументалиста и камнереза, члена Союза художников СССР и России, лауреата премии Ленинского комсомола Тувы, Заслуженного художника Республики Тыва Хеймер-оола Донгака.

Донгак Хеймер-оол Байдосович родился 13 сентября 1962 года в селе Тээли Бай-Тайгинского района. Как известно, Бай-Тайга — это родина многих выдающихся камнерезов Тувы, а гора Сарыг-Хая, возвышающаяся рядом с селом Кызыл-Даг, прославлена тем, что ее недра хранят в себе огромные запасы агальматолита — главного материала тувинских камнерезов. Хеймер-оол с детских лет занимался рисованием, резьбой по дереву и камню. Возможно, один из первых толчков к этому дала его тетя по материнской линии. Она была чабанкой и искусной мастерицей. Летовка тети находилась в одном из красивейших мест Монгун-Тайги на берегу таежной реки Тоолайлыг. На время летних каникул все родственники отправляли к ней своих детей. Вместе с ними всегда был и Хеймер-оол. Детей было много, а игрушек на всех не хватало. Однажды тетя предложила ему вырезать для них игрушки. Он начал вырезать фигурки животных, а тетя с одобрением рассматривала их и ненавязчиво замечала, что надо бы подправить тут и там. Так будущий скульптор незаметно получил первые уроки пропорции. В пробуждении интереса к искусству в его душе, несомненно, сыграла сама духовно-культурная атмосфера Бай-Тайги. Бай-Тайгинские мастера издревле славилась тем, что их изделия всегда очень высоко ценились в народе. Они занимались всеми видами художественных ремесел — резьбой по камню и дереву, росписью по дереву, художественной обработкой металла, тиснением по коже, аппликацией по войлоку и т.д.

В школьные годы Хеймер-оол занимался в кружке камнерезного искусства Дондука Дойбухаа Хертековича. Когда был открыт этот кружок, вначале в нем было человек 30, но, как водится, со временем в нем осталось всего 7 самых заинтересованных и упорных учеников. Хеймер-оол тогда вырезал фигуру коня, и учитель сразу обратил внимание на эту работу и стал показывать ее всем для примера. Хеймер-оол, ловил, буквально, каждое слово учителя и, как губка, впитывал все премудрости камнерезного искусства. И это не пропало даром — когда он учился в 10 классе, его работы были отобраны для участия в республиканском конкурсе. Далее его работы были отправлены в Москву и после отбора в 1979 году были выставлены в Северной Корее, где проходила международная выставка детского творчества, посвященная Всемирному Году ребенка.

Так, со школьных лет он уже определил свой жизненный путь и после окончания школы поступил в Кызылское училище искусств. Его талантливые работы уже тогда обратили на себя внимание профессионалов и широкой публики, свидетельством чему служит то, что в фондах Национального музея им. Алдан маадыр хранятся его первые произведения

— «Косуля» 1979, «Маленький пастух» 1980, «Охотник» 1982, «Укротитель» 1982. С отличием окончив училище в 1983 году, он в том же году поступает в Ленинградское высшее художественно-промышленное училище им. В. И. Мухиной на отделение монументальной скульптуры. Будучи студентом, он уже участвует в крупных художественных выставках в Туве, Ленинграде и Москве, а также принимает участие в создании монументально-декоративных скульптур для большого фонтана на Площади Арата в центре города Кызыла. Для этой работы, во время которой он набрался немалого опыта и мастерства по созданию монументальных скульптур, в группу опытных и молодых камнерезов его включает все тот же Дондук Дойбухаа Хертекович.

Интересна история дипломной работы Хеймер-оола Донгака, с которой он окончил высшее училище им. В.И. Мухиной. В то время московским архитектором М.П. Бубновым было спроектировано новое здание Тувинского Национального музея. «Хеймер-оол Донгак специально встретился с архитектором Бубновым и предложил несколько своих композиций «Укротителя», изображавших арата-богатыря, стоящего на могучем сарлыке. Эта идея была одобрена архитектором и согласована с руководителем дипломных работ отделения монументальной скульптуры. В 1988 году Х.Б. Донгак на «отлично» защищает дипломную работу «Укротитель» под руководством профессора В.Л. Рыбалко. Скульптура была отлита в бронзе в 1996 году и установлена перед зданием Национального музея в 2004 году» -- пишет известный тувинский художник и искусствовед, член Союза художников России А.С. Хертек, которому мы выражаем благодарность за любезно предоставленные материалы о творчестве Х.Б. Донгака.

Член Союза художников СССР с 1989 года, Хеймер-оол Донгак, помимо постоянной работы над малыми скульптурами из агальматолита, на протяжении нескольких лет создает монументальный памятник «Скорбящая мать» в честь тувинских воинов-добровольцев, погибших на фронтах Великой Отечественной войны. Памятник установлен в селе Мугур-Аксы Монгун-Тайгинского района. Также им созданы ритуальные скульптуры Будды и Богда Бургана для храмов сел Кызыл-Даг, Хайыракан, Нарын и целебного источника Шивилиг. Накануне 50-летия Победы в Великой Отечественной войне в 1995 году он в соавторстве со скульптором Т.Ч. Ондаром выполняет бронзовые бюсты Героев Советского Союза Т. Кечил-оола, В. Бухтуева, Х. Чургуй-оола и т.д.

В 1997 году Х.Б. Донгака пригласили в Республику Калмыкия для оформления площади города Элисты перед всемирной шахматной олимпиадой. Он выполнил из песчаника садово-парковую скульптуру «Улу» («Дракон») возле центральной гостиницы Элисты.

Скульптор-монументалист Хеймер-оол Донгак постоянно участвует в республиканских, всесоюзных, всероссийских и международных выставках, где его работы пользуются неизменным успехом. «Детство и

творчество» 1979, Кызыл, «Мир и молодежь» 1985, Ленинград, «Россия — 70 лет Великого Октября» 1987, Москва, «Художники автономных республик, областей и округов РСФСР» 1988, Москва, «Декоративное искусство Сибири» 1990, Красноярск, «Сияние Севера» 1993, Москва, «Камни мира» 1996, Финляндия, «850-летие города Москвы» 1997, Москва, «Сибирь» 1998, Красноярск, «Россия» 1999, 2004, 2009, Москва, «Скульптура малых форм» 2004, Москва, «Народное искусство России» 2008, Вологда, «Сибирь — X» 2008, Новосибирск, Дни Республики Тыва в Красноярске 2009, «65 лет Советской Туве» 2009 Кызыл, «По родному краю» 2010, Кызыл, «65 лет Победе в Великой Отечественной войне» 2010, Кызыл, «Сокровища времен» 2010-2011 Красноярск, «Ремесла Сибири» 2011, Томск, «Искусный мастер» 2011, Нарьян-Мар, «Слава скакуну» 2011, Кызыл, «90-летие Тувинской Народной Республики» 2011, Кызыл — вот далеко неполный перечень выставок, в которых принимал участие талантливый скульптор Хеймер-оол Донгак.

За создание высокохудожественных произведений Хеймер-оол Донгак в 1998 году награжден Серебряной медалью Академии Художеств России, а в 2003 году на выставке «Сибирь — IX» награжден Дипломом Союза художников России.

Результатом неустанной творческой работы за последние годы явились также монументальные композиции, созданные совместно со скульптором Александром Ойдупом. Это и монументально-декоративная композиция «Памяти погибшим воинам-афганцам» возле Кызылской школы № 12, и памятный знак из белого мрамора на границе Красноярского края и Республики Тыва, мраморный памятник великому тувинскому полководцу Субедею на мосту через реку Эрзин, и бронзовый памятник «Первым учителям Тувы» в Кызыле и т.д.

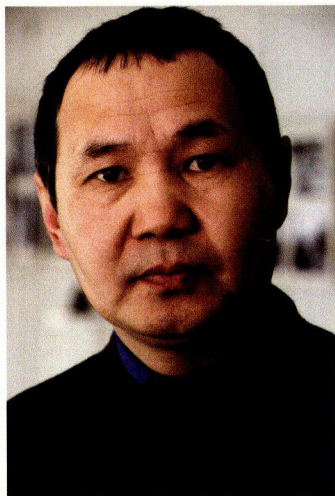
«Никогда не видели, чтобы Хеймер-оол Байдосович сидел, сложа руки. Он даже дома постоянно что-то вырезает, рисует, чертит» — вспоминают его многочисленные родственники и друзья. «Постоянная работа, непрекращающийся поиск новых выразительных средств, оттачивание навыков — без всего этого я не представляю свою жизнь. -- говорит он сам и добавляет. — И поэтому я хочу пожелать подрастающему поколению трудолюбия и серьезного отношения к своему делу, чем бы человек ни занимался».

И в самом деле, любо-дорого смотреть, как в руках мастера бесформенный камень вдруг оживает, постепенно приобретая форму то лошади, то козерога, то дракона. Особенно впечатляет меня его серия «Драконы», в которой, на мой взгляд, он достиг вершины своего мастерства в передаче пластики, динамики и всего характера этого мифического существа, Его скульптура «Укротитель», в которой выражена идея обуздания дикой силы природы в образе мощного яка богатырем, держащим в правой руке большой лук, как защиту перед всеми трудностями, а в итоге являющаяся образом единения человеческих и природных сил,

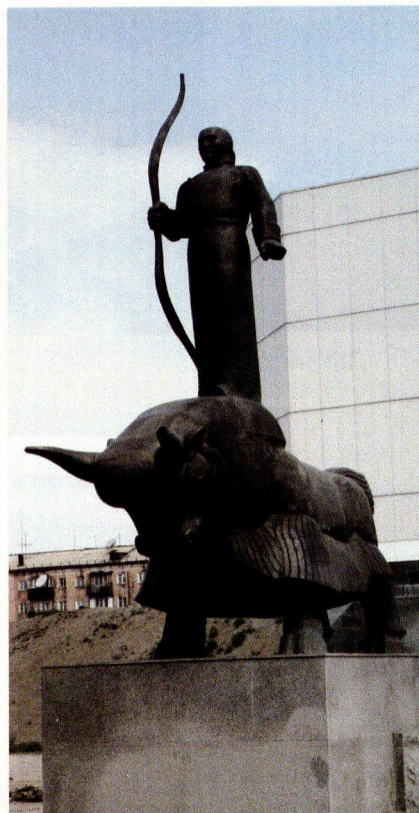
как нельзя лучше передает и образ самого ваятеля, каждым своим новым творением укрощающего неподатливый камень. Укрощающего для того, чтобы из камня рождались возвышенные образы, заставляющие людей поражаться красотой мира.

Хеймер-оолу Донгаку только недавно исполнилось 50 лет, и он находится в самом расцвете творческих сил, и мы, предлагая читателям снимки его работ, желаем ему полнейшего раскрытия творческого потенциала, вдохновения и устремленности в осуществлении всех замыслов!

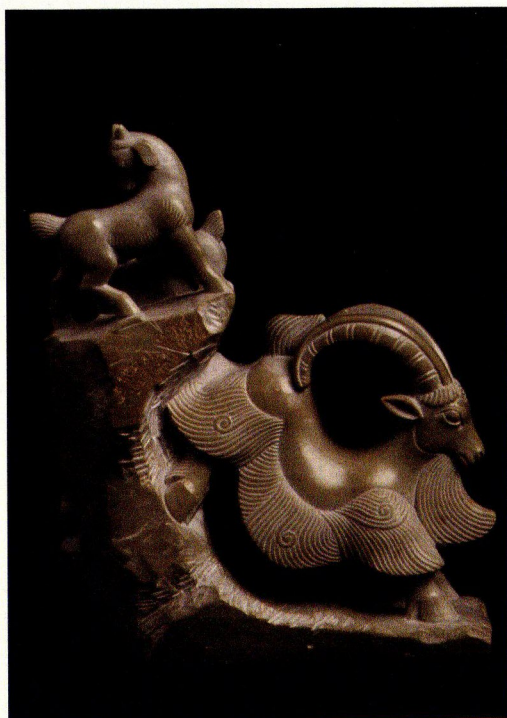
Эдуард МИЖИТ

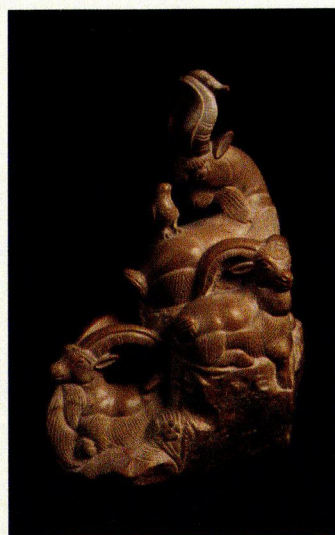
Донгак Х.Б. г.Кызыл.
2012г.

Донгак Х.Б. Укротитель.
г.Кызыл. Установлен в
2004г.

Донгак Х.Б. На утесе.

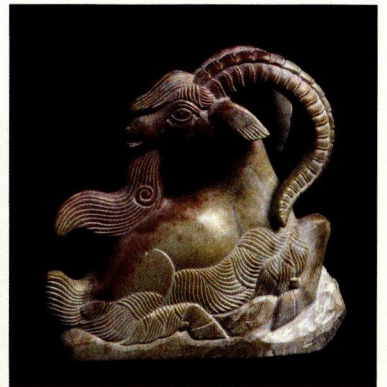
Донгак Х.Б. На скалах
Бай-Тайги.

Донгак Х.Б. Любовь.

Донгак Х.Б. Кабан.

Донгак Х.Б. Красный
козерог.

Донгак Х.Б. Верблюды.

Донгак Х.Б. Рыжий дракон.

Донгак Х.Б. Укротитель.

Донгак Х.Б. Скакун.

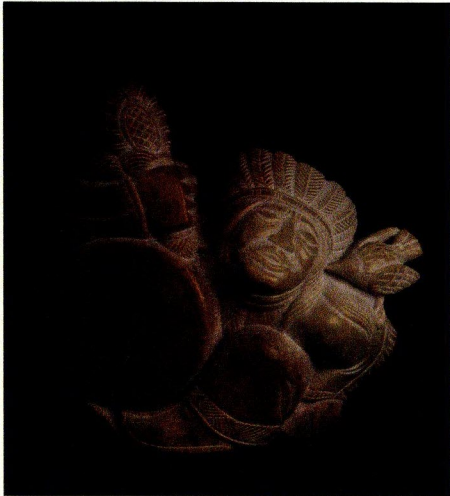
Донгак Х.Б. Як.

Донгак Х.Б. Два дракона.

Донгак Х.Б. Противостояние.

Донгак Х.Б. Шаман.

Донгак Х.Б. Камлание.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

Роман ЛУДУП. Долгий путь одной тишины. Роман.....3

ПОЭЗИЯ

Эдуард МИЖИТ. Суровое чудо зеркал. Цикл стихотворений	
То не ветер ветки клонит.....	29
Чудо.....	30
Слова.....	32
Крылатая свеча.....	33
«Втемяшится же в голову такое...».....	34
«Дать бы бесплотному плоть...».....	35
«Женой, глядящую, почти без надежды...».....	35
Песни.	
Круг.....	36
Разговор.....	36
Старый Шагонар.....	37
Душа – моя рояль.....	37
Кызыл, Кызыл.....	38
Мелодии Саянских гор.....	39
Актерская.....	39
Мы - эдегейчики.....	40

ПРОЗА

Игорь ПРИНЦЕВ. Имя графа. Рассказы.....41

ПОЭЗИЯ

Людмила САНЧАЙ. Возвращение песни.....	48
Кто эта женщина?.....	48
Август.....	49
Круглый год зеленеть планете.....	50
В грозу.....	51
Таланты и поклонница.....	51
Шаги в облаках.....	52
«Проси - и дадено тебе будет...».....	52
Нежданная гостя.....	53
Два отражения.....	53
Великое единство.....	54
Под музы пение и колдовство звезды.....	54
Язык младенчества.....	56

НОВЫЕ ИМЕНА

Вячеслав ТАНОВ. Долгое эхо в горах. Повесть..... 58

ПАМЯТЬ

Юрий ВЛОДОВ. Из многокнижья «Люди и боги». Стихи.....96

ДРАМАТУРГИЯ

Виталий ПЕТРОВ. Пронзающий небо копьём. Пьеса.....105

НОВЫЕ ИМЕНА

Светлана СОТНИЧ. Рассказы.....126

Сай-Даш МОНГУШ. Стихи.....136

КУЛЬТУРА. ИСКУССТВО. ИСТОРИЯ.

Эдуард МИЖИТ. Укротитель камня. Очерк.....142

Литературно-художественное издание “Улуг-Хем”

Редактор выпуска: Э.Б. Мижит
Ответственный секретарь: Ш.М. Суван
Дизайн и верстка: Р.Д. Лудуп
Корректор: Ш.М. Суван

Журнал отпечатан в типографии ООО “Кооператив Журналист»,
Республика Хакасия, г. Абакан, ул. Советская, 71

ГАУ “Редакция журнала “Улуг-Хем”.
667000, г. Кызыл. ул. Щетинкина-Кравченко, 57.
Формат 70/100 $\frac{1}{16}$ Физ. печ. л. 10,5 Тираж 600 экз.

